

Г К Жуков на Халхин-Голе

**Михаил Федорович
Воротников**

SHOUT
SHARE **IT**

- Воротников Михаил Федорович

Воротников Михаил Федорович

Г К Жуков на Халхин-Голе

Воротников Михаил Федорович

Г. К. Жуков на Халхин-Голе

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Полковник в отставке, адъютант Г. К. Жукова во время боев на Халхин-Голе М. Ф. Воротников в своих воспоминаниях рассказывает о Жукове - полководце и человеке, а также повествует о встречах с маршалом в последний период его жизни

Содержание

От автора

Истоки "необъявленной войны" на Халхин-Голе. Г. Плотников

Начало службы на монгольской земле. Впервые в роли адъютанта

"Баян-Цаганское побоище". Июльские оборонительные бои.

Миг боя - годы опыта

Августовская наступательная операция и ее итоги

Комиссары Халхин-Гола

Братская боевая дружба

Мой командующий

Вместо послесловия

Примечания

Список иллюстраций

От автора

Книгу эту я долго вынашивал в мыслях и чувствах своих. Прожитые годы жизни полны сложностей, радостей и огорчений. В памяти моей навсегда осталась яркая личность полководца - Георгия Константиновича Жукова.

Я был его адъютантом, когда шли бои на Халхин-Голе и впервые зримо проявился его незаурядный полководческий талант.

Георгий Константинович оказал мне большую помощь в работе над книгой: из своего личного архива дал фактический материал о разгроме 6-й японской армии на Халхин-Голе, высказал ряд мыслей и суждений по поводу "Необъявленной войны на Халхин-Голе", прочитал главу "Мой командующий", собственноручно внес свои поправки, дав положительный отзыв, который храню, как бесценную реликвию. В одной из бесед сказал: "История должна быть сохранена такой, какой она была по

тому времени. Это поможет современникам объективно осмыслить прошлое и сделать наиболее целесообразные выводы в конкретно сложившейся политической и военной обстановке".

Его младшая дочь Мария Георгиевна подарила мне несколько фотографий из истории боев, для иллюстраций.

Мне помогли и другие товарищи, которым выражаю искреннюю благодарность: Г. К. Плотникову - кандидату исторических наук, сотруднику института Военной истории, А. И. Грачеву - журналисту.

М. Воротников

Истоки "необъявленной войны" на Халхин-Голе

В героической летописи советского и монгольского народов есть страницы, которым суждено сиять веками. Одной из наиболее ярких, повествующих о боевом братстве наших народов, является сражение у р. Халхин-Гол - символ их верной и нерушимой дружбы, развивающейся на протяжении более шести десятилетий на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. У истоков этой дружбы стояли великий Ленин и неустрашимый Сухэ-Батор, которые на дружеской встрече в Москве 5 ноября 1921 года обсудили пути развития монгольской народной революции. Эта теплая беседа имела принципиальное значение для развития монгольской народной революции по пути от феодализма и мрака к социализму, минуя стадию капитализма.

Сражение у р. Халхин-Гол на территории братской социалистической Монголии в 1939 году - явление отнюдь не случайное и локальное, как это стремятся доказать различного рода фальсификаторы истории, а проявление империалистической политики "иными, насильственными средствами".

Почему же алчный японский империализм попытался именно здесь, в Монголии, вновь претворить в жизнь свои замыслы в конце 30-х годов нашего столетия? В чем лежат причины столь настойчивого стремления японского милитаризма утвердиться на азиатском материке?

Стратегически выгодное положение, которое занимает Монголия, издавна привлекало внимание правящих кругов Японии.

Это обстоятельство особо отметил В. И. Ленин еще в ноябре 1921 года в беседе с монгольской делегацией, о которой уже упоминалось выше, указав, что в силу такого географического положения страны империалистические державы в случае войны будут стремиться захватить Монголию и превратить ее в плацдарм военных действий против другой страны{1}.

Так, еще в конце XVI в. японский сегун^{2} Т. Хидэёси с целью покорить Корею, Китай и Монголию предпринял ряд походов на материк, закончившихся в 1598 году полным поражением. В конце XVII в. маньчжурским завоевателям, захватившим Китай и основавшим здесь Дайцинскую (маньчжурскую) династию, удалось овладеть всей Монголией. Черная ночь иноземного ига наступила для монгольского народа. Она продолжалась почти три столетия.

Во второй половине XIX столетия, накануне буржуазной революции Мэйдзи (1868 г.), имущие классы Японии вновь потребовали реставрации эпохи Хидэёси и осуществления его захватнических идей. Устами одного из своих предводителей - Ёсида Синоина - были высказаны основные руководящие начала японских территориальных претензий: "Захват Курильских островов, Камчатки, островов Рюкю, Формозы (Тайвань - Г. П.), покорение японскому владычеству Кореи и всего Китая (вместе с Монголией. - Г. П.) - минимум, необходимый для нормального развития Японии".^{3}

Японская военщина, выдвинувшая эти планы, вскоре приступила к их практическому претворению. В 1876 году под дулами орудий военно-морской эскадры была "открыта" Корея. В результате японо-китайской войны 1894-1895 гг. Япония по Симоносекскому договору получила китайский остров Тайвань, переименовав его в Формозу, и свыше 25 млн. английских фунтов (300 млн. юаней) контрибуции.^{4}

Следующим этапом захватнической политики японского милитаризма явилась русско-японская война 1904-1905 гг., в результате поражения в которой русский царизм потерял южную часть острова Сахалин, Японии удалось закрепиться на материке: она получила Квантунскую область, арендованную ранее Россией у Китая, а также Корейский полуостров, отошедший к Японии по корейско-японскому "договору" об аннексии в августе 1910 года.

Этот успех придал свежие силы японскому милитаризму, явился новым толчком дальнейшего усиления его агрессивного курса в отношении соседних стран Дальнего Востока и, прежде всего, Китая, России и Монголии.

Однако на пути дальнейшей экспансии Японии на материк был Китай, где господствовала Дайцинская династия, против которой развернулось национально-освободительное движение в Китае и Монголии. Мощная революционная волна в Китае, поднявшаяся под непосредственным влиянием первой русской революции 1905 года, смела в 1911 году более чем двухвековое маньчжурское иго, ознаменовала рождение Китайской республики, а также появление автономной Внешней Монголии.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России открыла путь к экономическому и культурному развитию Монголии. Правительство РСФСР в феврале 1918 года сообщило правительству Богдо-Гэгэна{5} о том, что Советская Россия порвала с политикой царизма, отказавшись от грабительских кабальных договоров, навязанных им Монголии, аннулировало долги по царским займам и признало неотъемлемое право монгольского народа на независимость. "Монголия, - говорилось в обращении, - есть свободная страна... Вся власть в стране должна принадлежать монгольскому народу. Ни один иностранец не вправе вмешиваться во внутренние дела Монголии..."{6}

Однако реакционные правящие круги во главе с Богдо-Гэгэном не только не ответили на обращение Советского правительства, но и сделали все, чтобы скрыть его от народа. Более того, страх перед освободительными идеями Октября побудил феодально-теократическое правительство Автономной Внешней Монголии стать на путь открытого сговора с японскими империалистами и их агентурой в лице китайских милитаристов из клики "аньфу"{7}.

Маскируясь в тогу друзей монгольского народа, японский империализм в 1918 году под предлогом защиты от угрозы большевизма вытащил на свет идею создания "Великой Монголии", которая бы объединила Внешнюю Монголию, Бурятию, Внутреннюю Монголию, Кукунор и другие районы, населенные монгольскими народностями. Во главе "движения панмонголистрв" японская военщина планировала поставить своего платного агента - белогвардейского атамана Семенова. Но "панмонгольская" авантюра японских империалистов вскоре потерпела провал, как и сорвалась попытка аньфуистского агента китайского генерала Сюй Шучжэна утвердиться в Монголии.

После падения прояпонского правительства аньфуистов в Пекине власть в Китае захватила клика реакционных милитаристов "чжили"{8}. Среди китайских оккупационных войск в Монголии началось разложение. Однако открытая интервенция японских войск была невозможной из-за противоречий в этом районе американского и японского империализма.

В подобной обстановке милитаризм сделал ставку на белогвардейского барона Унгерна. Его войска из Монголии пытались развернуть наступление против РСФСР. Но монгольский народ под руководством Народной партии (ныне МНРП. - Г. П.), при помощи великого северного соседа - Советской России, разгромил банды Унгерна и освободил страну от иноземных захватчиков. Планам японской военщины не суждено было сбыться и на этот раз.

Однако поражение политики японского милитаризма в Монголии и на Советском Дальнем Востоке в начале 20-х годов не отучило японских политиканов от захватнических действий.

Суть агрессивных планов японского империализма была раскрыта в ходе работы конференции губернаторов провинций, руководителей ведущих концернов и японского генералитета, которая состоялась в конце июня 1927 г. Конференция выработала основные взгляды развития политики в ближайшей перспективе. "Чтобы завоевать Китай, - говорилось в ее решении, - мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию... Но захват в свои руки контроля над Маньчжурией и Монголией является первым шагом, если раса Ямато желает отличаться в континентальной Азии"{9}.

Направляя свою агрессию против Маньчжурии, японские империалисты считали, что успешный исход этой акции позволит разрешить многие проблемы экономики и политики, стоявшие перед Японией к началу 30-х годов. При этом прежде всего они считали необходимым создать обширный плацдарм для войны против Советского Союза; выйти к границам МНР, что, по их мнению, приближало овладение этой страной; создать в Маньчжурии сырьевую базу и базу развития японской промышленности на материке; и, наконец, обеспечить богатую тыловую базу на случай войны с Америкой.

Разработанный план молниеносного овладения Маньчжурией предусматривал: завершить операцию по захвату этой части Китая силами Квантунской армии; облечь военные операции в форму карательной экспедиции и с этой целью исключил из лексикона само слово "война"; держать наготове большой военный флот на случай выступления против Японии других стран (например, США); и, наконец, привлечь на свою сторону отдельных китайских генералов и добиться через своих агентов в нанкинском правительстве Чан Кайши его невмешательства в Маньчжурский конфликт.

Японским милитаристам удалось достичь полной внезапности и нейтрализации действий центрального правительства Китая. Попытка Чан Кайши урегулировать конфликт через Лигу Наций успеха не принесла: пока комиссия Литтона разбирала "инцидент 18 сентября", Маньчжурия к началу 1932 года оказалась в руках агрессоров. В марте на захваченных землях Северо-Восточного Китая (Маньчжурия) было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с последним императором цинской династии Пу И (Генри Пу И), а через год - в марте 1933 года - в его состав была включена провинция Жэхэ и другие территории Внутренней Монголии.

Таким образом, в 1931-1933 гг. японская военщина на протяжении почти 5 тыс. километров вышла непосредственно на границы Советского Союза и Монгольской Народной Республики. Она стала лихорадочными темпами превращать территории в военно-экономическую базу и плацдарм для нападения на СССР и МНР. С этой целью вдоль границ с нашей Родиной и дружественной Монгольской Народной Республикой они начали создавать укрепленные районы как исходные рубежи для агрессии, подводить к ним шоссейные и железные дороги, строить аэродромы и проводить другие мероприятия по оперативному оборудованию плацдарма агрессий. На Дальнем Востоке возник опасный очаг мировой войны.

В связи с проводимыми японской военщиной мероприятиями по подготовке войны ЦК МНРП и правительство МНР в конце 1934 года было вынуждено обратиться к Советскому Союзу с просьбой о помощи в случае нападения японских агрессоров. Советское правительство заявило о своей готовности оказать братской Монголии необходимую помощь. Стороны заключили между собой так называемое "джентльменское (устное. - Г. П.) соглашение". Зная твердую позицию Советского Союза, агрессоры не рискнули начать широкие боевые действия против МНР. Но тем не менее провокации японской военщины на восточных границах братской республики не прекратились, а, наоборот, усилились.

Одним из наиболее ярких примеров таких провокаций был захват 24 января 1935 года японским отрядом монгольского пограничного монастыря Халхин-Сумэ, расположенного в 8 километрах от устья р. Халхин-Гол в междуречье Шарильджи и Уршун-Гол, впадающих в озеро Буир-Нур. При этом японская сторона постаралась дать лживую информацию в западную прессу о якобы произошедшем столкновении японо-маньчжурских войск с советскими частями. Разоблачая эту вздорную и нелепую фальшивку, газета "Правда" выразила мнение официальных советских органов о том, что подобные сенсационные измышления распространяются сознательно и с определенными целями. Она не оставила сомнения в том, что реакционные круги, мечтающие о военных осложнениях на Дальнем Востоке, не пропускают "...никакого случая для того, чтобы вызвать и поддерживать представления о якобы близком наступлении этих осложнений"{10}.

В связи с захватом монастыря Халхин-Сумэ в период со 2 июня по 26 августа 1935 года на ст. Маньчжурия проходили переговоры между правительственной делегацией во главе с Самбу и представителями так называемого государства

Маньчжоу-Го. На них монгольская делегация потребовала возвратить захваченный монастырь и создать постоянную комиссию по урегулированию пограничных конфликтов. Однако этот тур переговоров, как и их второй тур (со 2 октября по 25 ноября 1935 г.), были сорваны японо-маньчжурскими властями{11}.

Провокации на восточных границах МНР не прекращались. 12 февраля 1936 года японо-маньчжурский отряд численностью свыше 500 человек на 25 грузовиках при двух танкетках и самолетах-штурмовиках совершил налет на Булун-Дэрсунскую пограничную заставу республики. Последняя приняла неравный бой, но под давлением во много раз превосходящих сил врага была вынуждена отойти в глубь территории МНР, потеряв 5 человек ранеными и одно горное орудие. Подошедший бронеполк МНРА отбросил налетчиков за пределы границы, нанеся противнику ощутимый урон: враг потерял до 20 человек убитыми, 30 ранеными и обе танкетки{12}.

В этих условиях ЦК МНРП и правительство МНР предприняли ряд мер по дальнейшему укреплению обороноспособности страны. Не было безучастным к участвовавшим провокациям японской военщины и Советское правительство. 21 февраля 1936 года заместитель народного комиссара по иностранным делам СССР Б. С. Стомоняков заявил японскому послу в Москве г-ну Ота, что "...учащающиеся столкновения на границах Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го представляют еще один очаг опасности для мира на Дальнем Востоке и вызывают серьезное беспокойство у правительства СССР"{13}.

Подобная твердая позиция Советского правительства еще более наглядно была продемонстрирована на советско-монгольских переговорах в Улан-Баторе, на которых 12 марта 1936 года был подписан исторический Протокол о взаимопомощи между СССР и МНР. Он еще теснее связал судьбы двух братских народов в борьбе против общего врага - японского империализма - и явился надежной, прочной гарантией независимости Монгольской Народной Республики.

Выполняя свои обязательства по Протоколу, Советское правительство по просьбе правительства МНР направило в январе 1937 года в Монголию части и соединения Красной Армии. Из этих войск был сформирован 57-й особый корпус в составе 36-й мотострелковой дивизии, 6-й кавалерийской, 11-й танковой, 7, 8 и 9-й мотоброневых бригад и других частей и подразделений специальных войск{14}. Первым командиром особого корпуса был назначен комдив, позднее прославленный советский полководец Маршал Советского Союза И. С. Конев.

Наряду с агрессивными намерениями против МНР японская военщина 7 июля 1937 года, совершив провокацию у моста Лугоуцяо в г. Юаньнин (близ Пекина), приступила к осуществлению нового этапа агрессии против Китая, ставившего целью захватить территорию Внутреннего Китая{15}. Очаг войны на Дальнем Востоке задымил с новой силой. Японским войскам за сравнительно небольшой отрезок времени удалось захватить значительную часть территории страны с такими крупнейшими городами, как Тянь-цзинь, Шанхай и Пекин, и вступить в столицу Китайской республики - г. Нанкин. Однако первые успехи не дали основания захватчикам праздновать победу; китайский народ на этот раз начал тяжелую и упорную борьбу, вошедшую в историю как японо-китайская война 1937-1945 гг.

В конце июля 1938 года японские империалисты, стремясь "прощупать" прочность советских границ в Приморье, крупными силами вторглись в пределы нашей Родины в районе оз. Хасан. Соединения Красной Армии, получив подкрепления, решительно контратаковали врага и к 7 августа отбросили его с советской территории с большими для него потерями.

Неудачи в затяжной войне против Китая, поражение крупной вооруженной акции японских войск у оз. Хасан в большой мере подорвали авторитет военных кругов Японии в глазах их союзников по антикоминтерновскому пакту, не могли не сказаться и на внутривластном положении Японии. Курс иены резко упал, а цены на многие товары широкого потребления повысились, что привело к понижению жизненного уровня населения и росту недовольства внутри страны. Этим решили воспользоваться определенные милитаристские круги, вынудив правительство Коноэ в январе 1939 года уйти в отставку.

Новый премьер-министр страны Хиранума и поддерживавшие его генералы в лице военного министра Итагаки, его заместителя Тодзио, а также командующего Квантунской армией генерала Уэда видели выход из создавшегося положения в активизации военных действий в Китае и расширениях их в северном направлении против МНР и СССР. По их мнению, такие действия в случае успеха могли поднять пошатнувшийся престиж японской армии и содействовать заключению прямого военного блока оси Берлин - Рим - Токио. Не менее важную роль в подготовке Японией агрессии против МНР сыграла соглашательская политика тогдашнего руководства Англии и Франции, стремившегося направить фашистскую агрессию против Советского Союза. Японские самураи еще выше подняли головы и взяли курс на заключение прямого военного союза с фашистской Германией.

В начале 1939 года в связи с вновь усилившимися провокациями японской военщины на восточных рубежах МНР Советское правительство в своем заявлении на 3-й сессии Верховного Совета СССР предупредило японских империалистов о том, что "...границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную"{16}. Однако правящие круги милитаристской Японии не вняли разуму и продолжали усиленную подготовку к нападению на МНР.

Готовя нападение, японская военщина рассчитывала без особых трудностей захватить восточный выступ территории республики и в случае успеха стремительным броском выйти к советской границе южнее г. Читы, вторгнуться на территорию СССР. Затем предполагалось перерезать транссибирскую железнодорожную магистраль и в дальнейшем предпринять наступление в Приморье с тем, чтобы отторгнуть весь советский Дальний Восток. С этой целью близ границы с МНР сосредоточивались крупные силы японской Квантунской армии, размещенные в западной части Северо-Восточного Китая, а также войска князя Внутренней Монголии Дэвана и марионеточного государства Маньчжоу-Го.

С середины января 1939 года провокации на границе стали возрастать. Так, 14 января в районе г. Номон-Хан-Бурд-Обо около 20 японцев и баргутских кавалеристов армии Дэвана напали на сторожевой наряд пограничников МНР, ранив одного цирика{17} и взяв в плен начальника 7-й заставы. Через два дня пограничный наряд был вновь обстрелян. В течение 29 и 30 января японо-баргутские кавалеристы пытались пленить сторожевые монгольские наряды в этом районе. В феврале и марте здесь произошло до 30 нападений на пограничников МНР силами подразделений и групп 23-й японской дивизии и кавалерийских частей князя Дэвана.

Провокационные действия японской военщины сопровождались широкой кампанией в прессе Японии и Маньчжоу-Го, направленной против Монгольской Народной Республики. Для обоснования своих претензий на территорию, расположенную по правому берегу р. Халхин-Гол, японские картографы еще в 1935 году сфабриковали подложные карты, на которых граница Маньчжоу-Го с МНР была показана по реке, то есть 20 километров западнее ее истинного положения.

После соответствующей идеологической, дипломатической и военной подготовки японская военщина приняла решение развернуть активные боевые действия в мае 1939 года. Выбор командования японской Квантунской армии на этот раз пал на

восточный выступ территории МНР в районе оз. Буир-Нур и среднего течения р. Халхин-Гол. Ширина избранного для нападения участка достигала по фронту 70-80 километров, а глубина - до 20 километров.

В ночь на 8 мая над Халхин-Голом загремели выстрелы: группа японцев численностью до взвода с ручным пулеметом пыталась проникнуть на территорию МНР. Монгольские пограничники обнаружили нарушителей и открыли огонь. В результате противник был выброшен за пределы республики, оставив трех солдат убитыми.

11 мая монгольские пограничные заставы в районе г. Номон-Хан-Бурд-Обо подверглись неожиданному нападению{18}. Силы были неравны: против двадцати пограничников наступало около двухсот японцев при поддержке минометов и пулеметов. Пограничникам пришлось отойти на запад от границы к р. Халхин-Гол. Лишь с помощью подошедших подразделений МНРА нарушители были отброшены на маньчжурскую территорию. Начиная с 14 мая, здесь развернулись активные действия японской авиации, проводившей разведывательные полеты, бомбометание и обстрелы из пулеметов погранзастав Монгольской Народной Республики. Все говорило о том, что готовятся широкие наступательные действия крупных сил. По образному выражению Г. К. Жукова, началась "необъявленная война на Халхин-Голе"{19}.

Поэтому нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов, обеспокоенный происходящими событиями в районе восточного выступа территории МНР, 16 мая приказал командованию особого корпуса тщательно разобраться в обстановке и принять необходимые меры по обеспечению обороны района Халхин-Гол. Только после этого командир корпуса комдив Н. В. Фекленко предпринял определенные меры: 17 мая утром из района Тамцак-Булак к месту боев была направлена оперативная группа от 11-й танковой бригады в составе стрелково-пулеметного батальона, саперной роты и батареи 76-мм орудий на механической тяге под общим командованием старшего лейтенанта А. Э. Быкова. Одновременно сюда же выдвигалась 6-я кавалерийская дивизия в составе 15-го и 16-го кавполков, сводного кавэскадрона и дивизиона бронемашин. 22 мая советско-монгольские войска с ходу преодолели р. Халхин-Гол и заняли оборону на ее восточном берегу в двух-пяти километрах от государственной границы.

Японское командование к исходу 27 мая подтянуло в район Номон-Хан-Бурд-Обо крупные силы для проведения новой, более масштабной провокации. Основу их составил 64-й пехотный полк 23-й пехотной дивизии под командованием полковника Т.

Ямагата. На базе этого полка был сформирован сводный отряд, в который вошли также разведотряд дивизии под командованием подполковника Я. Адзума, моторота капитана Ковано, 8-й кавалерийский полк и подразделения 1-го и 7-го кавалерийских полков баргутской конницы. Всего японцы стянули сюда свыше 1500 штыков, 1000 сабель, до 75 станковых и ручных пулеметов, 12 орудий, 6-8 бронемашин и до 40 боевых самолетов{20}. Советско-монгольские войска насчитывали лишь 668 штыков, 260 сабель, 58 пулеметов и 39 бронемашин{21}.

Таким образом, на 27 мая противник превосходил советско-монгольские войска по количеству штыков в 2,5 раза, в саблях в 3,5 раза, имел абсолютное превосходство в авиации, но уступал им по числу бронемашин почти в 6 раз.

На рассвете 28 мая сводный отряд Ямагата начал наступление. Вследствие некоторой несогласованности действий 15-го кавполка дивизии и опасности обходного маневра врага 2-я стрелковая рота была вынуждена отойти на тыловой рубеж обороны, понеся при этом потери, и закрепились в трех километрах от р. Хайластын-Гол.

Однако обходной маневр противника был сорван: разведотряд Адзума и рота Ковано попали под губительный огонь артиллерийской батареи, заранее выдвинувшейся на восточный берег р. Халхин-Гол. Героическими действиями батареи, саперной и 1-й стрелковой рот, поддержанных сильным пулеметным огнем, японский отряд был почти полностью уничтожен.

В этой обстановке народный комиссар обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов 2 июня пригласил к себе заместителя командующего Белорусским особым военным округом комдива Г. К. Жукова. На встрече он обрисовал создавшуюся обстановку на восточной границе МНР и немедленно отправил его в Монголию, чтобы на месте оценить обстановку для выработки необходимых мер и, если понадобится, возглавить дислоцированные там советские войска.

Началась кипучая, полная энергии жизнь Г. К. Жукова в Монголии в роли командира особого корпуса, а вскоре и командующего 1-й армейской группой.

О героических событиях тех памятных дней, о деятельности прославленного советского полководца, четырежды Героя Советского Союза и Героя Монгольской Народной Республики Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в них и рассказывается в настоящей книге.

Ее автор - командир танкового взвода легендарной 11-й ордена Ленина танковой бригады - в конце июня 1939 года становится адъютантом командира 57-го особого корпуса, а

вскоре и командующего 1-й армейской группы, войска которой наголову разгромили японских агрессоров, вторгшихся в пределы братской народной Монголии. Ныне М. Ф. Воротников - полковник в отставке. В своем труде он с большой теплотой и проникновенностью повествует о малоизвестных советскому читателю страницах жизни Г. К. Жукова в Монголии, с которым он был тесно связан вплоть до кончины выдающегося советского полководца периода второй мировой войны.

Г. Плотников,
кандидат исторических наук,
полковник в отставке

Начало службы на монгольской земле. Впервые в роли адъютанта

В 1936 году мне, работавшему до этого сначала в колхозе, а затем на металлургическом заводе в Донбассе, удалось закончить рабфак при горном институте в г. Сталине (ныне Донецк) и поступить учиться в Ульяновское Краснознаменное танковое училище. Сбылась моя мечта. В то время значительная часть молодежи стремилась пойти учиться в военные училища. Но чтобы стать курсантом, нужно было хорошо подготовиться к приемным экзаменам - всюду был конкурс.

После окончания училища, в январе 1939 года, я был направлен в войска, дислоцировавшиеся на территории дружественной нам Монгольской Народной Республики. Так началась моя служба в Ундур-Хане, в 11-й танковой бригаде. Жили мы в землянках, в так называемом "копай-городке".

Наш рабочий день был насыщен боевой подготовкой и отработкой элементов постоянной боевой готовности. Несмотря на суровые климатические условия, недостаток воды для технических нужд, которую надо было подвозить, отсутствие технически оснащенных водомаслогреек и аккумуляторных, боевая готовность поддерживалась на высоком уровне и полностью отвечала предъявляемым требованиям. Боевые тревоги с выводом танков и решением учебных тактических и огневых задач проводились еженедельно.

Мы знали, что международная обстановка серьезно осложнилась. Войны в Абиссинии, в республиканской Испании, кровавая провокация в районе озера Хасан были предвестниками большой войны.

Накалялась обстановка и на границах Монголии. Позднее стало известно, что вторжению регулярных японских войск на территорию МНР предшествовала целая серия мелких военных провокаций и диверсионных действий. С января по май их было совершено около сорока. Численность нападающих

увеличивалась, мощность вооружений возрастала. 14 мая японцы применили не только артиллерию, но и пикирующие бомбардировщики.

Еще в начале мая командный состав нашей бригады регулярно стал получать информацию об обстановке на Халхин-Голе. На разборе проведенного тактического учения командир нашей бригады М. П. Яковлев подробно остановился на агрессивных устремлениях японского милитаризма. Он ориентировал нас на возможное перерастание отдельных провокационных действий японцев в крупные бои. "По всему видно, - говорил комбриг, - что японское командование прощупывает реакцию со стороны монгольского правительства и выжидает, в какой степени и как отнесется к этому наше правительство и наши войска, находящиеся на территории МНР".

М. П. Яковлев поставил перед нами задачу быть в постоянной готовности, встать с оружием в руках на защиту монгольских границ. "Но Халхин-Гол от нас, сами знаете, - сказал комбриг, - далеко. Если потребуется наша помощь, то выйти в район боев мы сможем только своим ходом. Рассчитывать должны не иначе, как на многосуточный форсированный марш. Поэтому все силы на подготовку техники и оружия к форсированному маршу, на готовность с хода вступить в бой. Растеряем в пути технику - грош нам цена", - заключил разбор комбриг.

В ночь на 16 мая 11-я танковая бригада была поднята по боевой тревоге. Мы приняли ее за очередную тренировку. И, прибыв в парк, сразу же принялись приводить танки в боевую готовность. Очередная команда: "Загрузить боеприпасы!" - насторожила нас. Собираю взвод, ставлю задачу. Проверяю действия каждого экипажа. Обнаруживаются большие недостатки в трех танках из пяти. Некоторые ограничились только тем, что завели моторы и доложили о готовности. Не наведен порядок в боевых отделениях некоторых машин, не опробован подъемный и поворотный механизм пушки, кое у кого не доставало положенного запаса песка на случай загорания танка.

Я, как командир взвода, понял свою оплошность: не смог своевременно предотвратить такие недоработки экипажей, мало вникал в черновую работу, не хватало опыта. Тут же сделал соответствующие выводы и основательно перестроился.

Напротив нашего батальона находился парк-стоянка машин стрелково-пулеметного батальона 11-й танковой бригады. К утру парк опустел. У ворот стояла лишь одна охрана. Оказалось, что стрелково-пулеметный батальон получил задачу форсированным маршем выйти к реке Халхин-Гол, в район города Тамцак-Булак, и поступить в распоряжение командира оперативной группы 57-го

особого корпуса полковника Иванкова для защиты границ МНР. Ответственность за своевременное прибытие в указанный район возлагалась на заместителя командира бригады майора Б. М. Скворцова.

22 мая советско-монгольские войска с ходу преодолели р. Халхин-Гол и заняли оборону на ее восточном берегу в двух-пяти километрах от государственной границы. Вступил в бой и отряд Быкова.

Как уже указывалось, японцы имели превосходство в силах и средствах. Бой носил ожесточенный характер. Сразу выявились недостатки в боевой выучке наших бойцов: сказалась недостаточная физическая выносливость нашей пехоты, неумение использовать неровности местности, недостаточные навыки в пользовании малой саперной лопатой. Трудно переносился бой в условиях жары при недостатке питьевой воды.

Вернувшись в бригаду, Б. М. Скворцов на совещании всего командного состава соединения информировал нас об обстановке в районе реки Халхин-Гол, поделился первым боевым опытом наших подразделений. Особо остановился на тактике японских самураев и недостатках в одиночной подготовке наших бойцов, командиров и тактической подготовке подразделений. Он потребовал тренировок на выносливость в бою в условиях открытой степи, в песчаных барханах, в жару. Поставил вопрос о накомарниках. Высказал свои рекомендации.

Все это повлекло за собой большие перемены в организации боевой подготовки и поддержании боевой готовности частей и подразделений.

21 мая командир 23-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся в районе Хайлара, генерал-лейтенант Камацубара, в прошлом военный атташе в Москве, выполняя приказ командующего Квантунской армии генерала Уэда, отдал приказ дивизии на уничтожение войск Внешней Монголии (МНР) в районе Номон-Хана.

В бой вступали кадровые войска Квантунской армии.

Настал наш черед.

На рассвете нас разбудил знакомый сигнал боевой тревоги. Быстро уложены пожитки, фотография выпускной роты училища легла на самое дно чемодана. Все лишнее сдано на склад. Через несколько минут мы были у танков. Командир роты старший лейтенант В. Р. Филатов потребовал проверить, все ли взято для длительного марша. Приказ - дозаправить танки и выйти в район сосредоточения. С выходом за черту города была проверена боевая экипировка. Нам еще раньше настойчиво рекомендовали купить в магазине военторга 5-6 пар белья, ко всему прочему, что

полагалось по перечню.

По всему было видно, что тренировки кончились. Последнее посещение столовой. Мы в полном снаряжении. Одолевала жара. Хотелось пить. К нашему удивлению, в столовой - лимоны. Мы нажились на них.

Вскоре прибежал командир танка моего взвода К. Галиев: "Командиры взводов 2-й роты к командиру..." - раздался звучный голос на всю столовую, находившуюся в большой землянке. Появились посыльные других рот батальона. Послышалась команда: "Прекратить торговлю лимонами. Всем вернуться в свои подразделения!".

К незамедлительному и точному исполнению приказаний старших начальников мы все были приучены и весьма ответственно к этому относились. Перед всем строем был отдан приказ на совершение марша в район р. Халхин-Гол. Форма его обычная. Однако в самом начале - "Слушай боевой приказ". И мы поняли, что начинается другая жизнь, а как сложится судьба каждого из нас - покажет будущее.

Слова командира звучали веско и ясно: "С этого момента все мы должны понимать и глубоко сознавать, что мирная учеба закончилась. Предстоят бои, а значит, для каждого из нас началась война. Запомните, помощь товарищу и взаимопомощь на марше и в бою - закон боевого товарищества и братства, залог победы. Уточнения обстановки и задач будут доводиться в ходе марша", закончил командир роты.

Выполняя команду командира батальона майора М. Г. Михайлова, он вынул торчавшие из полевой сумки флажки, одним из них подал сигнал "Внимание!" и тут же скомандовал:

"К машинам!", "По местам!", "Заводи", "Делай, как я!" - и мы немедленно двинулись в путь.

Я еще раз окинул пристальным взглядом нашу обитель. "Копай-город" местами дымился: в землянках еще прохладно, да и пищу каждый себе готовил на плите, нагреваемой углем. Все штатские - рабочие и служащие, члены семей военнослужащих, въезд которых из нашей страны был весьма ограничен, высыпали из своих жилищ и сгруппировались около танковых колонн поближе к своим. Кто-то еще прощался, давая какие-то наказы... И вот теперь только взмах высоко поднятых рук извещал: "До свидания, счастливого пути, ждем вас с победой..." Шум танков заглушал их голоса, и, наконец, скрылся за горизонтом и Ундур-Хан.

У каждого из нас были ощущения какой-то тревоги, чувства необычных волнений, беспокойства, воспоминаний детства, родного дома и дорог еще мало прожитой жизни. Всем нам, от бойца до командира взвода, было не более 25 лет. Впрочем,

некоторые сверхсрочнослужащие были несколько и постарше. Но уж коль начался марш, все ему: и умения, и силу воли, и всего самого себя.

К 1 июня бригада, совершив 800-километровый марш, была сосредоточена в 20-30 километрах южнее города Тамцак-Булак. Марш отличался высокими скоростями движения, проходил напряженно. Гусеничные ленты с ходовой части были сняты: на колесном ходу танк БТ быстроходнее. Но в первый же день обнаружились недостатки наших машин.

Танки плохо заводились. Часто отказывал стартер. Установленное в развале цилиндров корыто переполнялось бензином, особенно при запуске. В нагретом танке бензин интенсивно испарялся, заполняя своими парами воздушное пространство, делая машину легко воспламеняемой. Все это нередко приводило к пожару, даже на марше, в мирных условиях. На подходе к району сосредоточения загорелся танк и в моем взводе. Пожар был погашен песком. Но применение песка влекло за собой и переборку деталей двигателя, а это довольно трудная операция.

К утру 5 июня Г. К. Жуков с группой командиров-специалистов родов войск прибыл в Тамцак-Булак в штаб 57-го особого корпуса, где встретился с командиром корпуса комдивом Н. В. Фекленко, полковым комиссаром М. С. Никишевым - комиссаром корпуса, комбригом А. М. Куцевым - начальником штаба, и другими.

Ознакомление с обстановкой в штабе корпуса убедило его в незнании командованием истинного положения дел в районе реки Халхин-Гол. Г. К. Жуков дал понять, что нахождение командного пункта в 120 километрах от поля боя не может обеспечить ни истинного знания обстановки, ни оперативного вмешательства в управление боевыми действиями частей и подразделений.

В этот же день Г. К. Жуков вместе с М. С. Никишевым выехал в район боев.

Утро 7 июня. Личный состав нашей танковой роты был собран на политинформацию. Политрук старший лейтенант А. П. Голубев проинформировал об обстановке в районе боев и о новом командире корпуса:

- Говорят, строгий, но дело знает отлично. Такого не проведешь. Только что приехал, а уже успел побывать на переднем крае. Стараются поговорить с бойцами и командирами взводов и рот.

- Так он и к нам может приехать?

- Приедет. Даже обязательно. Мы же танкисты. В танковых

войсках всегда был полный порядок, и на этот раз надо показать высокую организованность и главное - готовность и умение воевать, - заключил политрук.

Было над чем призадуматься. Не вся техника еще восстановлена после длительного марша. На некоторых танках есть отдельные неисправности, другие нуждаются в осмотре. Командир роты приказал подготовиться к пристрелке оружия. А выполнить это нелегко. Вся бригада замаскирована, врыта в землю. Выверку прицельных линий производили отдельными машинами прямо из капониров. Потому-то противнику до сих пор не удастся обнаружить бригаду. Тамцак-Булак бомбят, бригада, можно сказать, под боком, а о ней противнику ничего неизвестно. Вот что значит режим и маскировка. Танкисты дали командованию обязательство показать командиру корпуса полную боевую готовность, если он приедет к нам.

И вот он приехал...

Проверяя бригаду, Г. К. Жуков лично осматривал танки, беседовал с экипажами, изучал материальное обеспечение и боевую выучку танкистов. Как сейчас помню, Георгий Константинович поднялся на один из танков моего взвода, открыл люк башни, осмотрел боевое и моторное отделения, поинтересовался надежностью трансмиссии и легко, потанкистски, спрыгнул с машины. Молодые офицеры, полгода назад прибывшие из различных военных училищ, механики сверхсрочной службы докладывали и о слабых сторонах танка БТ-5.

- Вверенную вам технику надо знать лучше, эксплуатировать без оплошностей. Период условностей кончился, необходимо себя готовить к серьезным боям с хорошо подготовленным противником, - сказал командир корпуса. Он обратил внимание на то, что танкисты недооценивают один из главных боевых свойств танка - его скорость.

- За короткое время вы успешно преодолели ни одну сотню километров. Вы можете внезапно появляться там, где вас противник не ожидает: на флангах, заходить в тыл, громить его и быть неуловимыми.

Из опыта боевого применения конницы в прошлых войнах он приводил примеры, когда внезапная лихая конная атака позволяла громить и обращать в бегство куда более крупные силы врага. А танк, разве можно его сравнить с конем?

- За танками будущее, нужен простор для маневра, не стойте на месте в бою, огонь и движение - залог победы. Учитесь побеждать! - так закончил свою беседу командир корпуса.

Все мы были поглощены подготовкой к предстоящим боям.

Днем и ночью приводили танки в боевую готовность после столь напряженного марша. Форсированный марш показал, что 2-я танковая рота В. Р. Филатова по техническому состоянию машин выделялась в лучшую сторону среди танковых подразделений батальона, а я, как командир взвода, был поощрен шевретовыми сапогами. Удивляло только, для чего мне это. Впереди бой. Кому нужны эти сапоги, хотя бы они были золотыми. Разве мог я тогда подумать, что командир нашей бригады М. П. Яковлев предложит руководству назначить меня на должность адъютанта командира 57-го особого корпуса. Так в конце июня 1939 года я стал адъютантом комкора Г. К. Жукова. Советские и монгольские войска уже вели тяжелые оборонительные бои с японскими милитаристами у реки Халхин-Гол.

Как сейчас помню монгольскую юрту, где жил и работал Г. К. Жуков. Рабочий стол, несколько табуреток, отдельный столик с полевыми телефонами. В стороне солдатская кровать, покрытая простым солдатским одеялом, под ней небольшой чемодан с пожитками. Верхняя часть этого жилища (по-монгольски, тоно) в сухую погоду всегда находилась открытой. Внутри было прохладно, дышалось легко.

Хозяина юрты, войдя в нее, я увидел за рабочим столом. В каждой петличке гимнастерки у него было по два ромба, что соответствовало воинскому званию "комдив". На столе развернута карта. На ней несколько цветных карандашей, циркуль-измеритель, курвиметр. Запомнилось на редкость суровое лицо, строгость которого несколько смягчала позолоченная оправа пенсне. Мне показалось, что его голубые глаза излучают холод. Они были прозрачны и чисты. Редкие седеющие волосы зачесаны назад. Сняв пенсне, Г. К. Жуков внимательно посмотрел на меня, будто рентгеновскими лучами прощупал.

Мне даже стало как-то не по себе. Георгий Константинович спросил об образовании, какую знаю технику, как стреляю из личного оружия (пистолета, револьвера) и умею ли ориентироваться на местности. Последнее было особенно важно, монгольская бескрайняя степь коварна, здесь нет дорог или каких-либо ориентиров - глазу буквально не за что зацепиться.

Беседа наша длилась всего несколько минут. Мне было приказано явиться к капитану Т. И. Пушкиву - порученцу комиссара корпуса М. С. Никишева; он-де расскажет о моих обязанностях. Тимофей Иванович провел меня по всему командному пункту. Подробно ознакомил с узлом связи и распорядком его работы. В заключение предупредил: "Смотри, лейтенант, ты у него уже седьмой по счету за три недели".

Меня это не испугало - позориться я не собирался. Решил:

надо работать с полной отдачей сил.

Вначале Георгий Константинович давал мне несложные поручения. А потом приказал проверить состояние связи с Улан-Батором и Москвой. Когда я докладывал о результатах проверки, он вдруг спросил фамилию дежурного по связи, кто он по званию и должности, в каком подразделении служит, ознакомился ли я с порядком пользования позывными? Признаться, я не ожидал внимания к таким деталям. Гладко отчитаться не удалось. Сделал для себя вывод: формального исполнения обязанностей Г. К. Жуков не потерпит. Значит, надо знать больше, быть наблюдательным, поглубже вникать в дело, тренировать память, постоянно накапливать информацию.

В свое время в Советских Вооруженных Силах в звене "батальон" и некоторых других органах управления были введены должности: "адъютант", "адъютант старший". Например "адъютант старший" батальона возглавлял штаб батальона, являлся его начальником. Определенная категория военачальников по соответствующему штатному расписанию имела при себе адъютантов. В Великую Отечественную войну это стало массовым явлением, нередко принимая своеобразные формы. В "Записках начальника Оперативного отдела" Маршал Советского Союза Х. Баграмян выразил сожаление в адрес своего адъютанта словами: "попал несчастный в адъютанты".

Что ж, он прав. Здесь взгляды на адъютанта соответствовали отведенным ему функциям. Военачальник оказывал решающее влияние на характер и исполнение обязанностей и задач, возникающих в боевой обстановке и касающихся адъютанта. Или ему будет предоставлена возможность участвовать в решении вопросов как штабному работнику, или он занимается чисто хозяйственными вопросами, соблюдая правила сформировавшегося этикета.

В этой связи вспоминается один разговор с Георгием Константиновичем. При подготовке рукописи "Записок адъютанта" я сказал ему, что вообще-то слово "адъютант" после Великой Отечественной войны не популярно. Так мне, хотя и не официально, сказали в одном издательстве. Советовали дать моей книжке другое название. Я не согласился с таким предложением. - "Правильно поступили, - сказал Георгий Константинович. - В войну всякое бывало. Но не каждый начальник в своем сознании способен был преодолеть барьер корыстолюбия и личных потребностей в интересах дела. Любая должность таит в себе и честь, и славу. В том числе и адъютант. Адъютант должен быть достоин своего командующего во всех вопросах взаимоотношений с людьми, быстро ориентироваться в

обстановке, творчески и инициативно исполнять поручения, понимать своего командующего и в деле, и в быту, тактично, но решительно проводить в жизнь указания и решения, отдаваемые в присутствии адъютанта при посещении войск или штабов. В некоторых случаях оберегать и заботиться о чести и достоинстве командующего. Вы с гордостью можете произносить это слово!"

Опыт армейской жизни позволяет мне заметить, что ни одно решение командующего не рождается вдруг. Оно органически зреет в процессе непрекращающейся напряженной работы мысли, эмоциональной реакции на те или иные факторы складывающейся обстановки. Он находится в постоянном поиске форм, методов и приемов разгрома противостоящего противника. Все это не может пройти мимо адъютанта и остаться незамеченным. Что касается личных переживаний военачальника, на плечи которого возложено огромное бремя ответственности, его отношений к окружающему миру, особенно в наитруднейших условиях боевой обстановки, то они становятся доступными лишь одному адъютанту - единственному, непосредственному свидетелю. При Георгии Константиновиче было очень непросто работать. Но интересно. Ошибки, какими бы они ни были относительно малыми или большими, никогда не прощались. Он не терпел неряшливости, тут же пресекал многословие, во всем требовал ясности, лаконичности и определенности в действиях. Его требовательный стиль я понял сразу. Передо мной всегда вставал ряд захватывающих открытий во время принятия командующим решений, распоряжений, указаний.

На одной из встреч в послевоенное время, в июле 1967 г., я задал ему такой вопрос:

- Товарищ Маршал Советского Союза, всем известно, до событий на Халхин-Голе вся служба ваша проходила, главным образом, на Западном операционном направлении. В частности, в Белоруссии. Что помогло вам так быстро ориентироваться в Монголии и дать исчерпывающую оценку сложившейся обстановки уже на второй день вашего пребывания в штабе корпуса?

Улыбнувшись, он ответил: "Интуиция". Затем, сосредоточенно нахмурившись, продолжил: "Конечно, без знания театра военных действий в целом или одного из его направлений в решении крупных военных задач могут быть ошибки, и серьезные. Теперь, это понятие изменилось объемно и пространственно расширилось, дело приходится иметь с такими категориями, как континент. Тем более требуются глубокие знания и умение находить соответствующие новым особенностям решения. С Забайкальским и Дальневосточным операционными

направлениями я был частично знаком по описаниям, и на некоторых командно-штабных учениях высшего руководящего состава приходилось иметь с ними дело. Но о знаниях глубоких, подробных, коренных не могло быть и речи. Но здесь важен метод. Постоянная работа над самоусовершенствованием. Как только я получил задачу от Наркома обороны тов. Ворошилова, прежде всего старался представить себе, в каких условиях идут бои и как обстановка театра действий скажется на размахе ведения войны. Эта мысль не покидала меня до самого прибытия на место. В Чите, на приеме у командующего ЗаБВО, были получены конкретные представления о местности, о климате, погодных условиях, коммуникациях, средствах связи, тыловой обстановке в целом и характерных климатических явлениях. Мы сразу же были ориентированы на трудности, которые наши войска уже испытывали. Поэтому для начала было достаточно, чтобы понять, что действовать придется в необычных условиях. Немало пришлось увидеть и самому при следовании в район боев. Мысленно уже напрашивались оперативно-тактические взгляды на применение родов войск и организацию тылового обеспечения. Эти выводы сводились к следующему:

во-первых, открытое пространство театра требовало подвижных войск, способных к широкому маневру;

во-вторых, широкое рассредоточение войск на значительном удалении от линии фронта, обеспечение скрытности, маскировка под фон окружающей местности - одно из условий осуществления внезапности, к чему стремится каждый командир;

в-третьих, организация такого управления, которое позволило бы тонко чувствовать обстановку и влиять на нее, обеспечивать создание соответствующих группировок в самые критические моменты.

Радио - основное средство управления. Ночь - наш союзник;

в-четвертых, необходимость более надежного прикрытия войск с воздуха и воспрепятствования проникновения авиации противника в тыл оперативного построения войск;

в-пятых, умелая организация тыла, нормального обеспечения войск всем необходимым, что требуется в бою, а также стремление исключить желудочные и эпидемические заболевания вызывали необходимость создания особой медикоэвакуационной системы, доставки, лечения раненых и больных".

По сути, сделанные им выводы и послужили основой в последующих действиях командующего на Халхин-Голе.

"Баян-Цаганское побоище". Июльские оборонительные бои. Миг боя - годы опыта

В период со 2 по 5 июля 1939 года в районе горы Баян-Цаган,

к западу от реки Халхин-Гол, произошло крупное по тому времени сражение между японскими войсками - с одной стороны, советскими и монгольскими - с другой. Только танков и бронемашин в нем участвовало свыше 300.

Обстановка на Халхин-Голе к началу июня была весьма сложной. Японское командование наращивало свои силы и форсировало боевую активность. Отряд А. Э. Быкова и два полка 6-й кавалерийской дивизии монгольской армии были не в состоянии успешно отражать наступление регулярных частей Квантунской армии, которые превосходили наших по численности и вооружению. В воздухе господствовала японская авиация. Поспешный ввод в бой 149-го мотострелкового полка ощутимых результатов не принес. Наши и монгольские части несли потери и были потеснены к реке. Уровень руководства их боевыми действиями не обеспечивал надежную защиту границ МНР, требовались новые решения.

После беседы в штабе корпуса Г. К. Жукову было ясно, что в случае расширения масштабов вторжения противника командование корпуса не готово предпринять радикальные ответные меры. Попытки объяснить неудачи объективными причинами в расчет не принялись.

Георгий Константинович не мог поверить чужим оценкам сложившейся ситуации. Он решает лично разобраться в том, что происходит на Халхин-Голе. Выяснить причины неудач. Определить меры, которые следовало бы предпринять.

Когда он прибыл на восточный берег реки Халхин-Гол, ему предоставили бронемашину (БА-10) из состава 9-й бронебригады. За командира машины был командир взвода В. П. Денисов. Он был моим однокашником по военному училищу. Позже он вспоминал: "Мне было сказано: что будешь возить и охранять большого начальника, смотри в оба". Заряжающего из машины высадили и его место занял Г. К. Жуков. При этом заметил: - "Будь готов, в случае чего открыть огонь из пушки и пулемета". Местность я знал хорошо. Ориентировался свободно. В местах остановок Жуков выходил из машины и с теми, кто его встречал, по траншеям пробирался в боевые порядки. С наступлением вечерних сумерок он уехал, поблагодарив меня за оказанную помощь. За три недели боев впервые мы видели такого большого командира. Мы поняли, что скоро все должно измениться к лучшему.

Личное общение с бойцами и командирами позволило Г. К. Жукову объективно изучить и оценить обстановку, почувствовать политико-моральное состояние личного состава, характер и масштабы развертывания событий. В ходе бесед он

характеризовал течение боя, называл недостатки, основным из которых считал слабое знание противника вследствие неудовлетворительной разведки.

Позднее Георгий Константинович напишет: "Возвратившись на командный пункт и посоветовавшись с командованием корпуса, мы послали донесение наркому обороны. В нем кратко излагался план действий советско-монгольских войск: прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар из глубины. На следующий день был получен ответ. Нарком был полностью согласен с нашей оценкой обстановки и намеченными действиями.

В этот же день был получен приказ наркома об освобождении комкора Н. В. Фекленко от командования 57-м особым корпусом и назначении меня командиром этого корпуса{22}.

Это известие Георгий Константинович воспринял с энтузиазмом. Он трезво взвесил силы и средства, предполагаемый размах боевых действий и попросил наркома обороны усилить наши авиационные части, выдвинуть к месту событий не менее трех стрелковых дивизий и одной танковой бригады и значительно укрепить артиллерию.

Одновременно комкор позаботился о повышении боеспособности имеющихся частей и соединений. В течение двух-трех недель ему удалось коренным образом изменить положение дел в войсках, навести порядок, повысить организованность и дисциплину, исполнительность. Требования к командному составу были предъявлены такие, что заставляли всех работать с полным напряжением сил.

О том, что было до прибытия Жукова на Халхин-Голе, рассказывал мне политрук стрелковой роты отряда Быкова старший лейтенант А. С. Загурский, позднее ставший политруком танковой роты, которой довелось - мне командовать. Бой на восточной стороне Халхин-Гола они приняли одними из первых. Поначалу было нелегко. А когда обстрелялись, набрались кое-какого опыта, сами давали жару японцам.

Бои расширялись. Они требовали новых методов руководства. Трудности возрастали. В самый напряженный момент не хватало боеприпасов, частые перебои были с питанием, взаимодействие между частями и подразделениями в бою практически отсутствовало, старших начальников в частях не видели, перед авиацией противника были беззащитны.

Георгий Константинович лично убедился в этом и потребовал от начальника штаба корпуса комбрига А. М. Куцева принять незамедлительные меры к обеспечению частей на передовой всем необходимым. Он установил срок подготовки предложений по

коренному изменению организации войскового тыла, с состоянием которого сам решил ознакомиться.

Начальник одного из полевых госпиталей (фамилию его я, к сожалению, не запомнил) сразу же по прибытии комкора доложил, что не хватает людей для этапного сопровождения раненых на излечение. Острота этого вопроса усиливалась жарой, особенно в палатках. Не хватало питьевой воды, удаление тыловых госпиталей от мест боев измерялось сотнями километров. Способ эвакуации раненых был только один - автотранспортом, а санитарных машин не хватало.

Выслушав начальника госпиталя, Г. К. Жуков обошел все палатки, побеседовал с ранеными, обещал поправить положение дел, подбодрил: "Вы все скоро будете в строю. Думаю, что успеете вернуться в части добивать японских захватчиков".

Перед отъездом командующий собрал руководство госпиталя и специалистов-врачей. Он доказал, что людей много и сопровождать раненых есть кому, да только недостает организации, ответственности за порученное дело и инициативы.

Забота о раненых у Георгия Константиновича была на особом счету. Позднее он напишет: "...боец, идя в бой, всегда должен быть уверен, что, если он погибнет, - его вынесут товарищи, будет ранен - вылечат".

Командующий взял под особый контроль проблему тылового обеспечения. Этими вопросами занимались пятые отделы штабов дивизий, армий. Г. К. Жуков вводит понятия: "тыл полка, тыл дивизии, тыл армейской группы". Определилось их эшелонирование. Тыл стал элементом оперативного построения корпуса, армии...

Центральной задачей Г. К. Жуков считал организацию управления. Надо было, чтобы командиры всех степеней хорошо знали противника, его действия, расположение, слабые и сильные стороны, которые надо учитывать, принимая решения. Надо было наладить хорошую связь со своими войсками, лично наблюдать их действия, чтобы вовремя прийти им на помощь новыми силами и решениями.

Перестройку системы управления Г. К. Жуков начал с себя. Свой командный пункт он развернул на горе Хамар-Даба в зоне артиллерийского обстрела. С нее хорошо просматривалась местность, и на большую глубину наблюдалась панорама сражения. Он приблизил к войскам все командные пункты. Командир должен быть там, где сражаются его подчиненные, - такова основа устойчивости управления в бою.

Не ожидая подхода свежих сил из Советского Союза, Г. К. Жуков решает организовать жесткую оборону на тактически

выгодной местности, активизировать все виды разведки, чтобы можно было управлять обстановкой, избегая всяких неожиданностей со стороны противника. Изучая опыт ведения обороны на правой стороне Халхин-Гола, комкор особенно выделил действия -149-го мотострелкового полка майора И. М. Ремизова.

Иван Михайлович Ремизов был на пять лет моложе Г. К. Жукова, но членом партии стал на год раньше, в 1918 году, когда вступил в Красную Армию. До этого участвовал в Великой Октябрьской революции. После сражался на фронтах гражданской войны против Колчака, Деникина, белополяков{23}.

В условиях боев на Халхин-Голе возросло значение траншейной обороны. В полку Ремизова она выглядела более совершенной. Командир полка был инициативен, решителен, смел, в ходе боев совершенствовал оборону, исходя из убеждений, что она должна иметь значительную глубину и быть способной устоять против танков.

И Г. К. Жукову, и И. М. Ремизову траншейная оборона была известна еще со времен гражданской войны. Г. К. Жуков принимает решение усовершенствовать структуру построения обороны с учетом новых вооружений. Он потребовал не распылять силы и средства по всему фронту, ликвидировать линейное построение боевых порядков, создавать взводные и ротные опорные пункты как по фронту, так и в глубину, объединять их в батальонные узлы сопротивления, усиливать противотанковыми средствами. Промежутки между опорными пунктами перекрывать инженерными заграждениями - минами, малозаметными препятствиями, фланговым и косопрямительным огнем.

Левый фланг войск армейской группы прикрывала 6-я монгольская кавалерийская дивизия. В обороне она действовала как и все стрелковые части. При посещении этой дивизии Георгий Константинович подметил, что глубина обороны ее недостаточна. Правда, командование пыталось доказать, что в резерве находится целый кавалерийский полк и что ему поставлена задача обороняться во втором эшелоне, а при необходимости быть готовым конной атакой ударить противника во фланг. Комкор наглядно убедил монгольских друзей в недооценке опасности близкого расположения второго эшелона и в том, что оборона слабо развита в инженерном отношении. Он посоветовал побывать в 149-м мотострелковом полку и посмотреть, как там решается эта задача.

Как известно, оборона плацдарма на реке Халхин-Гол выстояла и с задачей справилась.

"Наши уставы, существовавшие до войны, учили строить оборону по так называемой ячеечной системе, - отметил К. К. Рокоссовский. - Утверждалось, что пехота в ячейках будет нести меньше потерь от вражеского огня. Возможно, по теории это так и получалось, а главное, рубеж выглядел очень красиво, все восторгались. Но, увы! Война показала другое... Надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи"{24}. Жаль, что опыт траншейной обороны, полученный на Халхин-Голе, не стал достоянием всей Красной Армии к началу Великой Отечественной войны.

По опыту Халхин-Гола, Великой Отечественной войны мы знаем, как наземные войска уязвимы от воздушного противника, особенно, если они имеют слабое авиационное подкрепление. Значение авиации на Халхин-Голе было особенно велико. Открытая степь затрудняла маскировку войск. Дневные передвижения советских и монгольских частей временами исключались совершенно. Только ночь могла сохранять тайну замыслов союзного командования. Надо было срочно организовать сильное воздушное прикрытие, отбить охоту японским летчикам безнаказанно проникать в глубь территории МНР, вести разведку нашей обороны и размещения резервов.

Вскоре наша авиация получила значительное пополнение улучшенной материальной частью - прибыли модернизированные самолеты "И-16" и "Чайка", новые формирования военно-воздушных сил. Была прислана группа мастеров воздушного боя - одиннадцать Героев Советского Союза во главе с заместителем начальника ВВС Красной Армии комкором Я. В. Смушкевичем{25}. Почетного звания они были удостоены за подвиги в небе Испании и Китая. Когда в воздухе появились советские асы, их мастерство японские летчики почувствовали в первых же боях.

Мне хорошо запомнился безоблачный день 22 июня.

- Всем находиться в укрытиях! - передал команду дежурный по батальону. - Без команды из капониров не выходить. Имеет право передвигаться в рост только суточный наряд, и то - бегом.

В этот день воздушная тревога объявлялась часто. Экипажи продолжали работать в танках и укрытиях. В предвечерние сумерки раздавалась новая команда: личный состав роты - на политинформацию! И вот мы впервые услышали о победе нашей авиации в воздушном бою.

В районе озера Буир-Нур в воздушное пространство МНР проникли 20 японских самолетов, которые были встречены тридцатью нашими. Следующая группа из 30 японских самолетов, не успев долететь до района воздушного боя, тоже была

перехвачена. Японцы терпели поражение и просили подкрепления. Третья воздушная волна их состояла из 45 машин. Тогда появились еще 60 наших самолетов.

Японцы в этом бою недосчитались тридцати одной машины. Весть о их поражении в воздухе была встречена ликованием наших воинов.

Воздушные налеты повторялись изо дня в день. Г. К. Жуков был обеспокоен этим. Он боялся, что противнику удастся обнаружить 11-ю танковую бригаду и 7-ю бронебригаду. Я. В. Смушкевичу была поставлена задача: встречать авиацию противника на дальних подступах к Тамцак-Булаку и навязывать ей воздушный бой.

Японцы не унимались, меняли тактику, появлялись в разное время дня. Утро 1 июля. Тепло и солнечно. На небе ни облачка. На командном пункте внезапно раздался сигнал "Воздушная тревога!". Все укрылись в щелях. Только на командном пункте Я. В. Смушкевича герои-летчики продолжали стоять во весь рост. Они следили за воздушной обстановкой и держали в готовности эскадрильи для воздушных атак.

В небе послышался приглушенный шум моторов. Далеко звенящие звуки усиливались, напоминая плавно нарастающую мощь громового раската. Девятка японских бомбардировщиков была на подходе к Тамцак-Булаку. Самолеты держали курс прямо на наш командный пункт.

- Смотрите, они не одни, - послышались голоса. Выше потолком на ярком солнце поблескивали отдельными точками истребители врага.

- Не выйдет, - громко произнес комбриг С. П. Денисов. - Они ждут появления наших истребителей... На их тактику ответим своей.

С командного пункта ВВС, находящегося рядом с нами, без суеты, уверенно и расчетливо отдавались команды подразделениям авиации. Вот вылетела первая небольшая группа разведчиков "И-16". Она атаковала японцев и тут же отошла в сторону. Группа прикрытия врага стремглав обрушилась на наших летчиков. Казалось, что гибель неизбежна. Но еще выше появились истребители Я. В. Смушкевича. Японцы, увлеченные боем с первой группой, не подозревали о нависшей над ними угрозе.

- Заходи, заходи ему в хвост! За тобой никого нет! Атакуй огнем, не жди, когда нагонит!.. - доносились отрывистые команды группы наведения с земли.

Вот один "японец" задымился. Сначала появился жидковатый хвост, затем клубы черного дыма закрыли половину машины, и

взрыв разнес самолет на части.

Буря восторга охватила нас. Строй японских бомбардировщиков стал рассыпаться. Мы видели, как один из них отделился и пошел вниз в полупике. Черными мелькающими точками посыпались бомбы. Это опорожнялось подбитое брюхо воздушного стервятника. Но его боевой удар пришелся по пустому месту. Не обращая внимания на то, что соседний самолет мечется под огнем двух советских истребителей, японец поспешно скрылся.

Его примеру последовали и остальные, сбросив смертоносный груз куда попало. При этом налете одна бомба взорвалась вблизи чуть ли не единственного в этом юрточном городке дома, в котором размещался узел связи корпуса. От взрывной волны вылетели стекла, осыпалась штукатурка, некоторых связистов оглушило. Но работа узла продолжалась. Связь поддерживалась бесперебойно.

Быть под бомбежкой - приятного мало. Но нельзя было не обратить внимания на то, что отдельные командиры явно пренебрегали укрытиями и мерами маскировки. Кто-то стоял во весь рост, рассматривая, что происходит в воздухе, кто-то ходил, как на прогулке. Авиационные начальники комбриг С. П. Денисов, полковник С. Е. Гусев, полковник И. А. Лакеев и другие управляли воздушным боем на незащищенном командном пункте.

Начальник штаба комбриг А. М. Куцев вышел из юрты. Без фуражки, с картой в руке, прикрыв правой рукой глаза от слепящих лучей солнца, он посмотрел, что творится в небе, и пошел своим путем, не обращая никакого внимания на воздушную обстановку. Не покидал своего рабочего места и командир корпуса. Впоследствии Военный Совет резко осудил тех командиров, которые неразумно подставляли свои головы под пули и бомбы.

Штаб корпуса работал с большим напряжением. Вот уже несколько дней подряд Г. К. Жуков неотлучно находился на командном пункте, работал до глубокой ночи, спал мало.

Исполняя общий план, согласованный с Наркомом обороны: прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар из глубины - Георгий Константинович предпринял меры по оперативному использованию войск. Для улучшения организации обороны в районе реки подвижный резерв корпуса (11-я танковая бригада, 7-я мотобронеполк и 24-й мотострелковый полк) был подтянут ближе к району боев и размещен в 25-30 километрах западнее горы Хамар-Даба.

По оценке противника Г. К. Жуковым, следовало ожидать наступления японцев крупными силами с далеко идущими целями. Еще не имея данных, где будет нанесен удар противником, командующий готовил подвижные силы к тому, чтобы парировать его наступление в любом направлении. Местность позволяла использовать бронетанковую технику всюду на предельных скоростях.

При выработке этого решения Г. К. Жуков советовался с ближайшими помощниками. Начальник штаба комбриг А. М. Куцев выразил сомнение в целесообразности размещения резервов.

- Чего вы боитесь? - спросил Жуков.

- Активности японской авиации, - ответил начальник штаба.

- Это не довод, - возразил командир корпуса. - Яков Владимирович, обратился он к командующему авиацией Смушкевичу, - вы сможете прикрыть движение колонн в район Хамар-Дабы от самолетов противника?

- Сумеем, - ответил Смушкевич. - К исходу дня доложу план перебазирования некоторой части истребительной авиации.

2 июля противник перешел в наступление, применив до 80 танков. К исходу дня на участке 149-го мотострелкового полка ему удалось вклиниться в нашу оборону. Появились пленные и подбитые танки японцев.

Однако наступление их носило отвлекающий характер. Они хотели сковать наши части, нанести им потери, привлечь к этому участку внимание командования советских и монгольских войск. Главными же силами, под покровом ночи, они намеривались внезапно обойти левый фланг обороняющихся, переправиться через реку Халхин-Гол, захватить гору Баян-Цаган, закрепить ее за собой и ударом в южном направлении окружить и разгромить наши войска.

"Для проведения этой операции противник перебросил из района Хайлара войска, предназначенные для действий в составе развертывавшейся 6-й армии"{26}. Главной силой явилась 23-я пехотная дивизия генерала Камацубара, бывшего военного атташе в Советском Союзе. Действия дивизии по захвату Баян-Цагана обеспечивались наступлением против наших частей на плацдарме и повышенной активностью многочисленной японской авиации. К моменту подхода наших резервов противник успел сосредоточить на горе Баян-Цаган более десяти тысяч штыков, около 100 орудий и до 60 орудий ПТО.

Как только стало известно, что японцы в ночь на 3 июля сбили боевое охранение 6-й кавалерийской дивизии МНРА, переправились через реку Халхин-Гол, захватили гору Баян-

Цаган, незамедлительно последовало решение о контрударе. План командующего сводился к тому, чтобы внезапным ударом разгромить противника на горе Баян-Цаган, одновременно сохранив и улучшив позиции наших и монгольских частей на правом берегу Халхин-Гола с тем, чтобы в последующем подготовить окончательный контрудар.

Все резервы корпуса были подняты по боевой тревоге и получили задачу: выступить в общем направлении к горе Баян-Цаган и атаковать японцев. Это решение было предварительным. Конкретные задачи соединения и части получили от Г. К. Жукова на местности по мере подхода их к Баян-Цагану.

О самом сражении на Баян-Цагане хорошо написано маршалом в его книге "Воспоминания и размышления". Остановлюсь лишь на отдельных моментах.

Отдав в присутствии комиссара корпуса М. С. Никишева соответствующий приказ начальнику штаба А. М. Кущеву, Георгий Константинович с оперативной группой выехал в район Баян-Цагана. Меня он взял с собой в легковой автомобиль "Форд-8", выделенный монгольским правительством для командира корпуса.

Темная ночь. Сию в напряжении. Жуков молчит. Маршрут ему, видно, хорошо известен. Он уверенно регулирует скорость машины на разных участках, выбирая кратчайший путь к горе.

Начало светать. На второй половине пути сделали остановку. Командующий вышел из машины. К нему подошли работники оперативной группы. После краткого разговора, Жуков вернулся к машине и, открыв дверцу, отрывисто спросил:

- Сидите?

- Сидим, товарищ командующий.

Он сел на свое место. До меня с опозданием дошло, что я допустил полное непонимание своих функций. Следовало, конечно же, выйти из машины вслед за ним и быть где-то рядом. Ведь там наверняка говорили о том, что имело немаловажное значение для адъютанта командира корпуса. А я сию в роли беспомощного пассажира.

Забегая вперед, скажу, что вообще-то Г. К. Жуков никогда специально не посвящал своего адъютанта в серьезные служебные дела. В то же время требовал владеть оперативной обстановкой, всегда быть готовым к поездкам в войска. Позднее, когда наши отношения определились, и он убедился, что я его понимаю, он всего лишь один раз напомнил:

- Вы мои указания записали?

- Записал, товарищ командующий.

- А фамилии тех трех бойцов?

- Тоже записал.

- Конечно, если не уверен в своей памяти - записывай. А вообще-то память надо тренировать.

В ночь на 3 июля 11-я танковая бригада, 7-я мотоброневая бригада, 24-й мотострелковый полк, 8-й бронедивизион монгольской армии выступили в направлении Баян-Цагана. Для Г. К. Жукова наступил самый критический момент. Он должен был только выиграть сражение. В противном случае положение советских и монгольских войск существенно осложнилось бы.

Позже он говорил: разгромив японцев, мы достигали перелома в пользу советских и монгольских войск, поднимали моральный дух, укрепляли уверенность в победе и создавали необходимые условия Для подготовки окончательного разгрома захватчиков. Вот поэтому надо было торопиться.

Командующий многим рисковал. Красная Армия не имела опыта применения крупных танковых и механизированных соединений во взаимодействии с авиацией и подвижной артиллерией. Включение бронемашин в бой без пехоты противоречило требованиям существовавших уставов и сложившимся оперативно-тактическим взглядам.

Но Г. К. Жуков действовал по обстановке. Он рассчитывал, что, благодаря внезапности, скорости и стремительности, сумеет еще до подхода резервов противника разгромить его, не дав закрепиться. С этой целью в считанные минуты он уточнил на местности задачи войскам и организовал артиллерийское и авиационное обеспечение контрудара танковых войск.

В 10 час. 45 мин. главные силы 11-й танковой бригады развернулись и с ходу атаковали японцев, нанося удар с северо-запада. Один ее батальон, во взаимодействии с бронедивизионом 8-й кавалерийской дивизии МНРА, с дивизионом 185-го тяжелого артиллерийского полка, атаковал противника с юга. Принимая такое решение, М. П. Яковлев не допускал мысли, что 24-й мотострелковый полк не выйдет к указанному времени на свой рубеж, и танкам придется сражаться одним без пехоты по времени больше, чем предполагалось. В результате 11-я танковая бригада по существу оказалась расчлененной японцами на две части, так как в разрыве боевого порядка должны были действовать полк Федюнинского и бригада Лесового, ввод в бой которых задержался. Это отрицательно сказалось на управлении, организации службы эвакуации и восстановлении выведенных из строя танков. Неустойчивая радиосвязь командиров батальонов и рот, отсутствие радиосвязи во взводе усложняли управление в этом важном звене, насчитывавшем 5 танков. Недостатки в управлении снижали боевые возможности танковых

подразделений и увеличивали потери в личном составе и боевой технике. Однако внезапность и четкая организация танковой атаки, быстрота и натиск, неудержимое стремление танкистов к победе, инициатива и взаимовыручка в бою огнем и маневром ошеломили захватчиков.

Полторы сотни наших танков без пехоты ринулись на противника. Г. К. Жуков принимает энергичные меры по оказанию помощи атакующим танкам огнем артиллерии и ударами авиации. Следом вступила в бой 7-я мотоброневая бригада и 8-й бронедивизион монгольской армии. Удар был настолько неожиданным, что японцы стали бомбить наступающие колонны только тогда, когда они уже вышли в район Баян-Цагана. Артиллерийский огонь по танкам открыли только через 10 минут после начала атаки.

- Где 24-й мотострелковый полк? - спросил командующий начальника войск связи А. И. Леонова{27}.

- С ним связь потеряна...

- Дайте карту, - потребовал от меня Жуков.

Я подал ему свою карту. Она была чистой, без каких-либо пометок. Георгий Константинович прочертил рубеж выхода и от него стрелой обозначил направление наступления. Такова была задача 24-го полка.

- Садитесь в броневилок, найдите полк и вручите его командиру эту карту. Здесь все написано. Полк должен быть вот здесь, - показал он рукой. Командир - майор Федюнинский. Только не попадите к японцам. Где идет бой видите сами. По возвращении доложите.

Полк был найден мною довольно быстро и вскоре своей атакой активно поддержал продвижение танков. Когда я вернулся на командный пункт, Г. К. Жуков похвалил за оперативность.

Внезапность контрудара обуславливалась смелостью замысла, решительностью, новизной тактики применения бронетанковых соединений. Стремление Г. К. Жукова к внезапности сопровождало его всю жизнь. Ему хорошо было известно из истории, что внезапностью пользовались полководцы всех времен. Однако не всем и не всегда удавалось достичь поставленной цели.

Расчеты японцев на внезапность захвата Баян-Цагана и июльского наступления не оправдались. Их попытки разбить наши части закончились поражением.

Жуковская внезапность носила творческий характер. Пути достижения ее в каждом конкретном случае разные. По его убеждению, момент внезапности сам по себе не является решающим фактором победы. Противник может быстро пережить

неожиданность ударов, оправиться от понесенных потерь и неудач и принять такие меры, которые могут свести на нет достигнутое. При увязке взаимодействия частей на местности, особенно во время предварительного проигрыша предстоящей наступательной операции, Г. К. Жуков требовал: внезапность надо дополнять искусством ведения боя или сражения любого масштаба. К этому он относил скрытность проведения подготовительных мероприятий, создание превосходства сил и средств на главном направлении, твердость и непрерывность управления, применение оригинальных тактических и оперативных форм маневра, предвидение хода развития события, стремительность осуществления замысла, твердое знание огневых и ударных возможностей вооружения и умение маневрировать средствами подавления в ходе наступления. Именно такое искусство управления со стороны нашего командования и было проявлено в Баян-Цаганском сражении.

Отчаянные попытки японцев отбиться от наших атак не принесли успеха. Грозная лавина танков, бронемашин и пехоты все дальше и дальше продвигалась вперед, уничтожая все на своем пути.

Против атакующих японцы бросили всю авиацию, но она была встречена нашими истребителями и обращена в бегство. Бой с неослабевающей силой продолжался всю ночь. Японцы предпринимали ночные атаки, отдельными группами пытались проникать в тыл и на фланги наших подразделений. За ночь они подбросили на Баян-Цаган свежие силы и утром попытались перейти в наступление. Но это им не удалось.

О состоянии морального духа японцев, сражавшихся на Баян-Цагане, свидетельствует дневниковая запись японского солдата, приведенная Г. К. Жуковым в главе "Необъявленная война на Халхин-Голе":

"Несколько десятков танков напали внезапно на наши части, - пишет солдат. - У нас произошло страшное замешательство, лошади заржали и разбежались, таща за собой передки орудий; автомашины помчались во все стороны. В воздухе было сбито 2 наших самолета. Весь личный состав упал "духом"{28}.

К концу вторых суток кровопролитного сражения противник дрогнул, остатки 23-й пехотной дивизии начали поспешный и неорганизованный отход. Японское командование старалось удержать Баян-Цаган и не допустить бегства своих солдат и офицеров с захваченного плацдарма. С этой целью оно взорвало свою же переправу через Халхин-Гол, чтобы заставить оставшиеся части сопротивляться до конца.

Принятые противником меры не могли повысить

сопротивляемость войск нашему стремительному наступлению. Они лишь подрывали моральный самурайский дух противника и веру солдат в своих командиров.

Тонко чувствуя обстановку, командующий усилил атаку по всему фронту, особенно на флангах с целью отрезать японские части от реки, пленить их или уничтожить.

Паническое бегство оставшихся сил противника возрастало. Не имея огневого прикрытия, самураи бросились вплавь и тонули целыми группами. "Когда враг не сдается, его уничтожают" - стало девизом для всех. Артиллерия, маневрируя огнем, уничтожала противника то в одном, то в другом районах скопления и бегства. Японские летчики лишились инициативы. Небо стало нашим навсегда. Танкисты-яковлевцы, взаимодействуя с монгольской конницей и другими родами войск, невзирая на потери, громили японцев с еще большим искусством. Миг боя - годы опыта. Каждый прошел свою школу в огне и скрежете металла.

Рота 3-го танкового батальона под командованием старшего лейтенанта А. В. Кукина, обходя противника вдоль левого берега реки, стремительно продвигалась на юг. Видя отходящие части японцев, танки открыли по ним огонь из орудий и пулеметов. Танкистов учили стрелять при атаке, главным образом, с коротких остановок. Это основной способ ведения огня из танка. Так были научены механики-водители. Они старались выбирать ровное место, докладывали об этом командиру танка, а тот, в свою очередь, командовал: "Короткая!". Танк останавливался, производились один-два выстрела, и снова - вперед. Но в данной обстановке останавливаться было нельзя, и каждый понимал это. Кто-то первым выстрелил с ходу. Один за одним начали стрелять с ходу и другие танки. Лавина огня, громыхание гусеничных лент... Огонь малоприцельный, но паника японцев растет.

Остатки японских войск были полностью уничтожены на восточных скатах горы у реки Халхин-Гол. "Тысячи трупов, масса убитых лошадей, множество раздавленных и разбитых орудий, минометов, пулеметов и машин устлали гору Баян-Цаган", - писал позднее Г. К. Жуков, воспроизводя результаты "баян-цаганского побоища". В воздушных боях за эти дни было сбито 45 японских самолетов, в том числе 20 пикировщиков.

В результате принятых мер японская усиленная пехотная дивизия численностью 18-20 тысяч человек была разгромлена. Пятого июля левый берег реки был очищен от противника. В последующем японцы больше не рискнули переправляться через Халхин-Гол.

В течение трех суток Георгий Константинович не смыкал глаз, был спокоен и деятелен. Зорко следил за обстановкой.

Предвидел ход событий.

Свой командно-наблюдательный пункт Г. К. Жуков разместил вблизи самой горы, в районе которой уже шел жаркий бой. Он занял небольшой малонадежный блиндаж в три наката бревен. В нем до начала сражения находился командир 36-й мотострелковой дивизии. Сюда был подведен телефон для связи с частями, ведущими бой на правом берегу Халхин-Гола. Из этого блиндажа Г. К. Жуков управлял сражением, четко и решительно реагировал на все изменения в боевой обстановке, проявляя удивительную работоспособность. К примеру, еще не имея данных о том, что командующий японскими силами генерал Камацубара в ночь на 4 июля отошел со своей оперативной группой на противоположный берег, Г. К. Жуков по поведению противника, его нервозности сделал четкое заключение и поделился им с М. С. Никишевым:

- Соппротивление противника надломлено, управление ослаблено. Надо усилить удар, отрезать части японцев от реки. Главное - не допустить подхода свежих сил, активизировать действия полка Ремизова.

Ночь на 4 июля - самый критический момент сражения. Звонит телефон. Жуков в это время говорит по другому с М. П. Яковлевым.

- Возьмите трубку, - бросает командующий.

- Докладывает 25-й, командир 149-го мотострелкового полка Ремизов.

- Пусть подождет, - распоряжается Жуков.

- 1-й слушает, - говорит он чуть позже.

- Докладывает 25-й. Противник атакует на всем участке обороны полка. Японцы пустили танки с включенными фарами.

- Держитесь всеми силами. Помогу "фонарями">{29}.

- Буду драться до последнего, - заключил свой доклад И. М. Ремизов.

Чтобы облегчить положение своих разгромленных частей на горе Баян-Цаган, противник стремился ночными действиями опрокинуть наш 149-й полк в Халхин-Гол, отвлечь силы наших частей, ослабить их удар на Баян-Цагане.

Полк устоял. Плацдарм был удержан, переправа через реку сохранена, хотя часть местности противнику удалось захватить.

Для окончательного разгрома противника командующий вводит в бой свои последние резервы. В ночь на 5 июля уже некого было ставить на охрану командно-наблюдательного пункта. Все мы: водители, связисты - становимся часовыми, дозорными. Мне было приказано обеспечить охрану блиндажа, в котором напряженно работали Г. К. Жуков и М. С. Никишев.

Глубокая летняя ночь 5 июля. В Монголии она хороша по своему. Тихо, тепло - и ни зги не видно: ни глубоко отрытых траншей с возвышающимся над ними бруствером, ни воронок от разорвавшихся бомб и артиллерийских снарядов, ни автомашин в котлованах, ни часовых. Земля дышала, парила, разносила по всей округе густой запах гари, паров бензина, каких-то красок. Они пропитывали одежду и, казалось, проникали в поры человеческого тела. А вдали за рекой, на плацдарме, продолжалось сражение, слышались взрывы гранат, яркие всплески артиллерийского огня. Трассирующие пули и снаряды бороздили небо в самых разных направлениях. Но бой был уже не тот, что на Баян-Цагане. Теперь, потерпев крупное поражение, противник нервничал, метался.

Люди, которым по служебной необходимости надо было прибыть на командный пункт, в кромешной темноте теряли точную ориентировку, шли почти на ощупь, по памяти дневных впечатлений и появлялись со всех сторон неожиданно, как привидения. И все-таки их видели, замечали.

- Стой, кто идет? - послышалось откуда-то из-под земли.

Я назвал и задал встречный вопрос:

- Вы должны патрулировать. Почему отсиживаетесь в окопе?

Рядовой Акимов вылез из окопа и, нимало не смутившись, объяснил:

- А я здесь временно, товарищ лейтенант. Так лучше: присядешь или в окоп спустишься - все видно, да и земля слухом полнится, надо только уметь ее понимать. Вот вы меня не видели, а я давно веду за вами наблюдение и принял меры самообороны. Вдруг японец... Я вот и выжидал, пока приблизитесь на выгодное для меня расстояние. Свечой стоять - тут и трудиться не надо, чтобы хлопнуть разяву. Знаете, какую тактику применяют самураи в ночной разведке? Они ползут, извиваясь, как змеи, бесшумно, незаметно подкрадываясь к своей жертве. С земли лучше видно. Против такого врага нужно чутье особое, сноровка и смекалка. Вот и приходится приспосабливаться, чтобы не дать себя обмануть.

С этим бойцом мне не пришлось больше встретиться. А сколько их, таких Акимовых в Красной Армии? С ними не пропадешь.

Вечером 5 июля комкор приказал мне взять бланки шифротелеграмм. "Будете писать донесение", - сказал Жуков. И стал диктовать итоговое донесение наркому обороны о сражении на горе Баян-Цаган.

Как правило, при подготовке всех докладов, решений, которые приходилось излагать, Г. К. Жуков пользовался только

своей картой. Как всегда, комкор сурово и точно докладывал правду о происшедших событиях, о победе и о наших значительных потерях в танках и бронемашинах. По какому-то недоразумению, я попросил повторить одно слово. Он сильно возмутился.

- О чем вы думаете? Относитесь к делу серьезней, - резко заметил он мне. Это было произнесено так, что я надолго запомнил и никогда больше не позволял себе подобной невнимательности.

7 июля Г. К. Жуков и М. С. Никишев переехали на основной командный пункт, подготовленный к этому времени на горе Хамар-Даба. Этому предшествовало следующее обстоятельство.

Нащупав местонахождение командного пункта Жукова, с восходом солнца японское командование открыло ураганный артиллерийский огонь. Вслед за этим сюда было направлено несколько групп бомбардировочной авиации. Одним снарядом разрушило блиндаж. Г. К. Жуков успел дать команду: "Машину!". А сам с Никишевым выскочил и укрылся в траншее. Тремя-четырьмя перебежками я достиг капонира, сел за руль форда и подал машину к траншее. Оба они сели на заднее сидение и мы выехали из опасной зоны.

В пути Жуков, наблюдавший за воздухом, заметил, как один истребитель из состава прикрытия бомбардировщиков отделился от основной группы самолетов и направился к нашей машине. Слышу команду: "Стой!". Отбежав, укрылись в старых, заброшенных окопах тыловых подразделений. Истребитель сделал три захода, трижды обстрелял автомобиль из пулемета, развернулся и улетел к своим. К счастью, автомобиль остался невредимым.

7 июля часам к 9 утра Г. К. Жуков и М. С. Никишев прибыли на гору Хамар-Даба. К этому времени были уже готовы узел связи, наблюдательный пункт, блиндаж оперативной группы штаба, откуда шло управление по телефонным линиям связи, блиндаж командующего, члена Военного совета, КП управления авиацией, блиндаж заместителя командующего полковника М. И. Потапова. Была организована и радиосвязь. Остальные элементы командного пункта продолжали совершенствоваться. В этом же районе где-то поблизости разместилась редакция газеты "Героическая красноармейская". Я всегда твердо знал, что главный редактор этой газеты Д. Ортенберг находился недалеко, и его всегда можно было быстро вызвать.

Стало очевидным, что в современном бою каждый командир должен отлично владеть не только основной специальностью, но и смежными профессиями (например, в составе экипажа расчета)

или командовать различными подразделениями, уметь работать в штабах, быть готовым заменить в бою товарища, знать технику и все оружия части, подразделения. Этого требовала боевая обстановка.

В один из дней в середине июля, незадолго до заката солнца, Г. К. Жуков отправился вдоль фронта на командный пункт 36-й дивизии. Позднее мне стало известно, что его интересовала местность вдоль реки Халхин-Гол. Мы шли с ним вдвоем по степи без всякой охраны, имея при себе только личное оружие. На восточном берегу оборонялись наши части. Откуда-то из глубины через головы пролетали артиллерийские снаряды. Над горизонтом то поднимался, то опускался вражеский аэростат.

- Надо уловить момент и направить наших летчиков к этой колбасе, чтобы она больше не появлялась, - заметил Георгий Константинович.

Обычно японцы внимательно выискивали командиров даже гораздо меньшего ранга с целью вывода их из строя. В этот день все было спокойно. Небо было чистым и прозрачным. Притих и ветер. Мы шли, как и многие воины, во весь рост, и издали нельзя было различить, где командующий, а где рядовой.

- На войне так часто бывает, - продолжал командующий. - Это случай частный, особый. А вообще - разведка, разведка и еще разведка. Просто никто не видел нас, когда мы вышли с командного пункта, а режим его работы японцами не изучен.

Пользуясь оперативной паузой, командующий лично отрекогносцировал участок реки Халхин-Гол, где предполагалось построить подводный мост для центральной группы войск, оценил положительно этот участок с точки зрения целесообразного использования и переброски здесь соединений. Впоследствии его часто интересовали фланги фронта, изучение которых продолжалось до 10-15 августа.

Силы армейской группы росли главным образом за счет подходивших резервов. 6-я танковая бригада из Забайкалья была переброшена к пограничному пункту Соловьевск и двигалась в район Баян-Цагана.

Командир бригады полковник М. И. Павелкин получил от Г. К. Жукова указание: вывести бригаду в район сосредоточения (к Халхин-Голу) скрытно. Японцы не должны знать о ней ничего. Командующий запретил использовать радиосвязь. Радиостанции всех типов держать только на прием. В зоне досягаемости японской авиации, начиная от города Баян-Тюмэн, марш совершать только ночью, фары не включать. С выходом в район Халхин-Гола бригада должна быть готова с ходу вступить в бой, если обстановка этого потребует. Используйте опыт совершения

длительного марша 11-й танковой бригады. "Запомните, - сказал Г. К. Жуков, - Яковлев растерял много танков на маршруте. На восстановление техники бригаде потребовалось около двух недель. У вас такой возможности не будет". Эти слова мне хорошо запомнились.

Над выводом 6-й танковой бригады в район боев работал весь штаб армейской группы. Наряду с техническим обеспечением марша активно велась партийно-политическая работа. От боевого настроя, высокого политико-морального состояния зависел успех и на марше, и в бою.

М. С. Никишев, начальник политотдела П. И. Горохов активно включились в партийно-политическое обеспечение поставленной Г. К. Жуковым задачи. И она была не из простых.

Впереди сотни километров по бездорожью. Местность - открытая равнина, ни кустика, ни бугорка. Для ветра полное раздолье. Кроме как в танке или в кабине автомобиля укрыться нигде. Командование бригады было обеспокоено за тылы, особенно за питание и воду. Смогут ли инженерно-технический состав, ремонтные мастерские организовать восстановительные работы на марше при высоких скоростях движения колонны, получают ли горячую пищу воины и будет ли чем утолить жажду им в глубине степей?

Но приказ есть приказ. Танкисты с высоким сознанием своего долга были одержимы лишь одним: выполнить поставленную задачу точно и в срок.

Беспокойство за благополучный поход резервов из глубины не покидало и руководство.

- Товарищ Горохов, скажите, своевременно ли доводится обстановка на фронте до личного состава подходящих из Союза резервов? - спросил член Военного Совета начальника политотдела.

- Мы принимаем все меры, используем все возможности информировать как боевые, так и тыловые части о положении на Халхин-Голе: доставляем фронтовую газету, посылаем своих работников, усиливаем партийно-политическую работу среди личного состава, увязывая с конкретной обстановкой.

...После жаркого дня и напряженного марша повеяло предвечерней прохладой. Стало легче дышать, силы восстанавливались. Захотелось есть. Когда объявили ужин, все устремились со своими котелками к походным кухням. На привале парторг батальона старший лейтенант Яков Григорьевич Веденяпин ненавязчиво завел разговор с несколькими воинами. Скоро вокруг него образовалась целая толпа.

- Что нового на фронте, расскажите нам, - обратился к нему с

вопросом заместитель командира 2-й танковой роты лейтенант Федот Александрович Волобуев.

- Японцам жарко стало. Не по климату пришелся им Баян-Цаган. Получилось не так, как им хотелось. До реки не успели добежать, как танкисты 11-й танковой бригады совместно с другими нашими войсками и частями Монгольской народно-революционной армии, настигли и, разумеется, дали им прикурить: жаждущих накормили землей, приговаривая: грызите, мол, гады проклятые, монгольский чернозем. А вы водичку халхингольскую попейте, а то вкус знать не будете, и если в живых останетесь, будет о чем рассказать своим потомкам на островах.

Оставшиеся в живых, очертя голову, бросились в реку. Вот там-то они и поплавали всяким стилем, кролем и брассом, а больше - "нырком".

(С парторгом Веденяпиным мы были хорошо знакомы: после боев жили в одном гарнизоне, часто виделись. В 1947 году снова встретились в Москве. Тогда он работал начальником отдела кадров - секретарем партийной организации фабрики в Лефортове. Он был такой же внешне жизнерадостный. За подвиги на Халхин-Голе награжден орденом Красного Знамени. В Отечественную войну потерял ногу. Стал инвалидом).

Между тем напряженные бои на правом берегу Халхин-Гола не утихали. В ночь на 7 июля на участке 149-го мотострелкового полка японцы предприняли первую атаку. Подразделения полка были оттеснены к реке. Японцы закрепились на одной из высот в 3-4 километрах от берега. В ночь на 8 июля враг снова предпринял яростную атаку.

Утро 8 июля. Мы на командном пункте горы Хамар-Даба. Командующий у телефона. Он принимает доклады о происшедших за ночь событиях: изучение и анализ обстановки у него не прерывается ни днем, ни ночью.

Баян-Цаганское сражение явилось классической операцией активной обороны войск Красной Армии. Победа там была достигнута совместными усилиями советских воинов и бойцов монгольской народно-революционной армии. Они рука об руку громили врага, проявляя массовый героизм. В этом сражении японское командование встретилось с высокоорганизованной системой управления войсками двух дружественных стран, возглавляемой Г. К. Жуковым, человеком, способным не только жестко повелевать, но и чувствовать и находить слабые места в действиях противника и тут же навязывать свою волю в интересах победы решительно и наверняка. В подвижных формах боя он требовал личной инициативы, личного влияния на ход боя:

никакие письменные приказы и даже короткие письменные распоряжения не должны иметь место, так как они ведут к потере времени, к задержке в управлении боем, что отрицательно сказывается на его исходе.

Там, где надо, командующий применял двухсторонние переговоры по радиосредствам.

Вскоре после отправки итогового донесения из Москвы прибыла комиссия во главе с заместителем наркома командармом 2 ранга Г. И. Куликом. В состав комиссии входили: начальник артиллерии РККА комкор Н. Н. Воронов, начальник бронетанковых войск комкор Д. Г. Павлов и другие. Они приехали разобраться в причинах значительных потерь в бронетанковой технике.

Комиссия побывала на поле боя, сама увидела следы еще не остывшего разгрома японских войск. Г. К. Жуков обосновал свое решение как единственно верное в той конкретной обстановке, которая создалась к утру 3 июля. Его действия были признаны правильными.

- Ну, а что могло тогда случиться, если бы мы не рискнули нанести стремительный контрудар бронетанковой группировкой по переправившейся группировке японцев и стали бы ждать подхода 24-го мотострелкового полка? Я думаю, что нам пришлось бы много пролить крови, а может быть, и хуже, говорил Г. К. Жуков.

При обсуждении итогов Баян-Цаганского сражения Г. К. Жуков обратил внимание командиров и штабов на серьезные трудности, которые войска могут встретить в будущем.

- Японцы хорошо понимают, с кем имеют дело: времена Куропаткина ушли вместе с режимом царской России. Но за понесенное поражение они попытаются рассчитаться. Наши войска должны быть готовы к этому, - заключил он.

Подвиги воинов 11-й танковой бригады были высоко оценены Родиной: 14 человек отмечены высшей наградой - званием Героя Советского Союза, 20 воинов награждены орденом Ленина, 288 - орденом Красного Знамени, 45 - орденом Красной Звезды, 410 - медалью "За отвагу", 105 - медалью "За боевые заслуги">{30}. Для увековечения героических подвигов танкистов и блестящих побед Соединений Красной Армии и Монгольской Народно-революционной армии (ныне Монгольская Народная армия) во имя братской солидарности с дружественным нам монгольским народом на горе Баян-Цаган установлен постамент. На нем высится танк 11-й танковой бригады, участвовавший в сражении, олицетворяя собой символ грозного предупреждения всем охотникам поживиться за счет других народов.

В ночь на 8 июля противник предпринял яростную атаку.

Утром Г. К. Жуков узнал, что Иван Михайлович Ремизов погиб от осколка мины. Человек огромной воли и самообладания, Георгий Константинович побледнел и попросил воды.

- Война есть война, но привыкнуть к гибели людей не могу, - словно извиняясь за слабость, сказал он. - Ведь только что разговаривал с человеком. Во всем полагался, верил, как самому себе и вот, его уже нет.

12 июля погиб в бою командир 1-й танковой бригады М. П. Яковлев. Его соединение сыграло главную роль в разгроме японцев на Баян-Цагане. Весть о гибели еще одного героя-командира болью отозвалась в сердце Жукова.

В оборонительных боях наши и монгольские части испытывали большие трудности. С одной стороны, они велись малыми силами. С другой, сказывалась недостаточная подготовка к ночным действиям. Японцы в этом вначале имели преимущество. Ночные атаки они применяли широко и не безуспешно.

Японские солдаты были специально подготовлены для боя именно в Монголии, на Халхин-Голе, в условиях жары, недостатка питьевой воды, обилия комаров и гнуса. Они имели облегченную обувь, обмундирование под цвет окружающей местности, специальный ранец, обшитый мехом, защищающим пищу от жары и влаги. В ранце - запас продовольствия: рис, галеты, консервы, спиртовка. Солдат сам мог приготовить себе горячую пищу. Специальный накомарник надежно защищал лицо и шею от укусов насекомых.

Мы такой защиты не имели. Когда Г. К. Жукову показали ранец японского солдата, он сказал, что это заслуживает внимания, и подметил, что даже ранец и вся экипировка солдата выдает с головой преднамеренные агрессивные планы японского командования по захвату Монголии.

Наше командование быстро разобралось в тактике японских частей и в свою очередь приняло ряд практических мер. Для ликвидации пробелов в ночной подготовке частей Военным Советом была издана специальная директива. Весь партийно-политический аппарат, "Героическая красноармейская" и дивизионные газеты широко развернули работу по овладению приемами ночного боя. Положительный опыт неустанно пропагандировался в войсках. Давались советы и рекомендации, как надо действовать ночью. Недостатки в ночной подготовке частей и подразделений скоро были устранены. Японцы сами стали бояться наших ночных атак. Но это было позже. После же Баян-Цагана надо было устоять, а для этого многому научиться.

...Организуя оборону на плацдарме на правом берегу Халхин-Гола, командующий стремился не вводить новых частей. Но ввиду того, что японцы наращивали силы, стремясь взять реванш за поражение на Баян-Цагане, Жуков вынужден был с ходу направлять в бой подходившие из Советского Союза полки 82-й стрелковой дивизии.

И случилось так, что один из них не выдержал напора врага и побежал с плацдарма. Георгий Константинович немедленно поднял роту охраны командного пункта во главе с капитаном особого отдела, фамилию которого, к сожалению, не помню, приказал восстановить положение, вернуть полк на прежние позиции. Рота выполнила боевое задание, но ее командир погиб смертью храбрых.

В целом, по общей оценке, в результате давления войск противника создалась критическая обстановка, грозившая поражением с далеко идущими последствиями. Заместитель наркома Г. И. Кулик, присутствовавший при этих событиях с комиссией из Москвы, предложил Г. К. Жукову оставить плацдарм, отвести артиллерию на левый берег реки. "А то и ее погубите", - заявил он.

Мысль об эвакуации орудий с плацдарма поддерживал и командующий артиллерией армейской группы комбриг Корзин. Он ссылался на начальника артиллерии Красной Армии Н. Н. Воронова.

Георгий Константинович воспротивился. Оставлять плацдарм, считал он, нельзя. У Военного Совета иная оценка обстановки. Надо искать другой выход.

В глубокую темную ночь Г. К. Жуков вызвал меня к себе в блиндаж. С ним находился Г. И. Кулик.

- Сейчас пойдем на телеграф, - сказал командующий.

Я позвонил дежурному по связи, предупредил, чтобы он "подготовил Москву". Георгий Константинович свернул свою карту, лежавшую на столе, и сказал: "Я вынужден доложить наркому".

Не видно ни зги. Надо было пройти напрямик по склону горы, как ходили в дневное время, 300-400 метров. У меня был так называемый "жучок" - фонарик, приводившийся в действие кистью руки и производивший при этом своеобразное жужжание. Им я периодически подсвечивал сомнительные отрезки пути. Мы тогда и не подумали, что "жучок" может навести на нас противника, выдавая, что называется, с головой. К счастью, наша беспечность не имела последствий.

На узле связи Г. К. Жуков приветливо поздоровался с телеграфистом аппарата "Бодо", спросил о готовности и начал. Я

держал перед его глазами карту в развернутом виде, Георгий Константинович доложил обстановку, предложение Кулика и свое решение. В каждом его слове звучали четкость, ясность мысли и решительность тона. Москва согласилась с решением Жукова.

Взяв с собой ленту с ответом Москвы, командующий вернулся в блиндаж и вызвал к себе М. А. Богданова, начальника оперативного отдела, пригласил М. С. Никишева и информировал их о полученных указаниях. Тут же отдал приказ об усилении плацдарма. Струсивший полк было решено сменить другим. Потом позвонил командиру 82-й стрелковой дивизии и предупредил: "За плацдарм отвечаете головой!"

Наутро шифротелеграммой Г. И. Кулик вместе с комиссией отзывался в столицу. Дополнительным распоряжением членам комиссии Н. Н. Воронову и Д. Г. Павлову, возглавлявшему бронетанковые войска, предписывалось остаться для оказания помощи и изучения опыта боевого использования родов войск и вооружений.

Таким образом, ясность ума, решительность и воля, высокое чувство персональной ответственности Г. К. Жукова за порученное дело предотвратили назревавший просчет. А 20 августа именно с этого плацдарма Центральная группа войск начала свое победоносное наступление.

Период оборонительных боев был весьма напряжен. Командующий строго следил за обстановкой. Малейшие изменения в поведении противника анализировались, и принимались соответствующие контрмеры. Это был надежный щит, за которым энергично шла подготовка к нанесению решающего удара по японским войскам.

Однажды Г. К. Жуков прибыл в 149-й мотострелковый полк, оборонявший переправу. Полку угрожало уничтожение предстоящей ночной атакой. Командующему стало известно, что японцы подтянули две большие группы курсантов, как называл их, - кадетов, и скрытно расположили их на исходных позициях. По этой причине и появился он в полку на исходе дня.

Пробираясь по траншеям в сопровождении командира батальона капитана И. Г. Свешникова, Г. К. Жуков остановился у расчета станкового пулемета. Спросил, как чувствуют себя бойцы, как их кормят, получают ли они горячую пищу. Затем приложился к пулемету, обратил внимание на узость сектора обстрела, обнаружил, что на одном направлении у ориентира номер два мала глубина видимости и резюмировал:

- Позиция подготовлена не в пользу расчета. Возможности использования такого мощного оружия ограничены. Вы посмотрите сами - обратился он к Свешникову, - не исключено,

что подобные недостатки имеются и в других местах. Вы имеете опыт и, наверное, поняли, что организация огня и умелое взаимодействие всех огневых средств в обороне имеют решающее значение. Покажите-ка запасные позиции этого расчета.

- Она у него одна, вон там, правее, указал командир батальона.

Георгий Константинович пробрался и к запасной позиции и сделал свои замечания. В целом они сводились к тому, что одной запасной позиции мало. И действующая, и запасная слабо замаскированы, нет условий для быстроты действий второго номера расчета.

- А как снайперы, где они у вас?

- Вот по этой траншее мы пройдем мимо них, - сказал Свешников.

Побеседовал командующий и с двумя снайперами на их боевых позициях. При этом он соблюдал предосторожности, чтобы не выдать себя противнику, не рассекретить снайперов. Он сам старался разобраться до конца в организации огня, маскировке в обороне и построении с точки зрения ее устойчивости.

После этого перед командирами батальонов, в присутствии командира полка, он поставил задачу: упредить противника, с наступлением ночной темноты без единого выстрела атаковать позиции "кадетов" и уничтожить их.

- Огня не вести, гранат не брать, световых сигналов не применять! Операция должна быть выполнена штыком и ножом, - потребовал командующий.

К рассвету задача была выполнена. В этом бою особенно отличился батальон И. Г. Свешникова. Нависшая угроза обороне переправы была снята. Оказалось, что каждый японец сидел в своей круглой ячейке и в одиночку погибал, лишенный помощи соседа.

Находясь уже в отставке, в Омске, при встречах с ветеранами войны Иван Григорьевич охотно делился воспоминаниями о первой встрече с Г. К. Жуковым на Халхин-Голе. Свешников был, как говорят, не из робкого десятка: высокого роста, мужественный, сильный и смелый. В штыковой атаке ему не было равных. Ранее в стрелково-спортивных состязаниях занимал первые места в Красной Армии. От наркома К. Е. Ворошилова имел именное оружие. А при встрече с Жуковым оробел.

Я спросил его: "Почему-то вы тогда волновались, путались при докладе командующему, не помните?"

- Все я помню, - ответил мне Свешников. - Я только начал, а Жуков мне сразу: "А короче можете?"

- Могу, - ответил ему. - А на самом деле сбился и начал путать: коротко доложить не просто. Жуков произвел на меня сильное впечатление. - Я убедился в его глубоких знаниях ближнего боя. В нем сочетались удивительная простота в обращении со строгостью, уверенностью и хладнокровием.

31 июля 1939 года комдиву Г. К. Жукову было присвоено очередное воинское звание "комкор". Так были оценены партией и правительством блестящая победа над японскими войсками в районе Баян-Цагана, организация прочной обороны на восточной стороне реки Халхин-Гол, создание условий для подготовки августовской наступательной операции. Георгия Константиновича поздравляли Москва, командование округом, командиры соединений и отдельных частей, монгольское правительство.

Семья узнала об этом последней. Лишь 21 августа 1939 года комкор поручил мне отправить телеграмму: "Круглосуточно занят. Здоров. Получил очередное звание. Обнимаю всех. Жуков".

На следующее утро, которое выдалось тихим и солнечным, командующий вышел из блиндажа без головного убора и с баяном в руках, что было в общем-то непривычным для подчиненных, видевших Жукова постоянно строгим, сосредоточенным, почти недоступным. Он сел на бруствер траншеи, прошелся пальцами по кнопкам, настраиваясь на мирный лад. А потом зазвучала мелодия песни "Вниз по Волге-реке". Наигрывая мелодию, баянист подпевал негромким, задушевым голосом. Делал он это увлеченно, не обращая внимания на очередной артиллерийский обстрел горы Хамар-Даб. Отдавал песне всего себя, как и всякому делу, за которое брался. Присутствовавший на КП фотокорреспондент газеты "Известия" В. А. Темин запечатлел этот момент на снимке. Так для истории сохранился улыбающийся комкор.

? Можно лишь догадываться о всей гамме чувств, вызвавших душевный подъем Жукова. Конечно же, ему приятно было высокое признание его заслуг и таланта. Возможно, он думал и о том, что наконец начинают отходить от него наветы в неблагонадежности и подозрительности, которые преследовали его в 1937-1938 годах.

Припоминаю и следующий случай. В первых числах августа, когда шла полным ходом подготовка к генеральной наступательной операции, командующий возвращался из 8-й кавалерийской дивизии Монгольской Армии, оборонявшейся на правом фланге армейской группы. Там он детально изучил возможности наведения переправ через Халхин-Гол, характер широкой заболоченной поймы.

На выезде из долины Георгий Константинович приказал

шоферу остановиться. Перед закатом солнца жара спала. Стало легче дышать. Прекратился артиллерийский обстрел. В зарослях болотистых водоемов и старицах Халхин-Гола бурлила своя жизнь. Воздух оглашался многоголосием птиц, лягушечьим "концертом". Георгий Константинович тихо сказал:

- Откройте дверцы, но из машины не выходите, а то можно все испортить. Послушаем, как природа дышит.

Мы простояли минут десять.

- Хорошо бы еще послушать, да пора в путь, - с сожалением сказал комкор.

Степь перед нами лежала выгоревшая, черная от артиллерийских обстрелов.

На командный пункт прибыли поздно. Георгий Константинович приказал сдать косача на кухню{31}. На завтрак угостил дичью своих заместителей, был очень доволен, шутил. Казалось, он снял с себя все нагрузки тяжелого ратного труда и теперь с новыми силами готов был перевернуть массу предстоящих дел.

Спал Георгий Константинович в том же блиндаже, где работал. В отгороженном закутке стояла солдатская кровать с металлической сеткой и ватным матрацем. Рядом - тумбочка для туалетных принадлежностей. Личным бытовым удобством он не придавал значения. Вечерами принимал прохладный душ в общей палатке. Умывался до пояса, с удовольствием растирался полотенцем. Обедал, как правило, в блиндаже своего заместителя М. И. Потапова. Сюда не доходили телефонные звонки. Заходить и беспокоить его в это время никто не осмеливался. Ел не торопясь, отсутствием аппетита не страдал, съедал все, что подавали. Сядясь за стол, спрашивал: "Шофера накормили?" Очень редко выпивал бокал легкого кахетинского вина. Был против всякого крепкого зелья. На приемах поднимал и принимал тосты, но мог только пригубить рюмку.

После завершения разгрома 6-й японской армии и восстановления монгольских границ 29 августа 1939 года Георгий Константинович становится Героем Советского Союза. Всего Халхин-Гол дал 73 Героя Советского Союза. Трое из них были награждены второй медалью "Золотая Звезда": Г. П. Кравченко, С. И. Грицевец, Я. В. Смушкевич{32}.

О некоторых героях-танкистах моей родной 11-й танковой бригады хочется рассказать поподробнее. В мирных условиях многих из них отличала скромность и добросовестность исполнения служебного долга. Тогда каждый из нас на всех учениях и тактических занятиях представлял себе воображаемого вероятного "противника". Мы обходили его, "атаковали" во фланг

и тыл, "преследовали" и, как правило, "побеждали". После выполнения учебных задач все возвращались живыми. И так продолжалось изо дня в день. Но теперь шел настоящий бой, смертельная схватка. Кто кого победит?

Атакует батальон Г. М. Михайлова. Японцы обрушивают на танки огонь противотанковых орудий, бутылки с горючей смесью.

За пять часов непрерывной атаки батальон понес тяжелые потери, особенно в командных кадрах. Погиб командир 1-й танковой роты Алексей Рогов. На его место встал помощник начальника штаба батальона капитан М. П. Агибалов. Погиб командир 3-й танковой роты Непольский. Погибли политруки всех рот батальона. Были подбиты танки командира 3-го танкового взвода В. Шубникова, командира 1-го танкового взвода В. Соловьева, ст. лейтенанта Таранухина, лейтенанта Безродного. Сам Г. М. Михайлов получил контузию, его механик-водитель убит, танк развернулся и остановился. Положение членов экипажа, оставшихся в живых, было критическое. Но Михайлов сел за рычаги танка и продолжал атаку. Противнику были нанесены большие потери.

За умелое командование батальоном, личный героизм на Баян-Цагане и в последующих боях Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.08.39 г. майору Г. М. Михайлову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда". В наградном листе написано: "На протяжении всех боевых операций против япономаньчжур, начиная с 3 июля, тов. Михайлов Г. М. показал себя бесстрашным и отважным бойцом-танкистом и прекрасным командиром и организатором боя. Неоднократно лично возглавлял атаки своего батальона, наносившего большие потери противнику"^{33}. Его подвиг был ярко воспет К. Симоновым в стихотворении "Баян-Цаган" (рассказ танкиста).

Капитан М. П. Агибалов еще до начала Халхингольских событий как-то выделялся среди командного состава нашего батальона. Нас, молодых лейтенантов, он привлекал выправкой, энергией, смелостью в принятии решений, находчивостью, душевной простотой. В бою выдержал не один десяток атак. Как командир танковой роты отличался тактической грамотностью, умением управлять огнем роты, успешно решал боевые задачи с наименьшими потерями в личном составе. Указом Президиума Верховного Совета от 29 августа 1939 года М. П. Агибалу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением медали "Золотая Звезда".

Звания Героя Советского Союза был удостоен и мой бывший командир роты старший лейтенант Василий Романович Филатов.

На Баян-Цагане рота действовала стремительно, смяла боевые порядки японцев, достигла артиллерийских позиций, нанесла противнику тяжелый урон. Сражаясь храбро, "старшой" за все время боев 15 раз водил роту в атаку, был ранен, но поля боя не покидал.

По характеру мягкий, добрый, заботливый, Филатов никогда ни на кого не повышал голоса. Много сил отдавал боевой подготовке, всесторонней выучке подчиненных. В бою был примером для всех. Можно было удивляться, откуда у этого человека было столько энергии, бесстрашия и воли к победе!

На Баян-Цагане отличился и старший механик-водитель 3-го танкового батальона Иван Васильевич Просолов. Во время атаки танк его был подбит. Просолов в течение двух суток находился в окружении противника, за это время уничтожил пулеметным и орудийным огнем своего танка до роты противника. После того, как наши войска очистили Баян-Цаган от японцев, Просолов вошел в состав нового экипажа и снова героически и мужественно сражался с противником. Указом Президиума Верховного Совета от 29 августа 1939 года И. В. Просолову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Смело и решительно действовал экипаж командира танка 2-го взвода 1-й танковой роты этого же батальона Алексея Михайловича Кузнецова - омича, жителя с. Алексеевка Кормиловского района Омской области. Свыше двух суток танк находился в непрерывном бою, периодически пополняясь горючим и боеприпасами. Его экипаж был хорошо слажен, каждый понимал друг друга с полуслова. Командир танка в первой же атаке понял, что в таком тяжелом бою одной храбрости мало, чтобы победить. Он увидел, как соседний танк другого взвода остановился, чтобы выстрелить из пушки по обнаруженной цели, но тут же сам был подбит и загорелся. Это насторожило Кузнецова. Он сделал вывод: так воевать нельзя. Подает команду механику-водителю: "Остановок не делать, буду стрелять с ходу, ровные участки местности подсказывай, все время маневрируй, не подставляй борт противнику!"

В первые часы боя танк раздавил противотанковое орудие японцев и уничтожил расчет. Кузнецов убедился и в том, что без взаимодействия с соседними танками нельзя рассчитывать на успех. О других героях и героических подвигах на Баян-Цагане много написано теми, кто знал о них лучше.

16 апреля 1941 года в Москве на Хорошевском шоссе, 12, в квартире Героя Советского Союза майора М. П. Агибалова собрались халхингольцы. Мы вспомнили службу и боевое товарищество в степях Монголии. Невольно радовались столице, нам хотелось ощутить ее дыхание. На улице пахло весенней свежестью, дышалось легко и приятно. Однако без привычки уличная суэта утомляла нас. Мы шли навестить моего бывшего командира роты В. Р. Филатова. Он учился в академии, и ему Моссовет выделил квартиру на Хорошевке, как тогда было принято говорить.

Никто из нас не мог знать, что апрель был чуть ли не предпоследним месяцем до вероломного нападения гитлеровских полчищ на нашу Родину.

- Что-то форсируют наш выпуск, - отметил М. П. Агибалов, -

экзамены начинаются. Скоро опять разлетимся по всей стране, кто куда...

Это была последняя предвоенная встреча с моими первыми командирами. В мае 1941 года они окончили Академию бронетанковых и механизированных войск и были направлены в войска. Полковник Г. М. Михайлов, командуя 101-й танковой дивизией, стал генералом и ровно через год, в мае 1942 года, погиб смертью храбрых.

В октябре 1941 года в боях за Москву, на Калининском направлении, погиб Герой Советского Союза Михаил Павлович Агибалов, командир батальона 21-й танковой бригады. Память о нем свято хранят земляки на его родине, в Куйбышеве на Волге.

...Успехи или неудачи влекли Г. К. Жукова к самоанализу, осмыслению происшедшего, поискам наиболее совершенных способов и форм маневра боевых порядков частей и подразделений. Сошлюсь лишь на один пример.

При подготовке донесения о Баян-Цаганском сражении, излагались данные о потерях в танках и бронемашинах. Позднее, когда решался вопрос о пополнении бронетанковой техникой соединений, Г. К. Жуков сказал М. С. Никишеву: "При хорошей организации управления огнем танков и бронемашин больших потерь могло и не быть. По сути танкисты дрались в одиночку, общим чохом. Стремительному продвижению недоставало организованного огня".

Вывод соответствовал действительности. На то были объективные и субъективные причины. Управление танками на поле боя обычно велось личным примером командира ("Делай как я!") и флажками. В первом же бою такие приемы управления оказались непригодными. Связь по радио была только между командирскими танками. И эти танки резко выделялись среди основной массы. В любой атаке со стороны каждый мог видеть, где находится командирский танк, и японцы в первую очередь били по нему.

По каким же признакам узнавался командирский танк? Прежде всего - по поручневой антенне. Металлический прут в форме трубки диаметром в дюйм огибал башню с ее задней части. На остальных танках не было радиостанций, а значит, и таких антенн.

Большим потерям способствовали и изъяны в обучении и воспитании танкистов. Мы были научены метко стрелять с коротких остановок по стоящим мишеням на полигонах. Искусству организованного применения огня танкового взвода, роты по целям с применением стремительного тактического маневра не уделялось должного внимания.

Анализ оборонительных боев утвердил взгляды Г. К. Жукова на то, что современная оборона должна быть прежде всего противотанковой, глубоко эшелонированной, должна иметь крупные подвижные резервы. Великая Отечественная война полностью подтвердила этот вывод.

За короткий период командования Г. К. Жуков сумел проявить себя выдающимся военачальником, глубоко знающим природу современного боя, четким в своих поступках, решительным и смелым, умеющим оперативно организовать любое дело и обеспечить достижение поставленных целей. Докладов по написанному не признавал. Карта и память - источники, которыми должен владеть каждый военный в совершенстве. Таковы его установки. Вопросов неразрешенными не оставлял.

Все это настолько подняло ответственность всего командного состава за свою личную подготовку, что некоторые старались избегать личных встреч с командующим, боясь уронить честь своего мундира. Была создана атмосфера постоянной собранности и совершенствования профессиональных знаний и навыков командиров всех степеней.

Он доверял подчиненным. Это учитывалось еще при планировании обороны или наступления. Никогда не связывал их мелочами. В динамике боя надеялся на инициативу снизу, полагая, что "ближнему" виднее, что надо делать в данный момент.

Приведу несколько примеров.

14 июля в районе второй переправы сложилась крайне опасная обстановка. Японцы всячески стремились уничтожить наши обороняющиеся части и овладеть переправой. Их атаки были направлены в основном на стрелковый батальон Баева.

Командующий отдал распоряжение - усилить оборону второй переправы. По требованию Г. К. Жукова, командир 11-й танковой бригады направил туда сводную танковую роту (13 танков) В. Р. Филатова. Лично от командующего и начальника штаба М. А. Богданова В. Р. Филатов получил задачу поступить в распоряжение командира батальона Баева и отстоять переправу.

- Когда Филатов добрался до М. С. Баева, того в указанном месте не оказалось. Обстановка резко изменилась. На командном пункте находился один телефонист.

- Найдите мне командира батальона и пригласите его к телефону, потребовал Филатов.

- Баев только что был на правом фланге, - успокаивающе объяснил телефонист...

- У аппарата Баев.

- Я командир танковой роты старший лейтенант Филатов. Прибыл в ваше распоряжение. Где могу лично встретить вас?

Но комбат вместо ответа передал ему приказ немедленно прибыть снова к командующему.

Используя успех соседних подразделений, батальон Баева сам контратаковал противника и продвинулся вперед, улучшив свои позиции.

Когда об этом было доложено командующему, он поставил капитана М. С. Баева в пример:

- Вот таким, как Баев, должен быть командир. Обороняясь в труднейших условиях, нашел силы контратаковать по собственной инициативе, смело и решительно.

Командующий приказал своему заместителю, председателю наградной комиссии комбригу М. И. Потапову, представить Баева к награждению орденом Ленина.

О капитане М. С. Баеве хочется рассказать подробнее. Матвей Степанович вырос на Омской земле в селе Пресновка Оконешниковского района. В 1926 году партия направила омича в Красную Армию, на политработу. Поначалу было трудно постигать азы марксистско-ленинской науки: не хватало грамоты. Но он хорошо усвоил требования партии: надо укреплять ряды Красной Армии, повышать ее боевую готовность. Матвей достиг своей цели: стал кадровым политработником.

В боях на Халхин-Голе был капитаном, политруком стрелково-пулеметного батальона. После гибели комбата взял командование в свои руки.

Г. К. Жуков лично руководил обороной плацдарма, пофамильно знал всех командиров частей. Он нередко спрашивал, в каком состоянии оборона капитана Баева. 14 июля начальник штаба группы комбриг М. А. Богданов докладывал, что Баев обороняется на пределе. Создалась реальная угроза прорыва противником и захвата им нашей переправы.

Командующий распорядился разобраться на месте. Было приказано направить в части работников штаба для оказания помощи. Мне - выехать в батальон Баева и лично доложить командующему о реальной обстановке.

Баева я нашел в первой траншее правофланговой роты. Шел жаркий бой. Матвей Степанович метался от одной позиции к другой, подбадривал и воодушевлял бойцов, помогал и советовал, как лучше вести огонь, какую тактику применять бойцу при встрече с противником. Японцы атаковали позиции батальона с криком "банзай".

- Мало артиллерии, совсем нет танков. Будем драться до последнего, пока живы, - сказал Матвей Степанович. - Помогите.

Доложите командующему, что не от хорошего прощу: вот-вот враг может прорваться к переправе.

Сложность обстановки была вне сомнений. Рассказал все как есть командующему.

- Скажите Баеву, что на помощь ему будет послана танковая рота. Пусть держится. Сами выезжайте на КП, уточните, как вывести быстрее к нему танки. - Таково было решение Георгия Константиновича.

Вот тут я только по-настоящему и узнал М. С. Баева, хотя мы с ним были из одной 11-й танковой бригады. В ундурханском гарнизоне, где она стояла, приходилось видеть Баева не раз, а вот теперь встретились в бою.

- Не знаю, как там мои. Нет ли каких новостей из Ундур-Хана? Там меня ждут два маленьких сына и жена.

- Об этом гарнизоне мне ничего не известно. У меня же там никого нет, я холостяк, - ответил я ему.

В одном из последующих боев за безымянную сопку, командуя батальоном, Баев увидел, как вырвался вперед боец со знаменем в руках. Но японская пуля скосила его. Боец упал. Получил ранение и Матвей Степанович - ему перебило ключицу. Тяжело раненный, Баев все же подхватил знамя, устремился с ним вперед. Батальон рванулся за своим командиром и с криком "Ура!" овладел сопкой. Баев потерял сознание и был вынесен бойцами на руках с поля боя.

Мужественно перенося ранение, Матвей Степанович даже семье не сообщил об этом. "Зачем волновать" - решил он. Его эвакуировали на лечение в Омский военный госпиталь. Здесь он пролежал несколько месяцев и вернулся в строй.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1939 года капитан Баев Матвей Степанович был награжден орденом Ленина. Награду Баев получил из рук Михаила Ивановича Калинина.

Великая Отечественная война застала Баева на границе с Польшей, во Владимире-Волынском, в должности комиссара. В июне 1942 года в боях за село Мохово под Воронежем фашисты окружили танк командира батальона Баева и предложили экипажу сдаться. Но танкисты предпочли смерть в горящем танке... Наш земляк погиб, как герой.

...Оборонительные бои носили ожесточенный характер. Песчаные сопки, поросшие травой и карликовым редколесьем, неоднократно переходили из рук в руки.

Проявляя массовый героизм, советские и монгольские войска стояли насмерть. Упорно и умело вел бои и взвод бронемашин, которым командовал лейтенант В. П. Денисов. Разное бывало в

бою. Но ко второй половине июля танкисты 9-й бронеприобрели достаточный опыт ведения боев, так как участвовали в них с первых дней вторжения японских войск. Все повадки противника были хорошо изучены. Менял он тактику - танкисты противопоставляли ему свою. Располагаясь в обороне, они то создавали для японцев огневой мешок, то били во фланг, то применяли залповый Огонь или использовали бронемашину в качестве кочующих орудий, то стремительно контратаковали, нанося противнику ощутимые потери. Танкисты убедились в справедливости замечаний командующего Г. К. Жукова, что сила танков в огне и маневре. Этим и воспользовался лейтенант В. П. Денисов.

Вот что сам В. П. Денисов рассказывал мне об этом боевом эпизоде. "Это было примерно 16-17 июля. После изнурительных ночных действий, подтянув свежие силы, рано утром японцы решили атаковать наши позиции. Без какого-либо предварительного огневого обеспечения они стали накапливаться и продвигаться мелкими группами ближе к нашей обороне. Танкисты-разведчики вовремя обнаружили подозрительную возню противника. Подаю команду: "К бою! Орудия зарядить, без команды огня не открывать!" Оборона молчала. Японцы ползут, все ближе и ближе подбираются к нам, а мы себя не выдаем. Чувствую, что противник начинает нервничать. Мы продолжаем вести наблюдение в готовности немедленно открыть уничтожающий огонь. Японцы торопятся. Они совсем близко. Встают с визгом и криками, с гранатами и бутылками с горючей смесью устремляются на нас. Командую: "Огонь!". Четыре пушки, четыре пулемета обрушили свою огневую мощь на атакующие цепи противника. Вздрыгнула земля. Японцы залегли, началась паника. Раненых и убитых тут же начали оттащить к себе в тыл. Атака захлебнулась. Получаю команду командира роты: "Взводу Денисова контратаковать противника в направлении высоты "Палец", уничтожить его и овладеть сопкой "Круглая". Вместе с поддерживающей пехотой танкисты атаковали противника, ведя огонь с хода. Самураи в панике покатались назад. Но наше пехотное подразделение попало под фланговый огонь противника и замедлило продвижение. Командир получил тяжелое ранение. Японцы это заметили и хотели захватить его в плен. Принимаю решение организовать огневое прикрытие, чтобы вынести раненого из-под огня. С помощью товарищей мне удалось это сделать. Это был лейтенант Валентин Смольков. После боев в 1940 году мы с ним вновь встретились, и Валентин подарил мне на память свою фотографию с надписью: "Другу, спасшему меня от японцев у Халхин-Гола. На память Виталию от

Валентина".

Я хорошо знал В. П. Денисова. В танковом училище были в одном отделении, ели за одним столом. Одним приказом нам было присвоено воинское звание "лейтенант" и, как многие другие, были направлены на защиту восточных рубежей нашей Родины. Его отличали твердость характера, быстрота принятия решений, высокое чувство товарищества.

За личное мужество и умелое управление взводом В. П. Денисов был награжден орденом Красного Знамени. В войне с фашистской Германией проявил себя храбрым и способным командиром. Ныне на его груди - три ордена Красного Знамени. Стал полковником. Работал в Генеральном штабе, преподавал в Академии им. М. В. Фрунзе. Теперь в отставке.

Обратимся к эпизоду с Федюнинским. Вот, что написал он сам в статье "Земля друзей"{34}: "Помню, комкор Г. Жуков прислал мне с адъютантом карту. На ней, по самым последним данным, была нанесена обстановка. Из расположения нашего полка красная стрела глубоко вонзалась в расположение японцев. Рядом написано: "Разгромить и уничтожить".

Для нас этот приказ был предельно ясен".

Чтобы поставить задачу полку по карте, Жукову потребовалось не более тридцати секунд. Он был убежден, что его поймут правильно.

Что же было ясно командиру полка? Во-первых, что полк вышел не туда, куда ему было приказано. Он отклонился от своего направления. На войне так бывает. Во-вторых, танкисты бригады ведут бой без пехоты; надо как можно скорее прийти им на помощь. Третье. Ему самому предстоит выбор способа ведения боя и нахождения таких решений и тактических приемов, которые бы обеспечили выполнение поставленной задачи. Федюнинский внутренне ощутил потребность творчества, инициативы и всестороннего учета всех сторон сложившейся обстановки, без чего полк оказался бы неспособным успешно вести бой.

Во время постановки задач об организации взаимодействия на местности Г. К. Жукова отличала строгость логического мышления, четкость, краткость и исчерпывающая полнота. Так казалось всем командирам соединений и частей, которым приходилось с ним работать.

При постановке задач Жуковым закладывалось зерно успехов, которое надлежало раскрыть, воплотить в результат. Вот над этим неустанно и работали все войска.

Крупное поражение японских войск в районе горы Баян-Цаган и июльские оборонительные бои предотвратили попытки вражеского командования расширить захваченную территорию,

очистить от советских и монгольских войск восточный берег Халхин-Гола, захватить плацдарм на западном берегу реки для последующих широкомасштабных наступательных действий. Только недостаток сил и средств не позволили нашему командованию завершить бои полным разгромом японской группировки.

Фронт относительно стабилизировался. Были обеспечены условия для подготовки окончательного удара. Требовались новые решения, над которыми упорно работали штабы частей и соединений всех родов войск и в целом командование армейской группы.

Советские и монгольские войска обрели боевой опыт. Они преобразовались в монолитную силу, способную решать все более и более сложные боевые задачи.

Японские милитаристы почувствовали это. Однако принимали меры по расширению масштабов своей агрессии. 10 августа сформировали 6-ю армию, доведя ее численность до 75 тысяч человек. "В ее состав входили 7-я и 23-я пехотные дивизии, отдельная механизированная бригада (двухполкового состава), отдельная пехотная бригада, а также армейские части и подразделения японской армии, до шести кавалерийских полков армии Маньчжоу-Го, японский пограничный отряд и до трех тяжелых артиллерийских полков. Кроме этих сил, к району боев были переброшены все противотанковые батареи 1-й пехотной дивизии Квантунской армии, часть артиллерии из Люйшуня (Порт-Артур). Сюда же была подтянута и 14-я японская бригада"{35}.

Позднее стало известно, что на 24 августа японское командование готовило решительное наступление с целью полного разгрома советских и монгольских войск и развития успеха боевых действий.

Августовская наступательная операция и ее итоги

Говоря об августовской операции, трудно назвать день начала ее подготовки. Всем ходом предшествующих июльских оборонительных боев весьма интенсивно готовились условия грядущего разгрома японских войск, вторгшихся на территорию МНР. При обсуждении рукописи "Необъявленная война на Халхин-Голе", мемуаров "Воспоминания и размышления" Г. К. Жуков по этому поводу высказал мне такую мысль:

- Чтобы противника бить, надо хорошо его знать и держать его группировку и характер предпринимаемых действий в неослабном поле зрения. Надо иметь чем бить. Остальное зависит от искусства вождения войск и их обученности. Июльские бои позволили нам определить силу и мощь японской армии,

обученность и стойкость японского солдата, способность командования и штабов управлять в самых критических ситуациях, уровень тактики и оперативного искусства. Все это практически было достигнуто к концу июля, что позволило нашему командованию без какой-либо оперативной паузы предпринимать соответствующие шаги по окончательному разгрому японской армии.

"Командование советско-монгольских войск тщательно готовилось к проведению не позже 20 августа генеральной наступательной операции с целью окончательного разгрома войск, вторгшихся в пределы Монгольской Народной Республики", - писал Г. К. Жуков в своих мемуарах{36}.

В проведенных боях, особенно сражении на Баян-Цагане, наши войска обрели боевой опыт, веру в силу своего оружия, всесторонне испытали свои возможности. Массовое применение подвижных родов войск - танковых и бронетанковых частей и соединений в тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией - позволяло реализовать расчеты на внезапность и размах удара, гибкий маневр силами и средствами в ходе наступления, на быстроту осуществления замысла командования в операции.

В каждом деле всегда имеются свои трудности и сложности. При подготовке операции без них также нельзя было, конечно, обойтись. Оставалось своевременно учесть и преодолеть с максимальными выгодами все препятствия.

Открытая степь, огромные расстояния и трудности снабжения требовали соответствующих решений. Разрабатываемый план предстоящей операции нуждался в особом варианте. Им и явился "план оперативно-тактического обмана противника"{37}, мероприятия которого изложены Г. К. Жуковым в его мемуарах. Мне хочется подробнее раскрыть лишь некоторые детали деятельности командующего и войск в период подготовки и в ходе генерального наступления.

По его замыслу, требовалось поставить японцев в такое положение, чтобы они не смогли противостоять нашему уничтожающему удару. Маскировкой реальной жизни войск и тщательно разработанной системой дезинформации надо было убедить противника в том, что советско-монгольские войска готовятся к обороне и будут зимовать на занимаемых позициях. Задача облегчалась тем, что, как мы знали, японцы подслушивают наши телефонные разговоры и перехватывают радиogramмы. Решено было этим воспользоваться.

И вот мы принялись запускать в эфир ложные распоряжения об организации оборонительных работ и подготовке войск к зиме.

Так, в одной из радиোগрамм сообщалось: "Десять тысяч палаток получены. Почти хорошие. С 22 августа приступаем к оборудованию землянок". В другой, адресованной в Тамцак-Булак на имя начальника инженерного отдела, приказывалось: "Под личную ответственность не позднее 18 августа доставить в район центральной халхингольской переправы 120 тонн проволоки, 25 тонн кольев и до 90 тысяч скоб"{38}.

Для имитации оборонительных работ прибыл звуковещательный отряд Политического управления РККА. 18 августа на закате солнца Г. К. Жуков поручил мне организовать первый сеанс. Два большегрузных автомобиля с аппаратурой были размещены у обрывистого склона юго-восточной части горы Хамар-Даба, вблизи реки Халхин-Гол. С наступлением вечерних сумерек мы включили аппаратуру: по правому флангу фронта закипели "инженерные работы". Японцы немедленно откликнулись беспорядочной стрельбой. Из наших частей, не посвященных в общий замысел, посыпались донесения о необычной активности японцев на правом фланге.

Через какое-то время "оборонительные работы" стихли. Прекратилась и стрельба. Звуковещательный отряд был перебазирован в центр позиций. Повторилось то же самое, что было на правом фланге. Такие сеансы проводились на разных участках фронта в течение трех дней и ночей, предшествующих наступлению.

Ложное передвижение бронетанковой техники имитировалось только ночами несколькими танками со снятыми глушителями. Они передвигались к переправам и обратно, вдоль фронта и в тыл. Временами водители включали фары. Это продолжалось две недели, вплоть до начала наступления. Японцы привыкли к шумам танков и перестали обращать на них внимание. И мы успешно вывели мощную технику в исходные районы.

О соблюдении режима ложных передвижений войск я докладывал командующему ежедневно. Однако за несколько дней до начала наступательной операции из других источников Г. К. Жукову стало известно, что на полковой пункт боепитания 82-й стрелковой дивизии, на восточной стороне Халхин-Гола, днем на двух автомобилях были доставлены боеприпасы. Командующий приказал М. А. Богданову немедленно расследовать происшедшее и строжайше наказать виновных. Он повторил, что подвоз всяких грузов возможен только в ночное время.

Наряду с созданием группировки сил и средств для окончательного разгрома войск противника надлежало организовать соответствующее тыловое обеспечение войск. Этот

вопрос очень беспокоил Военный Совет. Современный бой очень прожорлив. Виды снабжения разнообразны. Требовалось запасти такое количество материальных средств, которых хватило бы не только на успешное проведение наступательной операции, но и на резерв для решения новых задач.

Было над чем призадуматься. Недоставало боеприпасов, горючего, требовались питьевая вода и дрова, надлежало эвакуировать раненых. Ресурсов из местных средств для жизнедеятельности, кроме мясных продуктов, не было. При обеспечении высокой боевой готовности войск надо было предусмотреть неожиданные и возможные осложнения, а тут ни запасов продовольствия, ни складов с оружием, боеприпасами и горючим, ни надежных линий связи, ни оборудованных дорог. Ближайшая железнодорожная станция Борзя от реки Халхин-Гол находилась за 750 километров.

С японской стороны к району боев подходили две железные дороги. Одна в 125, вторая, идущая из Солуни в Ганьчжур (конечная железнодорожная станция Хандогай) - в 50-60 километрах от района боев. Кроме того, от Хайлара к Халхин-Голу подходили две грунтовые дороги, по которым подвозились войска и тыловые запасы.

Противник имел преимущество и в характере местности. На нашей стороне простиралась безводная открытая степь. К востоку от реки, где находились японские войска, местность была закрытая, пересеченная, с большим количеством песчаных барханов, глубоких котлованов, где на небольшой глубине находилась питьевая вода. Очаговые заросли кустарника и высокой травы скрывали действия войск. Кое-где, в том числе вблизи железнодорожных станций, были разбросаны лесные колки и целые массивы.

- Не зря японское командование избрало для вторжения район Халхин-Гола. Оно рассчитывало обратить наши трудности в один из факторов своей победы, говорил Г. К. Жуков.

Основным и единственным средством доставки материальных запасов у нас являлся автомобиль. Расчеты показали, что для подвоза грузов, необходимых для обеспечения наступательной операции, требовалось 3500 бортовых и 1400 наливных машин, в то время как в распоряжении армейской группы было только, соответственно, 1724 и 912 транспортных единиц.

Прежде чем принять решение по их использованию, Г. К. Жуков заслушал в отдельности каждого командующего родами войск, руководителей отделов штаба и М. А. Богданова. Лично выяснил возможности транспортного обеспечения частей и

соединений, определил меры, которые бы не ослабили возможности ведения оборонительных боев при недостатке или отсутствии автомобильного транспорта. Наметившиеся предложения обсудил с М. С. Никишевым и М. А. Богдановым.

После тщательного анализа обстановки Военный Совет принял решение: недостающее количество войскового транспорта восполнить за счет строевых машин, включая артиллерийские тягачи. Конечно, здесь Г. К. Жуков пошел на риск, оставив временно без колесной тяги все части, соединения и артиллерию.

Трассу от пограничного населенного пункта Соловьевск до города Баян-Тумэн обслуживало дорожное управление, грунтовой участок литер "Б". Аналогичное подразделение обеспечивало дорогу от города Баян-Тумэн до фронтового населенного пункта Тамцак-Булак. А с первых чисел августа вступило в действие 22-е управление военной дороги.

Маршрут протяженностью около 700 километров стал как бы родным, обитаемым. На отдельных отрезках через каждые 30-50 километров были построены землянки и организованы такие пункты, на которых шоферы, находясь в рейсе двое-трое суток, могли сделать небольшой привал, попить горячего чая или просто воды, передохнуть, позвонить по трассе и попросить технической помощи.

"Высокая организация работы автотранспорта, баз снабжения, твердая воинская дисциплина, стремление шоферов выполнить поставленную задачу обеспечили успех. Люди делали практически невозможное. В условиях изнуряющей жары, иссушающих ветров кругооборот транспорта в 1200-1300 километров длился пять дней!" - вспоминал Г. К. Жуков. Скромно и незаметно фронтовые водители делали свое дело без сна и отдыха, подвозили к фронту различные грузы с железнодорожных станций Борзя, Соловьевск, даже из Даурии, а также из Ульдзи, Улан-Батора, Ундур-Хана, Баян-Тумэна и других городов. Подвоз материальных запасов в непосредственной фронтовой полосе производился только в ночное время с выключенными фарами. В этот период шоферам здорово помогла товарищеская взаимовыручка. Никто не боялся отстать в степи, потому что любой проезжий останавливался, помогал устранить неисправность, делился горючим, продуктами питания, питьевой водой. Нередко попавшие в беду груженные машины брали на буксир.

Машины шли непрерывной цепочкой - поодиночке, мелкими группами, подразделениями. Шоферы звались тогда ночниками, ибо только ночь укрывала их от глаз, снарядов и пуль и давала возможность разгрузиться и сразу же уйти на западный берег

Халхин-Гола. Наиболее опасное место - переправа через реку. Противник методически, не зная, есть кто там или нет, ночью обстреливал ее, вел наблюдение с воздуха, периодически используя осветительные ракеты, спускаемые на парашютах.

Переправа - участок ответственный. Если на ней нет порядка, сразу же сосредоточиваются десятки, сотни машин и начинается такое!..

Бывший шофер 75-го отдельного автомобильного батальона, рядовой, омич Иван Андреевич Гусев, позднее мне рассказывал:

- В Красную Армию я был призван из запаса, примерно в апреле 1939 года, прямо с бортовой машиной ГАЗ-АА, на которой я ездил "на гражданке". Провоевал на Халхин-Голе и вернулся обратно, в ноябре, в свой родной Омск. Я тогда работал шофером в областном аптекоуправлении. Помню, как сейчас, находясь на формировании в городе Калачинске, мы ничего не знали, что нас отправят в Монголию. Шла обычная жизнь воинского подразделения. Мы учились, готовили технику и были всегда в бодром боевом настроении. Привыкли подчиняться командиру, понимать, что он хочет, знать свое место в строю, распознавать задачу, которая может быть подана условным сигналом. Больше учились действовать в составе подразделений на марше и водить машины в ночных условиях, без света.

В один из дней погрузились в железнодорожный эшелон и вскоре оказались на территории дружественной нам страны. Помню первую ночь движения к Халхин-Голу. Темень страшная, фары включать нельзя, боишься отстать от впереди идущей машины или наехать на нее.

А везли мы боеприпасы танкистам бригады Яковлева. Иное столкновение может привести к пожару, а стало быть, и к взрыву. Напряжение очень большое - и нервов, и зрения. Клонило ко сну. Двое суток не пришлось вздремнуть ни минутки. За одну ночь по свечению заднего фонаря и стоп-сигнала пришлось научиться на глаз определять, на каком расстоянии веду машину вслед за товарищем.

Где-то в районе горы Баян-Цаган нас встретили. "Как хорошо, что ко времени приехали, - произнес с какой-то, как мне показалось, особой радостью техник-лейтенант - вооруженец Н. Комкин. - Мы давно ждем вас. Наши запасы на исходе. Днем воевать придется, а с чем? Теперь наши танкисты поддадут япошкам жару". "Товарищ лейтенант, - спросил я, - а как они воюют? Говорят, наглые". "Конечно, наглые, честные не полезли бы на чужую землю, чтобы ее захватить, объявить своей, законной". После того, как на Баян-Цагане им был учинен полный разгром, они осторожнее стали, поумерили самурайский дух.

Бояться наших танков, артиллерии и, особенно, штыкового боя. Убегают сразу, как только увидят нашего бойца с винтовкой наперевес. "Бить их надо, гадов". - "Так мы и делаем с вашей помощью".

- Мне как-то легче и теплее стало, - продолжал рассказ водитель. Что-то связало меня невидимыми кровными нитями с танкистами, и я осознал, что мы, шоферы, очень необходимы для боя, и что можем и должны внести свой вклад в разгром японских захватчиков.

Только вот однажды чуть не случилась беда. Ночью доставили мы боеприпасы, как нам говорили, 36-й мотострелковой дивизии на восточный берег Халхин-Гола. Было очень темно. Накрапывал дождик. Это было в августе, перед наступлением. Нам было приказано - не задерживаясь, вернуться, загрузиться разным имуществом где-то в тылах и снова отправляться в путь на Борзю.

Я развернул машину и по памяти направился к переправе. Ночной мрак то и дело нарушался вспышками огня трассирующих пуль, ракет, осветительных авиационных бомб. Сколько проехали - не помню, но мой политрук товарищ Калинин вдруг говорит: "Стой". Я остановился. "Мотор не глуши, но убавь газ, прислушайся", - сказал политрук. И мы слышали шум паровоза. Как выяснилось потом, мы подошли вплотную к японской железной дороге. Неподалеку, на станции, видимо, маневрировал паровоз, подавая то короткие, то длинные, пронизывающие мертвую тишину сигналы.

"Развертывайся влево", - скомандовал он. Мне как-то стало не по себе, но я сделал так, как сказал товарищ Калинин. Через некоторое время, а оно оказалось очень долгим, мы достигли реки. "Вот теперь мы в безопасности. А ты, товарищ Гусев, не растерялся, молодец". Вот тут-то я и расслабился. Побежал по мне пот. Чуть не попал в руки противника. Какой был бы позор!

Провоевал всю Отечественную войну. Был разведчиком. Принимал участие в овладении Берлином. После войны, вот по сей день, работаю шофером в 29-м автотранспортном предприятии. А про тот случай не забываю. Так вот он врезался в мою память, - закончил шофер.

Возвращаясь как-то из одной резервной войсковой части, командующий остановил машину около одной землянки на обочине дороги. Она была хорошо замаскирована и с дальнего расстояния не просматривалась вообще. Никогда бы не подумал, что там живут люди, если бы только не железная труба, из которой лениво сочился синеватый дымок. "Посмотри, что здесь делается", - произнес Георгий Константинович.

Открыв дверь, мы увидели троих солдат во главе с младшим командиром. Жаль, что не записал их фамилии. Последний спросил, кто мы такие и бойко отработовал свою задачу. Один из его подчиненных сидел у телефонного аппарата и по линии передавал какие-то условные позывные, второй готовил обед. Командующий тепло поздоровался с ними, поинтересовался, с кем поддерживается связь, соблюдаются ли меры маскировки и режим ведения переговоров по телефону. Приказал связаться с дорожным управлением и обратил внимание на организацию самоохранны от возможных диверсантов.

- Что же вас так мало? - спросил он.

- Да не так уж и мало, - ответил старший. - Троих отправили с попутной машиной за продуктами и водой. Здесь часто останавливаются машины, шоферов попоить надо, кое-кто из них дозаправляет радиаторы. Поэтому запас нам необходим.

На сколоченном из обрезков досок столе мы увидели свежие газеты и домино. Воины в здоровом настроении. Чувствовалось, что политический отдел, партийные организации неплохо работали и в тыловых подразделениях.

Георгий Константинович остался очень доволен, объявил личному составу благодарность и приказал мне передать это начальнику Дорожного управления. Бойцы напоили нас чаем, и мы уехали удовлетворенные.

- Молодцы! Земляночку на всякий случай придерживают. Это правильно. Уже август. Летом защита от жары и гнуса всякого, а зимой у них будет свое тепло, - заметил Жуков.

- Товарищ командующий, а вы не обратили внимание, чем они топят? спросил я.

- Аргалом. Раньше все бедные крестьяне полуголодной России из навоза и коровьего помета приготавливали себе топливо заранее, тем и жили. Наш боец практичен и умен. Он находчив и стоек в борьбе с трудностями.

А я видел сам, как два шофера дальнего рейса готовили себе пищу на кирпиче. Это из 75-го отдельного автомобильного батальона. Вон там за горизонтом, на полпути к Тамцак-Булаку, вблизи дороги, стояли две машины, груженные дровами. Рядом на двух костылях из проволоки была положена шоферская монтировка, а на ней висел солдатский котелок. Варилась каша, а потом кипятился чай. Под котелком отрыта небольшая ямка, в ней лежал обыкновенный жженный кирпич, и он горел самым обыкновенным образом.

Можно сказать - жарче дров. Спрашиваю: "Почему горит кирпич?" "Товарищ лейтенант, а куда же ему деваться, если мы его пропитали бензином, - ответил один из них. - И чем больше

этот кирпич лежит в бензине, тем дольше он горит, что нам и надо. Кирпич возим, горючее свое - вот и печка, хоть быка жарь". "Керосинчика бы, - заметил пожилой воин, - больше времени гореть будет. Бензин как-никак испарение имеет большое. Где нашему брату дров-то наготовиться. Возим-то откуда. А на передовой - как без дров? Для кухни надо, иной окопчик, блиндаж укрепить полагается - всюду дрова. Вот и бережем каждое полено. Ведь это не всякий понимает. Иной пехотинец через бревно шагает, думается, без всякого уважения, рубит без расчета и оставляет в песках изуродованные концы. Жалко мне этот лес, потому что он тяжело нам достается".

Он был в известной мере прав. Дрова, строительные материалы подвозились почти наравне с боеприпасами и горючим. И далеко, и помалу. А фронт все требовал - давай, давай, и как можно больше. Вот почему на первом плане экономия. Все надо беречь: оружие, боеприпасы, дрова, воду - без чего воин не воин. Бойцы и командиры хорошо это понимали и делали, казалось, невозможное, чтобы сберечь и доставить фронту все, что требовалось в первую очередь.

"А почему вы здесь остановились? Вас же ждут, как вы говорили, на передовой", - заметил тогда я. "Да нет. Куда днем-то ехать, сразу заметят. Вы же, товарищ лейтенант, знаете не хуже нас. Мы просто поторопились, прибыли несколько раньше. Да и утерпеть-то как? Товарищи воюют, жизни своей не жалея, а мы... А подъехали поближе, где идет бой, сразу легче стало. Кажется, что теперь и мы воюем".

...Следуя в направлении командного пункта к горе Хамар-Даба, мы остановились у одного склада с горючим, размещенным на открытом грунте. Бочки небольшими партиями были спущены в неглубокие капониры, рассредоточенно. Территория обнесена колючей проволокой, и по периметру ходил часовой.

Перед примитивным шлагбаумом часовой остановил нас. Я попытался объяснить, что рядом с водителем сидит сам командующий, просил его пропустить машину на заправку, но он был неумолим.

- Никакого командующего не знаю, - произнес красноармеец, - сейчас вызову начальника караула.

- Не следует сбивать с толку часового. Он настоящий воин и службу несет как полагается, - сказал Георгий Константинович.

Так всюду, объезжая тылы наших войск, мы видели высокую организованность и дисциплину. Вспоминая о той огромной работе, которая была проделана войсками, чтобы обеспечить фронт всем необходимым для боя и жизни, Г. К. Жуков написал после: "В устройстве тыла, в организации подвоза нам очень

помог Забайкальский военный округ. Без него мы, наверное, не справились бы с созданием в кратчайший срок материально-технических запасов, необходимых для операции">{39}.

После чтения моей рукописи Г. К. Жуков пояснил, что советское правительство, опасаясь расширения конфликта до крупных военных операций, в том числе и в направлении Забайкальского военного округа, создало группу фронтового командования во главе с командармом 2 ранга Г. М. Штерном.

Об этом свидетельствует выписка из приказа Народного комиссара обороны СССР от 5 июля 1939 года: "Во исполнение решения Главного Военного Совета РККА от 5 июля 1939 года для объединения и направления действий 1-й и 2-й Краснознаменных армий, Забайкальского военного округа и 57 особого корпуса образовать фронтовую группу с расквартированием в г. Чите... Командующим фронтовой группой назначаю командующего 1 ОКА командарма 2-го ранга тов. Штерна Г. М., освободив его от занимаемой должности..."{40}.

"Но поскольку после Баян-Цаганского побоища конфликт пошел на убыль, и японцы, получив хороший ответный удар, образумились и попятились, стало ясно, что разворачивать штаб фронта явно нецелесообразно. 1-я армейская группа формально значилась в составе фронтовой группы, но фактически подчинялась непосредственно Москве. По приказанию Наркома обороны К. Е. Ворошилова, группа в составе 6-7 человек, во главе с Г. М. Штерном, в августе прибыла на командный пункт командующего Первой армейской группой на гору Хамар-Даба. По словам Г. М. Штерна, он прибыл с целью оказания помощи в материально-техническом обеспечении предстоящей наступательной операции за счет средств Забайкальского военного округа", - рассказал мне Г. К. Жуков.

Обстановка на командном пункте стабилизировалась. Меньше стало появляться людей из войск. Там, в основном, занимался штаб. Мне было приказано, когда работал командующий, к нему никого не пропускать. Периодически начальник оперативного отдела приводил в блиндаж командующего машинистку. Когда надо было дать мне очередное поручение, начальник штаба приходил сам и говорил, что надо выполнить. Вскоре мне стало известно, что в это время разрабатывался план генерального наступления.

В свое время я прочитал книгу главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова "На службе военной", в которой он, рассказывая о Халхин-Голе, упомянул, что является автором разработки плана наступательной операции по разгрому 6-й японской армии вместе с некоторыми командирами, которых в книге указал поименно. Я

сразу же написал Георгию Константиновичу письмо, назвав прочитанное каким-то недоразумением. Г. К. Жуков в резком тоне, с нескрываемой обидой выразил свое недовольство точкой зрения автора. Об этом написал мне письмо, которое я храню по сей день, как исторический документ. Одновременно Георгий Константинович послал мне и план наступления. Для полной ясности позволю себе изложить план так, как он составлен Георгием Константиновичем. (В подобном объеме он публикуется впервые).

Основная цель операции - окружить и уничтожить всю японскую группировку, вторгшуюся в пределы дружественной нам МНР. Для этого стремительным ударом ударных группировок разгромить фланговые части обороны противника и выйти в тыл ему с задачей окружения и уничтожения всей группировки, не допустив ее отхода за государственную границу МНР.

По замыслу, создавались три группировки наших войск. Южная - под командованием заместителя командующего войсками полковника М. И. Потапова в составе 57-й стрелковой дивизии, 8-й мотоброневой бригады, 6-й танковой бригады, танкового батальона 11-й танковой бригады, дивизиона самоходных установок, дивизиона 185-го артполка, дивизиона противотанковых орудий, роты огнеметных танков и 8-й монгольской кавалерийской дивизии. Ей предстояло, взаимодействуя с центральной группой, стремительными действиями разбить фланговые части обороны врага и быстро овладеть рубежом: Бол. Пески, высота Зеленая.

В дальнейшем, обходя основные очаги сопротивления, наступать главными силами в направлении Номон-Хан-Бурд-Обо, с целью выхода в тыл противника, где войти в тактическое взаимодействие с наступающей северной группой войск и прочно закрыть пути отхода японцев. После завершения окружения наступать на восток по обоим берегам реки Хайластын-Гол, с целью расчленения обороны противника и уничтожения его по частям. Свой внешний фронт прикрыть 8-й кавалерийской дивизией, усиленной стрелковым полком, с танковым батальоном и артиллерией. Дивизион противотанковых орудий держать за правым флангом боевого порядка группы.

Северная группа - под командованием командира 11-й танковой бригады полковника И. П. Алексеенко - в составе 11-й танковой бригады, 601-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии, 7-й мотоброневой бригады, 82-го гаубичного артиллерийского полка, 87-го артиллерийского противотанкового дивизиона, 6-й монгольской кавалерийской дивизии. Ее ближайшая задача разгромить правый фланг обороны японцев на

высоте фуи (палец) и, овладев ею, стремительно наступать своими главными силами в общем направлении Номон-Хан-Бурд-Обо.

В дальнейшем, после выхода в район Номон-Хан-Бурд-Обо и установления взаимодействия с Южной группой, повернуть наступление на высоту Ремизова с севера и северо-востока, с целью разгрома противника по частям.

Центральная, сковывающая, группа - в составе 82-й стрелковой дивизии (без одного стрелкового полка), 36-й мотострелковой дивизии (без одного полка), 5-я стрелковая бригада находилась в непосредственном подчинении Г. К. Жукова и управлялась с командного пункта на горе Хамар-Даба.

Она должна была нанести удар по обороне врага с фронта с тем, чтобы создать благоприятные условия для "соседей" с целью быстрейшего выхода их на фланги и тыл всей группировки японцев. В последующем, после их окружения, взаимодействуя с южной и северной группами, серией дробящих тактических ударов уничтожить противника по частям.

Военно-воздушным силам предписывалось: 150 бомбардировщиками перед артиллерийской подготовкой нанести бомбовый удар по артиллерии, по ближайшим резервам и по важнейшим опорным узлам главной полосы обороны противника. Повторный удар - теми же силами в конце артиллерийской подготовки. В дальнейшем действовать по вызову командарма.

Истребительные полки, в количестве до 200 самолетов, получили задачу прикрыть действия бомбардировочной авиации и, кроме того, штурмовыми действиями ударить по авиации японцев, расположенной на аэродромах. В случае подхода новых крупных резервов врага удар по ним намечался всеми силами ВВС.

Армейский резерв: 9-я мотобронебригада, 212-я авиадесантная бригада (без авиамоточасти), батальон танков (6-й танковой бригады. - М. В.). Он сосредоточивался в процессе артиллерийской и авиационной подготовки в 6 км западнее горы Хамар-Даба, в готовности действовать в зависимости от обстановки, в северном или южном направлениях.

Что требовалось от артиллерии? В связи с тем, что противник глубоко зарылся в песчаные барханы и котлованы и имел хорошие инженерные укрепления, предусматривалась артиллерийская подготовка продолжительностью 2 часа 45 минут. Она по плану заканчивалась 15-минутным мощным обстрелом переднего края, под прикрытием которого наступающие войска должны были ринуться вперед.

Для подавления орудий противника и его резервов были

созданы артиллерийская группа дальнего действия и ударный кулак центральной группы в составе 175-го и 185-го артполков и 122-й отдельной пушечной батареи. Каждая стрелковая дивизия имела свою группу поддержки пехоты: 57-я стрелковая дивизия - в составе одного артполка, 82 стрелковая дивизия - в составе одного артполка и одного артдивизиона, 36-я мотострелковая дивизия - в составе одного артполка. Северная группа артиллерии дальнего действия не имела и поэтому полностью обеспечивалась действиями АДД Центральной группы войск.

Остановлюсь лишь на отдельных моментах работы командующего в этот период.

- Через час выезжаем на левый фланг. Подготовьте красноармейскую форму, - распорядился как-то Г. К. Жуков.

Он надел гимнастерку без петлиц и знаков различия, панаму, легкий брезентовый плащ. Сапоги со шпорами и пистолет носил постоянно. В машине всегда имелись два карабина и две коробки патронов. Шофер, конечно, как и положено, был вооружен. Панаму и плащ Г. К. Жуков надевал с прибытием на местность, где предстояло работать. В этом случае легковой автомобиль отправлялся в укрытие, а сам комкор следовал или на лошадях, или пешком порядком.

На этот раз командующий прибыл в район Центральной переправы. Это было на второй день после того, как он объявил план наступательной операции, 18 августа. Здесь были собраны командиры соединений и отдельных частей, входящих в состав Северной группы, среди них знакомые мне заместитель командира 11-й танковой бригады майор Б. М. Скворцов, полковники И. В. Шевников и А. Л. Лесовой. Тут же и некоторые командиры отдельных танковых батальонов. Все они были одеты в красноармейскую форму без каких-либо знаков различия.

Я уяснил, что после оглашения плана наступательной операции и проигрыша его на картах командующий дал указание, в частности, полковнику И. В. Шевникову - командующему Северной группой - организовать взаимодействие между соединениями и родами войск. Георгий Константинович определил время и место сбора, куда приедет и он сам.

К сожалению, И. В. Шевников проявил неорганизованность, поставленные задачи решить не сумел, а, между тем, светлого времени оставалось совсем мало. Это сильно взволновало командующего. Я впервые увидел комкора таким суровым и разгневанным. Каждый из присутствовавших понял, к каким губительным последствиям могла привести допущенная оплошность. Характерным в стиле работы Г. К. Жукова было - любые недостатки, ошибки в действиях подчиненных или

промахи выправлять незамедлительно, аргументированно, бесповоротно.

Провинившийся И. В. Шевников тут же был отстранен от командования Северной группой войск. Жуков лично отработал все вопросы, касающиеся организации наступления Северной группы.

Забегая вперед, хочу подчеркнуть: 20 августа командующему доложили, что И. В. Шевников ходил в атаку на бронемашине как рядовой. С 21 августа командующим Северной группой войск был назначен командир 11-й танковой бригады полковник И. П. Алексеенко{41}.

Вернемся к действиям командующего.

Стало совсем темно, тихо, прохладно. Г. К. Жуков товарищески тепло со всеми распрощался и пожелал боевых успехов. Потом сел на заднее сиденье машины и дал команду ехать на Хамар-Дабу. Он был уверен, что не заблудимся, и прилег отдохнуть. Мы с шофером были до предела напряжены. Двигались без света. (Включение фар строго запрещалось). По густоте темени мы определяли неровности, опасные места и другие препятствия. Вскоре прибыли на командный пункт - гору Хамар-Даба, знакомую нам по крутым спускам, глубокой лощине с ответвлениями.

В походной кухне готовилась пища. Языки яркого пламени временами вырывались из топки и тут же гасли. По пути к блиндажу командующего, кроме охраны, мы никого не встретили. Но работа штаба не прекращалась и глубокой ночью: М. А. Богданов доложил Жукову обстановку на фронте и о работе по подготовке к наступлению. Они обменялись информацией. Начальник штаба был извещен о положении дел на Северной группе и получил задачу направлять туда одного из подготовленных оперативных работников для оказания помощи.

С прибытием командующего на КП был доставлен ужин. Все мы понимали, что когда Г. К. Жуков занят, его нельзя отвлекать. Однако попросили М. А. Богданова, чтобы он пригласил Георгия Константиновича к столу, ведь командующий с самого обеда ничего не ел. Через некоторое время мне самому пришлось напомнить, что ужин готов.

Готовя решительное сражение, Военный Совет и лично командующий, а также командиры соединений и частей большое внимание уделяли разведке. Тщательно изучался опыт предшествующих боев. Командующий настойчиво добивался, чтобы разведчики учились не только на удачных примерах ведения боя, но и на ошибках.

Были моменты, когда 601-й стрелковый полк вел очень

тяжелые оборонительные бои. Отдельные контратаки его не приводили к успеху. Наши подразделения неожиданно попадали под сильный огонь всех видов японского оружия. Перед полком возникали ранее не известные сильные узлы сопротивления противника. Командующий лично следил за действиями не только этого полка, а и за 82-й стрелковой дивизией в целом. Неудачи в бою прежде всего объяснялись отсутствием должной разведки.

Формальный сбор данных о противнике не удовлетворял Г. К. Жукова. Он требовал анализа, выводов, предложений о характере действий врага. Ему не составляло особого труда отличать ложное от настоящего.

Однажды начальник разведки армейской группы И. Конев доложил командующему о том, что противник снял с центрального участка до двух полков пехоты и перебросил на свой левый фланг против 8-й кавалерийской дивизии монгольской армии. "Что об этом говорят в штабе 82-й дивизии?" - спросил Жуков. - "Донесений таких не поступало". - "Так вы что, начальник разведки или посыльный? Видно, что общей оценкой обстановки вы не владеете. Ваши данные весьма сомнительны. Перепроверьте!"

Как потом выяснилось, командующий был прав. Ложные передвижения японцев были приняты за действительные.

В предстоящей операции командование интересовало главным образом точное расположение и численность войск противника, возможность подхода свежих сил из глубины. Сведения обеспечивались только хорошо организованной разведкой всех видов, ее активностью и непрерывностью. Поступающие данные часто были противоречивыми. Они перепроверялись, анализировались, изучались. По данным вышестоящих штабов, командованию стало известно, что в тылу противника началась переброска резервных частей. Ожилась деятельность железнодорожных станций Солунь, Халун-Аршац. На станцию Хайлар прибыли два эшелона с зимним обмундированием. Выводы об истинных намерениях могли быть разные. Легко было просчитаться, так как наши войска имели дело с хитрым и коварным врагом.

В 1940 году на разборе проведенного командно-штабного учения с войсками Ундурханского гарнизона Георгий Константинович, ссылаясь на опыт халхингольских боев, высказал такие мысли о разведке: для того, чтобы накрыть цель противника тем или иным средством, нужно знать, где что расположено в его обороне или боевых порядках, что и куда перегруппировано, что настоящее, а что ложное. Не зная этого,

войска будут действовать вслепую, израсходуют много средств без всякого эффекта, понесут при этом многие лишние жертвы. Все знать о противнике нельзя. Но главное надо знать: где его огневые средства, какие из них являются наиболее опасными и которые нужно обязательно уничтожить перед атакой, каким нанести то или иное поражение, какие можно подвергнуть поражению в процессе наступления, где расположены танковые группировки, где и какие воздушно-десантные силы имеет противник и сколько потребуется времени, чтобы он мог ввести их в дело. Проводить разведку нужно с умом, чтобы не раскрыть противнику свои намерения. Организуя разведку в интересах предстоящего наступления, нужно учесть, что уже известно, что устарело и требует перепроверки, что неизвестно. Важно, кому поручить разведку того или иного объекта: авиации, артиллерийской разведке, общевойсковой или специальной технической, когда ее провести и как наблюдать за невыявленными целями до их поражения включительно, надо знать, где и когда вести разведку с целью введения противника в заблуждение.

И вот что мне запомнилось дословно: "Всем этим заниматься должен лично каждый командир, организующий наступление".

Разведке боем уделялось особое внимание. Она проводилась всегда, когда требовалось получить наиболее достоверные данные. К началу наступления готовилась разветвленная сеть наблюдательных пунктов подразделений, частей, соединений, особенно наблюдательных пунктов артиллерии. По приказу командующего, артиллерийской разведкой занимался командующий артиллерией армейской группы войск комбриг Ф. Г. Корзин. Он сам прикладывался к стереотрубе, оценивал систему артогня противника, руководил наблюдательными пунктами, особенно теми, что непосредственно входили в его подчинение.

Результаты прорывывания противника анализировались командирами, ведущими разведывательный бой, штабами, начальниками родов войск, обобщались разведотделом, наносились на карты, схемы и докладывались командующему с соответствующими выводами. Нередко Г. К. Жуков заслушивал начальников родов войск персонально. Он добивался максимума точности и достоверности, с неослабевающим напряжением изо дня в день анализировал данные о противнике, ставил перед разведорганами дополнительные задачи. Ни одна деталь в изменении разведывательных данных от него не ускользала, и какая-нибудь нередко служила добрую службу в раскрытии планов и замыслов японского командования.

Но группировка, силы и средства, состав войск противника в целом только разведкой боем не могли быть вскрыты. Поэтому разведывательная авиация также принимала активное участие в решении этой задачи. Небольшие группы засылались в глубину обороны противника. Но, к сожалению, толку от них было немного, так как японцы были весьма бдительны и хорошо маскировались.

В то время, как в штабе группы разрабатывался план наступательной операции, войска, наряду с проведением боев местного значения, упорно, изо дня в день совершенствовали свое боевое мастерство. В тылу шла учеба во всех звеньях войскового организма. Все учились воевать. Главный упор был сделан на подготовку мелких подразделений и освоение опыта проведенных боев. В штабах отдельных частей и выше Г. К. Жуков приказал иметь макеты местности, расположенной перед фронтом части или соединения, с реальным рельефом и предметами в уменьшенном масштабе. Задача была не из легких. Наши топографические карты составлялись давно. Появилось много неучтенных изменений: леса, дороги, колодцы, новые формы подвижных песчаных барханов. Японские же карты уточнены незадолго до вторжения на территорию МНР. Они были точны. Многие наши командиры охотно пользовались картами противника. Такую карту имел и Г. К. Жуков. По ней он "строил" вражескую оборону и определял возможную тактику ее преодоления. Командиры всех степеней оценивали возможные варианты обороны противника и проигрывали свои действия. Мне самому приходилось бывать на занятиях с командирами танковых батальонов и бригад, которые проводили известные в то время танкисты: командарм Д. Г. Павлов, полковник А. М. Панфилов, командовавший 2-й механизированной бригадой в районе озера Хасан в 1938 году.

Комкор Н. Н. Воронов учил свой штаб и командующего артиллерией армейской группы, как наиболее целесообразно планировать артиллерийское обеспечение войск и управлять огнем в частях и подразделениях, вплоть до батарей. Он требовал шире и смелее использовать приданную пехоте артиллерию для стрельбы прямой наводкой, экономить боеприпасы в обороне в первую очередь повышением меткости огня.

Командующий выезжал в войска, чтобы посмотреть, как идут занятия. С такой же задачей направлялись в части и работники штаба. От них требовалось, кроме контроля, уметь лично выправить на месте обнаруженные недочеты в обучении и внедрить в сознание каждого, что армия должна быть главным образом подготовлена тактически. "Всякое упрощение в обучении

в данной обстановке - преступно", - категорически высказывался Г. К. Жуков. В одном из батальонов 149-го мотострелкового полка он лично присутствовал при одиночной подготовке солдата к бою. У окопа - рядовой Пилипец.

- Доложите, как вы понимаете поведение воина на позиции, - проверяет его знания командир взвода.

- В обороне стрелок занимает основную позицию и готовит одну-две запасных, соединенных между собой ходом сообщения, - отвечает солдат. Перед позицией должен быть отличный обзор, обеспечивающий прострел местности не менее, чем на 100 метров. Маскировка производится под фон окружающей местности так, чтобы противник, особенно снайперы, его не заметили, а стрелок все бы видел. Рядом укладываются гранаты. А для того, чтобы больше уничтожить самураев, а самому остаться невредимым, надо показать, что ты не один. Для этого меняю огневую позицию и перехожу с одной на другую сторону, смотря по обстановке. Пусть противнику будет известно, что здесь обороняется, скажем, не один, а два-три воина. Маскировка, обман, меткий выстрел - все это приводит к успеху.

При посещении подразделений и частей бросалось в глаза то, что больше всего они учились наступать: на открытой местности и песчаных барханах отрабатывались приемы подъема в атаку и техника движения бойца, атака вслед за разрывами артиллерийских снарядов, не отрываясь от них, охват песчаного бархана и его преодоление, очищение траншей от противника, техника рукопашного боя, взаимодействие между танками и пехотой, взаимное целеуказание, закрепление успеха, отражение контратак, атака опорного пункта, бой в окружении. Танкисты тренировались в преодолении песчаных барханов, в вождении боевых машин через отдельные заболоченные участки.

Перед принятием решения об операции и в ходе его выработки Военным Советом была проведена большая организаторская работа в войсках. Командующий провел рекогносцировку флангов, изучил маршруты вывода и районы сосредоточения ударных групп, исходные районы танковых частей и подразделений, ориентировочные районы расположения группировки артиллерии армейской группы, коммуникации, вопросы технического обеспечения, а также организацию медицинской службы.

Аналогичные вопросы решались и заместителем командующего М. И. Потаповым, начальником штаба комбригом М. А. Богдановым. Что касается члена Военного Совета М. С. Никишева, то его можно было встретить в любом районе действий войск.

Медицинскому обеспечению Г. К. Жуков придавал особое значение. В то же время оно меньше всего его волновало. С прибытием известного хирурга профессора М. А. Ахутина многое прояснилось. Он доложил командующему свою четко выраженную систему поэтапной эвакуации и лечения раненых. Командующий согласился и дал ему зеленую улицу, распорядился обеспечить развертывание лечебных учреждений на больших расстояниях друг от друга, по указанию товарища М. А. Ахутина. Полученный опыт лечения раненых в 1938 году, во время боев в районе озера Хасан, где он возглавлял полевую хирургию, был отправным в новых условиях. Однако Халхин-Гол требовал иного подхода. Поэтапные пункты лечения раненых находились на сотни километров друг от друга. Встал вопрос об облегчении страданий в пути людей с определенными видами ранений.

Смело, творчески работал в боевых условиях Халхин-Гола молодой хирург Н. С. Макоха. Он изобрел специальную шину для транспортировки людей с пораженными конечностями. Шина Макохи стала неотъемлемой принадлежностью всех полевых госпиталей.

...По окончании Ростовского медицинского института молодой врач становится слушателем Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, но обстановка заставила прервать учебу - был направлен на Халхин-Гол. В качестве хирурга воевал и в годы Великой Отечественной войны. Позднее стал доктором медицинских наук, профессором. Много лет заведовал кафедрой хирургии Омского государственного медицинского института и являлся главным хирургом Омского горздравотдела.

Николай Сафронович рассказывал, что на Халхин-Голе он многому научился, и образ и дела М. А. Ахутина оставили в его памяти неизгладимое впечатление. - "Всем нам, хирургам, было у кого учиться", - вспоминал Н. С. Макоха.

Г. К. Жуков глубоко уважал М. А. Ахутина и очень тепло отзывался о нем в своих мемуарах. Командующий принимал его без промедлений. Сухощавый, подтянутый, в гимнастерке с орденом Красной Звезды за Хасан именитый доктор всегда был энергичен. Все вопросы решал только с Георгием Константиновичем напрямую. В разговоре с М. С. Никишевым профессор сказал, что раненые не могут ждать: жара, чрезмерная потребность питьевой воды, которой порой не хватало, создавали невыносимые условия для длительного пребывания больных в душевных палатах. Любая задержка с транспортом недопустима. И он добивался своего.

На командном пункте мне часто приходилось разговаривать с полковником Михаилом Ивановичем Потаповым. Он умел

расположить к себе молодых офицеров и найти подход к каждому. Несколько раз мы с ним вместе ночевали в блиндаже на одной земляной лавке, протянутой вдоль стены, говорили о войне, жизни, быте. Немногословный, но внимательный к собеседнику, он из всего умел выделить главное. Не любил писанины, всегда тосковал, когда долго находился в отрыве от войск. Любил шутку, умел рассказывать остроумные и поучительные истории, порою с нескрываемой грустью вспоминал о сыне, оставленном после смерти жены у родственников в Харькове. Твердый, уравновешенный, с отличной военной подготовкой, умевший глубоко и трезво оценивать обстановку, он обладал незаурядными организаторскими способностями и большим опытом практической работы. Все вопросы решал без суеты, твердо и уверенно. Разное бывало в бою. Но на его худощавом продолговатом лице трудно было уловить следы растерянности или волнений. Таким он остался в моей памяти.

10 августа, поздно вечером, М. И. Потапов вернулся с Южного участка фронта. Докладывая командующему обстановку, он особо беспокоился о подходах к реке Халхин-Гол.

- Не хватает леса. Это прибрежное болото, - говорил полковник, - видно, не насытишь. Кладем настил, а проехать невозможно: все вдавливается в трясику. Решили под бревна подстилать имеющийся под руками кустарник. Вроде лучше, надежнее получается, экономим лес, и не в ущерб делу. Но есть и другая опасность. Не оголить бы все вокруг. Тогда будет заметна дорога как с воздуха, так и с противоположного берега. Я приказал саперам обратить на это серьезное внимание - сохранить вид местности, особенно вдоль обочин дорог, очень важно: командирам частей приказано не допускать стихийной вырубки.

После его доклада мы вместе с ним пришли в свою землянку, поужинали и готовились отдыхать.

- Как вы думаете, когда мы окончательно разобьем японцев? Что для этого надо? - начал я разговор.

- Главное решается на передовой. Но там техники-то сколько стало, людей... Все это надо разумно направить к одной цели - победе. Много зависит от штаба, тыла. Воевать должны уметь все. Ты разве забыл июльские бои, когда на передовой войск не хватало? Многие из тыла были направлены непосредственно в бой, на усиление строевых подразделений. Теперь тыл сам по себе активен, это не обоз периода гражданской войны. Армейский тыл - это составная часть оперативно-тактического построения войск, один из его активных элементов.

До конца боев мне больше не пришлось так вот беседовать с

Михаилом Ивановичем. Позднее, в ноябре 1939 года, будучи в Улан-Баторе, я слышал, как Потапов, анализируя проведенную операцию, говорил, что она займет достойное место в истории оперативного искусства. Сейчас я понимаю, насколько новы и смелы были его суждения, но в то время полностью оценить масштабы их мне было не под силу.

Как-то в первые дни августа командующий прибыл в распоряжение 6-й кавалерийской дивизии МНРА. В беседе с командованием он интересовался настроением и жизнью цириков и командиров, степенью укомплектованности подразделений и обеспеченностью их всем необходимым. Он захотел лично изучить левый фланг наших войск более полно. Нам подали лошадей, и небольшая группа всадников направилась к реке. Для маскировки Георгий Константинович надел брезентовый плащ с капюшоном. Как бывший кавалерист он мастерски сидел в седле, умело действовал шенкелями. Стоявшая рядом группа монгольских кавалеристов с нескрываемым восхищением следила за комкором.

И вот мы на северных подступах к высоте "Палец". Перед нами разгромленные земляные укрытия японцев. В окопах трупы вражеских солдат и лошадей, вокруг разбросана изуродованная сбруя.

- Вы занимаете фланговое положение к противнику, - обратился командующий к командиру монгольской дивизии. Выиграть фланг - выиграть бой. Подставишь свой фланг - будешь разбит.

- Мы это понимаем, и дивизия готова выполнить приказ, - ответил командир дивизии Л. Дандар.

- Военный Совет в этом не сомневается. Но мне бы хотелось обратить ваше внимание на изучение опыта проведенных боев, тактики применения конницы, чтобы не попасть в беду. Полагаю, что вы не забыли горький урок июля. Из-за неумения быстро переходить от наступления к обороне и слабого огневого обеспечения мы несли неоправданные потери, отступали без достаточного огневого прикрытия, мало использовали маневренные возможности своих частей. Противник-то теперь не тот, что был раньше, скажем, в 1921 году, когда в Монголии свирепствовали банды барона Унгерна. Теперь чистой конницы не стало. На поле боя много танков, артиллерии, масса автоматического оружия, авиации, всюду увеличены дистанции прицельного огня. Конная атака без достаточной разведки, надежного подавления позиций противника огнем артиллерии и авиации вряд ли может принести успех. Однако положение ваше благоприятно. Есть все условия для маневра. Просторы. На

случай обхода, подумайте, как бороться с танками противника. Конница должна уметь быстро спешиваться и организовывать противотанковую оборону, отражать атаки пехоты и танков и обращать в бегство всадников. Сила конницы - во взаимодействии со всеми родами войск. На отработку этих вопросов не жалейте ни сил, ни времени.

Потом командующий направился на правый фланг, в район северо-восточнее горы Дзун-Хан-Ула. Широкая болотистая пойма Халхин-Гола густо заросла кустарником. Здесь можно укрыться и незаметно переправиться на противоположный берег. Действующие здесь войска пробили несколько выходов к реке и сами их оборудовали. Но они носили временный характер. А ведь нужно было переправить значительное количество техники: танков, бронемашин, артиллерии. Кроме того, не все дороги отвечали требованиям плана оперативной маскировки. Поэтому через заболоченную местность было решено построить гать. Контроль за этим был возложен на М. И. Потапова.

Командующий побывал и в расположении 8-й кавалерийской дивизии, которая, обеспечивая правый фланг, вела бой с частями смешанной бригады противника на рубеже юго-западнее района горы Хулат-Улаин-Обо - гора Лысая. Дивизией командовал Д. Нянтайсурэн. Но 11 июля 1939 года он был ранен. Его временно сменил полковник Г. Эрендо, бывший в то время начальником оперативного отдела и заместителем начальника штаба МНРА. Георгий Константинович уточнял задачи, оживленно беседовал с цириками, похвально отозвался об их умении маскироваться и использовать местность. Настроение войск было приподнятым.

17 августа на командный пункт в районе Хамар-Дабы были собраны командиры соединений и отдельных частей. Для заседания Военного Совета офицеры оперативного отдела, по указанию начальника штаба, подготовили палатку, развесили схемы, карты. Командующий огласил план наступательной операции, уточнил место и роль каждого соединения, поставил задачу оперативным ударным группам. Через некоторое время, дав возможность разобраться в обстановке и уяснить полученные задачи, Г. К. Жуков заслушал соответствующих командиров. Их решения были утверждены Военным советом. После перерыва Георгий Константинович произвел проигрыш плана генерального наступления и уточнил неясные вопросы, касавшиеся оперативного взаимодействия ударных групп.

Затем командующий пригласил всех вместе пообедать. У подножья горы Хамар-Даба, с ее западной стороны, в ложине, под крутым спуском, в мертвой зоне, не пораженной артиллерийским огнем японцев, было установлено несколько

столов, состыкованных торцами, покрытых белыми скатертями.

Обед открыл Г. К. Жуков. В кратком выступлении он отметил, что в таком составе встречаться приходится нечасто, что Военный совет надеется на очередную встречу в более благоприятных условиях, пожелал всем хорошего здоровья и успехов в бою.

Спустя 40 лет место, где проходил тот обед, я показал монгольским товарищам. Здесь еще сохранились следы того далекого времени: обвалившиеся блиндажи, окопы, укрытия для кухонь и машин, ржавые банки из-под консервов, капониры. А место, где стояли столы, поросло густой травой.

...Ночь с 19 на 20 августа. На переднем крае по-прежнему вспыхивают осветительные и сигнальные ракеты. Треск пулеметных очередей временами разрывает ночную тишину. Никаких тревог и беспокойства со стороны противника не наблюдается. Японцы так и не заметили надвигающейся катастрофы.

В то же время на нашей стороне заканчивались последние приготовления. О начале наступления узнал каждый наш боец и цирик МНРА всего за несколько часов до начала наступления. Почти никто не спал ни в штабе группы, ни в войсках.

Красноармейцам раздали листовки с обращением командования и политического отдела наших войск. "Бойцы! - говорилось в нем, - наша Родина и командование сделали все необходимое для полного разгрома и уничтожения врага. Выполним наш священный долг - воинскую присягу. За Родину, за партию - стальной лавиной ринемся вперед на взбесившихся японских самураев". Листовка призывала отомстить за кровь наших товарищей. "Никогда не поблекнет слава, никогда не забудет Родина героев Халхин-Гола, устроивших японской военщине Баянцаганское побоище. Помножим Хасан на Баян-Цаган и покажем, что такое советская арифметика... Час настал! Приказ командования краток: "Вперед, товарищи! Смерть провокаторам войны! За Родину... За братский монгольский народ".

Командующий уверенно и спокойно руководил последними приготовлениями войск. Перед начальником штаба, командирами частей и соединений, находящимися в соприкосновении с противником, ставилась задача - вести разведку в обычном режиме, следить за поведением врага. О малейших изменениях в его действиях приказано было докладывать незамедлительно. Внезапность предстоящих ударов сохранилась до последней минуты. В ходе предыдущих боев командующим было подмечено, что в воскресные дни у японских войск притупляется бдительность и снижается активность на поле боя.

20 августа - в воскресенье - было решено начать наступательную операцию. Вот что по этому поводу написал сам Г. К. Жуков: "Японское командование, уверенное в том, что советско-монгольские войска не думают о наступлении и не готовятся к нему, разрешило генералам и старшим офицерам воскресные отпуска. Многие из них были в этот день далеко от своих войск: кто в Хайларе, кто в Ханчжуре, кто в Джин-Джин-Сумэ. Мы учли это немаловажное обстоятельство, принимая решение о начале операции именно в воскресенье"{42}.

В ночь на 20 августа Г. К. Жуков спал не более трех часов. Когда я к нему явился рано утром, он уже выпил горячего чая, был чисто выбрит, бодр, сосредоточен и готовился идти на наблюдательный пункт. Его лицо не выражало ни тревоги, ни беспокойства. Казалось, что он готовится к обычному дню фронтовой жизни, когда судьба противника уже в какой-то степени предрешена.

Надев снаряжение и фуражку с околышем кавалериста, он взял карту с оперативной обстановкой, которую вел лично и никогда никому не доверял, вышел из своего блиндажа и по траншее направился на наблюдательный пункт. К нему присоединились член Военного совета М. С. Никишев и начальник штаба комбриг М. А. Богданов. На наблюдательном пункте в блиндаже находился командующий артиллерией комбриг Ф. Г. Корзин, справа и слева от блиндажа, на открытых заглубленных площадках, - командующие родами войск, с ними несколько штабных командиров для управления.

Для Г. К. Жукова в блиндаже на НП был подготовлен небольшой стол. На него я положил коробку заточенных карандашей - красного и синего цветов, которых всегда было по три, потому что ими больше всего приходилось ему работать, блокнот в твердой обложке - для записей. К этому времени уже сложился определенный опыт, и я знал, что потребуется командующему в той или иной обстановке. В напряженное время приходилось строго следить даже за его питанием, так как он часто забывал о себе.

До начала артиллерийской и авиационной подготовки оставалось 2 часа. Уже были приведены в готовность все пункты управления.

Над долинами рек Халхин-Гол и Хайластын-Гол висел седой туман - хороший предвестник ясной погоды. Но когда он развеется? Не усилился бы. Такое тоже бывает нередко. Г. К. Жуков забеспокоился и обратился к командующему авиацией Я. В. Смушкевичу:

- Как обстоит дело с вылетом авиации? По времени пора

начинать.

- Думаю, туман не помешает. Первыми поведут самолеты опытные летчики, самые опытные, - отвечал Яков Владимирович. - Они первыми должны штурмовать противника и прикрывать удары бомбардировщиков.

Вскоре Смушкевич дал по телефону команду бомбардировщикам: "Вылет!" Но произошла заминка. Оказалось, что истребители сопровождения не могут подняться из-за тумана. Это грозило срывом авиационного обеспечения операции.

- Они должны подняться точно в срок, - приказал Смушкевич.

Рискуя столкнуться, машины все же взмыли в воздух и заняли свое место в боевом строю. И вот уже смертоносный груз обрушился на вражеские позиции.

Следом начался артиллерийский налет.

На командном пункте все были заметно возбуждены.

- Обеспечить эффективный переход и сопровождение пехоты в атаке, отдал распоряжение Г. К. Жуков.

В 8 часов 30 минут был произведен повторный налет нашей авиации.

- Через 15 минут начать атаку, - приказал командующий.

В 8 часов 45 минут началась общая атака. Авиация бомбила и штурмовала противника по всему фронту, артиллерия последовательно переносила огонь, давая пехоте возможность продвигаться вслед за разрывами снарядов. Танки с ревом двигались впереди пехоты, подавляя уцелевшие очаги сопротивления.

57-я стрелковая дивизия, наступая двумя эшелонами, к исходу первого дня выполнила свою ближайшую задачу: продвинулась правым флангом на 11-12 километров. 80-й стрелковый полк к 19 часам вышел на северную окраину Больших Песков. Однако 127-й стрелковый полк смог только пробиться к переднему краю обороны японцев.

Наша атака успеха не имела. Между 80-м и 127-м стрелковыми полками образовался четырехкилометровый разрыв, где действовали мелкие группы самураев. Решением командира дивизии разрыв был закрыт вводом в бой разведывательного батальона.

8-я мотобронева бригада к исходу дня с боями вышла в район юго-западнее горы Номон-Хан-Бурд-Обо. Песчаные бугры оказались трудными для преодоления. Вперед вышла разведка и достигла линии государственной границы юго-восточнее этой горы.

Командующий видел, что успех Южной группы наибольший, но недостаточный.

- Где танковая бригада? - справился он.

- Переправляется через реку Халхин-Гол. Выбранный брод оказался труднопроходимым. Принимаю меры к быстрейшему выводу танков в исходный район, - докладывал полковник Потапов.

- Но можно ли медлить? Противник успеет принять меры, чтобы улучшить позиции своих войск. Успех решает не только сила, но и время.

Командующий уточнил задачу: развивать наступление в направлении горы Номон-Хан-Бурд-Обо, дробить группировку противника. Узлы сопротивления брать с флангов и тыла. Это - лучший способ оказания помощи Северной группе, которая отстала.

Ее продвижение было остановлено в районе Сыпучих Песков. Здесь, на высоте Фуи, оказался сильно укрепленный узел сопротивления, целый подземный городок с гаражами, конюшнями, ходами сообщения, по которым свободно проходили, не обнаруживая себя, тяжелые грузовые машины, танки, бронемашин. Но, несмотря на это, командующий Северной группой, расправившись с двумя полками баргутской конницы, прикрывавшей правый фланг войск японской группировки, развернул свои главные силы. Бой принял затяжной и ожесточенный характер.

Главная цель в овладении высотой Фуи отводилась 601-му стрелковому полку 82-й стрелковой дивизии. Нужно было окружить и уничтожить противника и в дальнейшем наступать на северо-восток.

Еще 18 августа, по приказу Г. К. Жукова, 601-й стрелковый полк, усиленный одним батальоном 602-го стрелкового полка, одним танковым батальоном и артиллерией, был переведен в состав Северной группы. 19 августа полк с приданными ему средствами усиления занял исходное положение в пяти километрах северо-восточнее левофланговой переправы через реку Халхин-Гол.

Первый день наступления. Докладывает командующий Северной группой: 601-й стрелковый полк остановлен перед высотой Фуи. Эта высота преграждала путь для дальнейших действий всей нашей левофланговой группировки. От взятия ее зависели соединение Северной группы с частями Южной группы войск и общее окружение 6-й японской армии. Командующий по телефону связывается с командиром полка майором И. А. Судаком, слушает его доклад о том, как выполняется задача, о причинах задержки и требует взять высоту немедленно.

Для усиления правого фланга в район высоты Фуи японское

командование спешно перебросило 26-й пехотный полк, занявший позицию - фронтом на север. Район западнее озера Яньху оборонялся частью сил северного охранного отряда, а его главные силы обеспечивали тыл и правый фланг. 72-й пехотный полк был выведен в резерв.

Принятыми контрмерами японцы осложнили положение Северной группы наших войск, которые не сумели в полной мере использовать момент внезапности. Тогда командующий усилил Северную 9-й мотобронетанковой бригадой и батальоном 6-й танковой бригады из резерва.

9-я мотобронетанковая получила задачу - обойти высоту Фуи с севера в направлении Номон-Хан-Бурд-Обо для перехвата путей отхода северной группировки противника и уничтожения его складов в районе озера Узур-Нур. 20 августа 4-й танковый батальон после 60-километрового марша вдоль фронта из района Хамар-Дабы стал спешно переправляться через Халхин-Гол. Глубина брода доходила до полутора метров, сильное течение мешало переправе. Стоило машине застрять, как ее начинало сносить и мотор заливался водой. Но танкисты хорошо подготовили свои машины. Были надстроены выхлопные трубы. Люки и щели задраены ветошью с солидолом.

21 августа 2-я рота атаковала подразделения японцев в направлении Одон-Нур. В этом районе были сосредоточены большие артиллерийские склады. Японцы упорно защищались, вели по танкам ураганный артиллерийский огонь.

Танк лейтенанта Ф. А. Волобуева подбили перед самой сопкой. Град пуль осыпал башню, невозможно было открыть люк. Командир танка все же выбрал удобный момент. Сняв пулемет, прихватив несколько заряженных дисков, весь экипаж вышел из машины. Японцы открыли огонь, но было поздно. Наши танкисты уже укрылись в складках местности и окопах.

На следующий день атаки возобновились с новой силой, 601-й стрелковый полк четыре раза поднимался в атаку и, наконец, овладел первой линией вражеских окопов на высоте Фуи.

По всему фронту продолжался бой. Артиллерийская стрельба, бомбовые удары сотрясали землю. Ружейно-пулеметный огонь с применением трассирующих пуль, взрывы ручных гранат, минометный обстрел - все это создавало впечатление огненного ада.

Донесение в Москву командующий посылал шифром. Исход наступления второго дня характеризовался серьезным поражением противника. Налицо успехи Южной группы войск: 8-я кавалерийская дивизия вышла на государственную границу в районе высоты Эрист-Улайн-Обо и Хулат-Улайн-Обо,

организовала ее оборону. В плен взято 250 баргут и китайцев. К исходу второго дня передовые части Южной группы войск преградили пути отхода противника на восток.

Георгий Константинович понял, что командование 6-й японской армии в заблуждении. Наступление Северной группы войск принято им за главное направление ударов войск нашей армейской группы. Японцы усилили свой правый фланг за счет спешной переброски своего 26-го пехотного полка в район основного опорного узла сопротивления на высоте Фуи (Палец) и создали резерв за счет ослабления сил центрального участка фронта обороны.

Вводом в сражение 9-й бронеприкрытия был предопределен успех Северной группы наших войск. Совершая обходной маневр, она стремительно начала продвижение в направлении Номон-Хан-Бурд-Обо. В соответствии со сложившейся обстановкой, соединениям и частям группы были уточнены задачи и приданы резервы. Северная группа была усилена 212-й авиадесантной бригадой, а 601-й стрелковый полк - 4-м танковым батальоном. Кроме того, к 9-й мотобронеприкрытию присоединили две роты пограничников и стрелково-пулеметный батальон 11-й танковой бригады.

23 августа она достигла Номон-Хан-Бурд-Обо и отрезала пути отхода северной группировки врага на восток, а уже 24 августа вошла в огневую связь с частями 8-й мотобронеприкрытия Южной группы. Пала и высота Фуи.

Панорама боя Центральной группы войск просматривалась с командного пункта. Войска методически и упорно атаковали с фронта, сковывали силы противника, не давая ему усилить свои фланги за счет ослабления сил в центральной полосе обороны 6-й армии. Преодолевать узлы сопротивления командующий помогал ударами артиллерии и авиации, а от командиров 82-й стрелковой и 36-й мотострелковой дивизии требовал при атаке опорных пунктов осуществления обходного маневра.

- Пускайте в ход мелкие группы между опорными пунктами, пусть они просачиваются в глубину обороны и атакуют опорные пункты с тыла. Поддержите их огнем, обеспечьте данными разведки, - требовал Г. К. Жуков.

Упорные бои продолжались на подступах к сопке Песчаная и высоте Ремизова. 21 августа к вечеру в бой вступила 6-я танковая бригада. Машины, переправившись через реку Халхин-Гол, с ходу шли в атаку. Здесь особенно отличился батальон капитана В. А. Копцова. Он атаковал 45-й пехотный полк противника на северной части Больших Песков. Японцы яростно сопротивлялись. День подходил к концу. Видимость падала. Впереди - ночь, а бой

прерывать нельзя. Тогда М. И. Потапов приказал комбригу М. И. Павелкину - командиру 6-й танковой бригады - продолжать наступление, что облегчило бы действия танкистов Копцова. Так сделали, и 45-й полк противника был полностью уничтожен.

Подвижные соединения (6-я танковая и 8-я мотоброневая бригады) во второй день наступления вышли на пути отхода японцев на восток. Стрелковые части Южной группы 22 августа глубоко вклинились в основную оборонительную полосу противника, разгромили резервы и захватили ряд артиллерийских позиций. Стремительными ударами они расчленили противника на изолированные очаги сопротивления. Взаимодействуя с танками и артиллерией, используя успехи авиации; наши части последовательно штурмовали опорные пункты. Бои носили ожесточенный характер. Японцы держались до последнего солдата.

24 августа войска Южной и Северной групп вошли в огневое и зрительное соприкосновение в районе горы Номон-Хан-Бурд-Обо. Командующий требовал быстрейшего и полного окружения и разгрома противника. Мне хорошо запомнилось распоряжение, которое было отдано командующим начальнику штаба М. А. Богданову:

- Подготовить приказ войскам по уточнению задач. Не допустить возможного выхода противника из боя под покровом ночи. Организовать ночную разведку и боевое обеспечение флангов, усилить ночные атаки, блокировать опорные пункты, обходить их, окружать и уничтожать.

К этому времени выявили себя в полном объеме отдельные очаги самого сильного сопротивления - высоты Ремизова, Зеленая, Песчаная, Двугорбая, Палец, Сапог, а также ряд других опорных пунктов, которые были подготовлены к длительной обороне.

24 августа Южная группа блокировала японские части, оборонявшиеся в районе сопки Песчаная и высоты Зеленая. Одновременно на правом берегу реки Хайластын-Гол наши части с трех сторон наступали на высоту Ремизова. С запада и юго-запада действовали 24-й, 149-й полки 36-й мотострелковой дивизии и 5-я стрелково-пулеметная бригада, с севера - 601-й стрелковый полк 82-й стрелковой дивизии, а с востока - 9-я мотоброневая бригада, прикрывшись со стороны границы стрелково-пулеметным батальоном 11-й танковой бригады, двумя ротами пограничников и 212-й десантной бригадой.

Японское командование - в отчаянии. Боясь плотного кольца окончательного окружения и блокирования своих основных узлов обороны, оно предприняло перегруппировку сил и средств,

усилило сопротивление и направило армейские резервы на помощь окруженным войскам.

С этой целью 24 августа оно предприняло наступление юго-восточнее Номон-Хан-Бурд-Обо двумя полками 14-й пехотной бригады, подошедшей с востока. Удар противника был направлен против частей нашей 57-й стрелковой дивизии, которая занимала оборону вдоль границы по северо-восточной кромке Больших Песков, главным образом против 80-го стрелкового полка. Дивизия стойко выдержала натиск врага и нанесла ему значительный урон.

25 августа японцы повторили попытку вызволить свои части из окружения. С этой целью они сосредоточили большие силы авиации и под прикрытием массированных налетов нанесли удар по 80-му стрелковому полку, в стык между батальонами. Полковник М. И. Потапов направил на помощь полку 6-ю танковую бригаду и один полк 152-й стрелковой дивизии.

В создавшейся обстановке Г. М. Штерн высказал свое мнение о ходе дальнейшего наступления:

- Товарищ Жуков, как видите, наши войска растянулись, тылы отстали. Не исключен удар более сильными резервами противника. Я рекомендую не торопиться. Надо временно, на один-два дня, приостановить наступление, создать сильный заслон с востока и северо-востока, подтянуть войска и тылы, а затем нанести окончательный удар.

Однако совет Г. М. Штерна был отклонен. В письме ко мне от 18 февраля 1967 года Георгий Константинович написал: "...если бы я послушал его (Штерна. - М. В.) совета и остановил наступление, японские части могли избежать окружения". Окруженный противник к этому времени располагал еще тремя крупными узлами сопротивления: первый - на высоте Ремизова, второй и третий - в районах сопки Песчаная и высоты Зеленая. Необходимо было плотным кольцом сжать окруженные части врага и последовательными ударами уничтожить. Сначала - на левом берегу реки Хайластын-Гол.

26 августа Южная группа нанесла удар силами 6-й танковой бригады. Встречным артиллерийским огнем противнику удалось остановить наступление левой группы, но правая, перейдя в атаку, подавила противотанковую артиллерию противника и уничтожила две роты вражеской пехоты. К исходу 26 августа стрелковые части Южной и Северной групп еще более прочно сомкнули кольцо окружения японских войск, отрезав им все пути отхода на восток.

Одновременно наша авиация сильными ударами преградила путь новым вражеским резервам к району боев. Ударами авиации

были сокрушены районы: Номон-Хан-Бурд-Обо, озеро Узур-Нур, Халун-Аршан, Джин-Джин-Суме, станция Нуфынтай и отдельные очаги окруженной группировки противника. За 24 и 25 августа советские бомбардировщики совершили 218 боевых вылетов и сбросили 96 тонн бомб. За это время наши истребители сбили около 70 вражеских самолетов.

Однако окруженный противник не терял надежды на помощь извне и продолжал оказывать яростное сопротивление.

Приказом командующего 27 августа войскам была поставлена задача уничтожить оставшиеся в окружении вражеские войска. Для выполнения этой задачи частям Северной группы предписывалось совместно с 36-й мотострелковой дивизией занять исходное положение не дальше 700-1000 метров от подножья высоты Ремизова и после мощной артиллерийской подготовки одновременно атаковать укрепившихся на высоте японцев. Противник предпринял попытку вырваться из окружения. На рассвете группа японцев, силой до батальона, беспорядочной толпой начала отходить на восток по долине южного берега Хайластын-Гола и тут же нарвалась на оборону 127-го стрелкового полка. Японцы были встречены губительным артиллерийским огнем. В атаку пошли разведывательная и стрелковая роты полка, а также танковая рота 8-й мотоброневой бригады. Группа была уничтожена.

В этом бою отличился командир танковой роты старший лейтенант А. П. Босов, который применил хитрый тактический маневр: часть его машин завязала бой с фронта, а сам он во главе пяти танков обошел японцев. Обхода те не заметили и продолжали отводить свои силы. Тем временем танки Босова ждали японцев. Подпустив примерно на 100 метров, они на полной скорости атаковали колонну артиллерии противника и уничтожили ее. За этот бой и проявленный личный героизм лейтенант А. П. Босов в августе 1939 года был награжден орденом Ленина, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1939 года удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Таким образом, к исходу 27 августа остатки противника, оборонявшие сопку Песчаная и высоту Зеленая, были уничтожены, части 57-й и 82-й стрелковых дивизий полностью овладели укреплениями на южном берегу Хайластын-Гола. 127-й стрелковый полк сумел переправиться на северный берег реки.

К утру 28 августа противник продолжал сопротивляться только на высоте Ремизова, упорно отстаивал свои позиции. По всему фронту стояла артиллерийская канонада, гремели раскаты орудийных выстрелов танков и бронемашин. Войска двигались к

границе. Всюду дымились разрушенные вражеские блиндажи и сожженная техника.

Но пока хоть один японский солдат находился на Монгольской земле, боевую задачу нельзя было считать выполненной. Не взята еще высота Ремизова. С мая не прекращались за нее кровопролитные бои. Сколько раз переходила она из рук в руки.

Высота была окружена со всех сторон. Но враг не сдавался. Японцы укрепили ее инженерными сооружениями, создали развитую сеть траншей полного профиля, оборудовали дзоты, организовали сильное огневое взаимодействие всех средств ведения огня.

В ночь на 28 августа группа противника, примерно в 400 человек, используя песчаные барханы, пыталась прорваться на восток по северному берегу реки Хайластын-Гол. Ее обнаружил 293-й стрелковый полк и атаковал. Японцам было предложено сложить оружие, но они отказались. Начался рукопашный бой. Самураи были полностью истреблены.

28 августа командующий войсками поставил задачу командиру 24-го мотострелкового полка полковнику И. И. Федюнинскому уничтожить противника, оборонявшегося на высоте Ремизова. Выполняя полученный приказ, полк при поддержке огнеметных танков перешел в наступление.

Атакуют 6-я рота. Впереди политрук Т. Г. Бурдяк и его боевой товарищ В. Кирин. Японцы дерутся с ожесточением, переходят в рукопашный бой. С криком "Ура!" ринулся в атаку второй батальон. Противник не выдерживает и бросает оружие.

В этом бою шестая рота вырывается вперед. Василий Кирин водружает боевое красное знамя на высоте. Ликвидирован последний очаг сопротивления на высоте Ремизова.

В двух километрах к юго-востоку от сопки Ремизова в руках японцев осталась еще высота Песчаная. Здесь скопились все, кто уцелел от разгрома. Уничтожить с ходу это скопление наши части не смогли. Об этом было доложено командующему. Г. К. Жуков незамедлительно приказал командиру дивизии уничтожить или пленить остатки недобитых частей. Выполнение этого приказа было возложено на 24-й полк И. И. Федюнинского.

Исходя из оценки обстановки на всем фронте, Г. К. Жуков приказал всем частям и соединениям, вышедшим к границе, быть готовыми к отражению атак противника с целью деблокировать окруженных самураев. К отражению возможных ударов были готовы авиация, армейская артиллерия и танковые части ударных групп.

Рано утром 31 августа командир 24-го мотострелкового

полка И. И. Федюнинский передал последнее боевое донесение: скопление противника на высоте уничтожено. Бои прекратились по всему фронту. Советские и монгольские войска вышли на линию государственной границы. 6-я японская армия полностью разгромлена. Операция блестяще завершена. Войска перегруппировались для решения оборонительных задач по защите монгольской земли, приводили себя в порядок.

1 сентября командующий приказал мне подготовить поездку в войска. Я уже знал, что мне нужно уложить в машину шанцевый инструмент, личное оружие для себя и шофера, карабины и боеприпасы для самообороны и иметь на всякий случай запас продовольствия. Обычно командующий выезжал в войска внезапно. И совсем редко М. А. Богданов извещал части о том, что к ним прибудет Г. К. Жуков. Это было чаще всего тогда, когда надлежало провести какую-либо важную работу по организации боя или провести занятие.

Что касается проверок готовности командного состава или штабов, а также состояния организации обороны или наступления после отданного приказа, то они всегда проводились без предупреждения. Временами, когда не знал и я, в какие части он собирается ехать, удавалось кое-что разведать, чаще всего через начальника войск связи А. И. Леонова или начальника штаба М. А. Богданова. В таком случае в оставшееся в моем распоряжении время я стремился сориентироваться в обстановке, чтобы увереннее вести себя во время поездки и работы в войсках. Проявлять излишнее любопытство было неудобно, чаще всего просто недопустимо.

Конечно, я предпринимал все, чтобы поездка командующего во всех случаях завершилась благополучно. Я знал, что при его огромной загруженности и ответственности порой ему нет возможности знать все детали поездки: дороги, ориентиры, возможное передвижение по степи, где нет дорог, детали обстановки на маршруте движения, ближайшие командные пункты частей и многое другое, что связано с безопасностью движения. Адьютант обязан восполнить недостающее, хотя бы частично.

На следующий день командующий выехал по направлению к границе. Наш маршрут лежал вдоль главного направления действий Южной группы войск. Преодолели Халхин-Гол через знакомую нам правофланговую переправу, далее по полевым тропам и проделанным по целине колонным путем мы вышли на дорогу, идущую от горы Хулат-Улаин-Обо на запад к Хайластын-Голу, через которую наши части построили временный деревянный мост. Отсюда командующий повернул на северо-

восток к подножью знаменитой горы Номон-Хан-Бурд-Обо, затем на юго-запад на высоту Ремизова и далее - на центральную переправу и гору Хамар-Даба.

На протяжении всей поездки мы видели неостывшие следы недавних боев. По обочинам дорог, даже в небольших песчаных барханах, валялось множество японской техники, оружия, необрушенных трупов японских солдат, офицеров, различного рода военной амуниции, банки из-под консервов, газеты, трупы лошадей, остатки упряжи и многое другое. На сопке Песчаной были осмотрены укрепления, система обороны. Конечно, все было разрушено, но было видно, что враг долго рассчитывал здесь обороняться.

- Хорошо поработали наши артиллеристы, - заметил командующий.

- Но танкисты тоже неплохо воевали, - невольно вырвалось у меня.

- И не только танкисты, все рода войск доблестно и умело сражались, заключил он.

При подъезде к мосту через Хайластын-Гол, северо-восточнее этой переправы, перед нами открылась долина реки. Резко обрывавшиеся крутые берега ее переходили в широкую двухстороннюю заболоченную пойму. Собственно, она-то и доставила нам больше всего хлопот во время наступления. Теперь Г. К. Жуков извлекал уроки из того, что произошло, что сделано.

На подступах к Номон-Хан-Бурд-Обо мы увидели открыто расположенную палатку. Часовой остановил нашу машину, предупредив, что дальше ехать нельзя - граница. Сигналом вызвал находившегося в палатке командира. Тот доложил свою задачу, указал по местности, где проходит граница. Мы увидели линию проволочного ограждения и флаги МНР.

Пришлось уточнить дальнейший маршрут. Наша машина с большим трудом стала пробираться по извилистым тропам меж песчаных барханов Номон-Хана. Нередко они приводили нас к какому-либо котловану или непроходимым зарослям кустарника. Тогда командующий приказывал развернуть машину и искать новые обходные пути. Окопы, траншеи, ходы сообщений подобно паутине опутывали каждую сопку и подходы к ней. Порою приходилось с большим трудом преодолевать разрытые и разрушенные участки местности.

Позднее я узнал, что командующему хотелось полнее понять характер построения обороны частей и подразделений японских войск, использование местности и ее инженерное оборудование, тактику одиночного солдата, принципы построения системы огня стрелкового оружия, артиллерии, использование танков в

обороне. Картина последствий проведенного сражения являлась как бы той материальной основой, которая позволяла ему утвердиться в оценке качеств японского солдата, тактики и оперативного искусства, боевой мощи соединений и объединений японской армии.

Одержимый осмысливанием полученного опыта, Георгий Константинович забывал об опасности. А она подстерегала нас на каждом шагу.

- Товарищ командующий, - слышите, кто-то стреляет? - сказал я ему.

Вслед за одиночными выстрелами последовал залп из винтовок. Впереди, справа от нас, появился наш боец. Встав во весь рост, в правой руке он держал винтовку, жестом указывая нам остановиться. Затем побежал, что есть мочи, нам наперерез.

- Стой! - скомандовал Г. К. Жуков, - что-то неладно, не налететь бы нам на какую-либо неприятность.

- Куда вас... несет? У вас, что ли, глаз нету? Вы же погибнете, там мины, - кричал солдат.

Выйдя к нему навстречу, я сказал, что едет сам командующий комкор Г. К. Жуков.

- Слышал о таком?

- Его все знают, только лично мне видеть не приходилось.

- Товарищ боец, вы не волнуйтесь, толком доложите, где тут что находится, как проехать к сопке Ремизова. Да поподробнее.

- Я сам думал, - произнес воин, что какой-то начальник, раз на легковой, а потом машина-то подозрительная. Наши "эмки" не такие. Мне подумалось, не японский ли офицер под видом заблудившегося разведку ведет, смотрит, что тут у нас делается.

Командующий, поздоровавшись с солдатом, внимательно выслушал его рапорт, вышел из машины и на местности с расстояния осмотрел участки минных полей, указанные воином. Заминированная местность и подходы к ней были обозначены указками и охранялись небольшими группами саперов и стрелков. Мы не заметили этих предосторожностей. Однако на лице командующего почему-то я не увидел никаких следов тревоги или страха, хотя погибнуть после окончания боев было просто нелепо.

Поблагодарив воина за службу, Г. К. Жуков приказал развернуться и ехать прямо на дорогу, огибавшую легендарную сопку с востока. Вдруг снова нас остановил боец.

- Так ехать нельзя. Сдавайте задним ходом вот до того кустарника, мы и сами точно еще не знаем, где тут есть мины, а где их нет. Сегодня утром в 50 метрах правее подорвался наш броневичок, поэтому будьте осторожны.

Командующий молча и покорно исполнил советы сапера. И мы вскоре выбрались на указанную дорогу, миновав смертельную опасность.

Много времени прошло с тех пор. Разное бывало в жизни, но этот эпизод до сих пор в моей памяти. В, казалось бы, простой ситуации мы чуть не попали в беду. Но, к счастью, этого не произошло. Помнил об этом и Георгий Константинович...

Вот она, высота Ремизова - легендарная сопка, последний очаг сопротивления японцев! Еще горит земля, устилая дымом лощины. Густой смрад с сизоватым оттенком испарений нависал над полем боя, забивал горло и сдавливал грудь.

Багряный закат солнца по-особому ярко освещал землю. Она местами становилась серой с розоватым отливом. Кустарники и заросли прятали в своей тени следы недавних боев.

Командующий сел в машину, и мы направились в свой штаб. Вернувшись, Г. К. Жуков делился своими впечатлениями и наблюдениями с членом Военного Совета М. С. Никишевым и своим заместителем М. И. Потаповым. Я понял, что осмотр поля боя носил творческий характер, проходил в известном только ему, Жукову, плане и как бы служил подтверждением определенных выводов и предположений. Это была напряженная работа ума, призванная обогатить советское оперативное искусство.

5 октября 1939 года командующий провел разбор военных действий с руководящим составом армейской группы, на котором впервые в обобщенном виде изложил свою точку зрения относительно японской армии, положительно отозвался о японском солдате и в то же время обратил внимание на слабые стороны противника. Позднее, на приеме у Сталина, он эти выводы повторил, о чем написал в своем труде "Воспоминания и размышления".

Вышвырнув агрессоров за пределы братской Монголии, союзные войска приступили к укреплению государственной границы. Однако японские милитаристы не прекратили боевых действий. Видимо, не без влияния фашистской Германии они, не жалея солдатской крови, продолжали провокации против МНР с целью отвлечь внимание нашей страны от немецкой агрессии против Польши. Гитлеру было важно, чтобы внимание Красной Армии было приковано к Дальнему Востоку.

Подтянув к монгольской границе новые части, в частности, 2-ю пехотную дивизию и свежие военно-воздушные силы, японцы 4 сентября 1939 года вновь вторглись на территорию МНР в горном районе, на правом фланге наших войск, юго-восточнее высоты Эрис-Улаин-Обо. Ка\ сейчас помню, поздно вечером этого же дня

Г. К. Жуков вызвал к себе одного из ответственных работников штаба полковника Тестова.

У разложенной на столе карты, под слабо светящейся электрической лампой командующий изучал обстановку, оценивал ее и готовил свое решение.

Сразу после доклада Тестова (к сожалению, имя и отчество его я не знал) Г. К. Жуков задал ему несколько вопросов. В частности, его интересовали сведения о действиях противника на правом фланге. Полковник доложил, что о переходе противником границ на правом фланге наших войск и захвате безымянной высоты ему хорошо известно из доклада работника оперативного отдела, который час назад прибыл из этого района.

Командующий одобрил доклад и информировал Тестова, что связь с нашими частями, ведущими бой в районе высоты Эрис-Улаин-Обо, недостаточно надежна. 8-я кавалерийская дивизия МНРА растянута вдоль границы и серьезного сопротивления оказать не сможет. По сложившейся обстановке, требуется в короткий срок уничтожить агрессора.

- Ваша задача: выехать немедленно в район боевых наших частей, объединить усилия всех родов войск, которые там находятся, и в течение ночи разгромить противника, а к утру выйти на линию государственной границы в районе высоты Эрис-Улаин-Обо. В помощь возьмите с собой моего адъютанта. Он вам пригодится как хорошо знающий местность в этом районе. Тем более, что он умеет уверенно ориентироваться ночью в условиях бездорожья.

- Поедете? - спросил меня командующий.

- Готов выполнить любой приказ, - ответил я.

- Хорошо.

Взяв шинель, личное оружие и чистую карту с планшетом, я вскоре явился в оперативный отдел. Полковник меня уже ждал. На грузовом автомобиле с отделением пехоты из состава роты охраны, без всяких технических средств связи, так как их не было, мы двинулись в путь. Рокадная дорога, по которой вместе с командующим приходилось ездить не раз, хорошо мне была известна. Мы знали и другое, что бой идет только в районе, куда надлежит нам прибыть. Услышав стрельбу и увидев вспышки сигнальных ракет и полеты трассирующих пуль, Тестов остановил машину, сориентировался. Вскоре мы встретили боевое охранение наших частей.

- Кажется, добрались, теперь нужно найти командование, - проговорил полковник.

Начальник оперативного отдела штаба группы распорядился, чтобы к прибытию Тестова были собраны командиры для

получения боевой задачи. Уточнив обстановку, Тестов объявил решение Г. К. Жукова и поставил задачу: одновременной атакой всех частей, охватывающим маневром с двух сторон, с рассветом, по сигналу "три красные ракеты", атаковать безымянную высоту, окружить и уничтожить японскую группировку на ней.

Примерно в четыре часа утра по противнику был открыт сильный артиллерийский огонь. Под прикрытием огневого налета пехота, вслед за танками, стала обходить противника с флангов. Видя угрозу окружения, японцы попятились, неся большие потери. Агрессоры поняли, что их ждет полное окружение, уничтожение или плен. Подобное они уже испытали в предыдущих боях и сражениях. Оставив на поле боя более 350 трупов, японцы отошли за границу МНР.

В ночь на 8 сентября в том же районе японское командование вновь пыталось начать наступление, бросив в бой дополнительно до четырех пехотных рот, поддержанных артиллерией. Но и на этот раз налетчики были отбиты с большими для них потерями. При этом отличились бойцы 603-го стрелкового полка под командованием Н. Н. Зайюльева и батальона 6-й танковой бригады во главе с капитаном В. А. Копцовым. Потеряв до 500 человек и большое количество вооружения, японцы вынуждены были ретироваться.

Попытка противника вторгнуться в пределы МНР на правом фланге советско-монгольской группировки 4 и 8 сентября и их разгром показали, что японская военщина не отказалась от планов добиться поставленных целей в районе восточного выступа территории МНР. Авиационной разведкой было установлено, что противник подтягивает силы для нового крупного наступления на флангах, усилил свою авиацию, активизировал разведку районов нашей обороны.

В дополнение к оборонительным мероприятиям, которые проводились с выходом частей на государственную границу, командование издало новый приказ от 11 сентября 1939 года за № 00148. Его подписали командующий 1 АГ комкор Жуков, член Военного Совета Никишев, начальник штаба 1 АГ Богданов. Учитывая особенности местности, территориальное размещение войск и задачи по защите границ МНР, а также неумное стремление японского командования к расширению агрессивных действий, Г. К. Жуков организовал оборону с характерными особенностями. Полосу обороны он поделил на два боевых участка: Южный и Северный. Командование ими поручил полковникам Потапову и Терехину.

Командующим боевыми участками было предоставлено право - в необходимых случаях, при наступлении противника и

прорыве переднего края, привлекать по одному танковому батальону 6-й и 11-й танковых бригад. Приказом было обусловлено построение обороны глубиной в два эшелона. Между ними следовало оборудовать сильные отсечные позиции. Жилые землянки и убежища строить на обратных скатах, соединив их с окопами и ходами сообщения. Во время артподготовки противника основную массу бойцов держать в убежищах, имея в окопах наблюдателей и дежурных пулеметчиков. При переносе артогня противника всем выходить по своим местам для отражения его наступления. Из танковых бригад был создан подвижный резерв.

Проводилось и много других мероприятий по совершенствованию обороны. Но о них, думается, писать не следует, и не всем читателям это будет интересно. Г. К. Жуков принял энергичные меры по ускорению инженерных работ и обеспечению постоянной бдительности и боеготовности.

Согласно его указанию, окопы соединялись траншеями. Узлы обороны и опорные пункты укреплялись в противотанковом отношении. Передний край и отсечные позиции были заминированы и обведены проволочными заграждениями. Для маневра вторыми эшелонами и резервами изучались и подготавливались направления, тщательно отрабатывалась организация системы огня всех видов оружия и подразделений родов войск. Обеспечивалась надежная связь, а тем самым - устойчивое управление оборонительным боем.

После попытки развернуть наступление 8 сентября японское командование подобных действий наземными войсками на Халхин-Голе больше не предпринимало. Этого нельзя было сказать о японской авиации.

В первой половине сентября в монгольском небе, над восточным выступом территории МНР, произошло семь воздушных боев. Самым крупным из них было сражение 15 сентября, вспыхнувшее за день до начала переговоров. По всему было видно, что японское командование рассчитывало на ослабление бдительности наших войск и решило силами своей авиации нанести решающий удар по полевым аэродромам наших частей и соединений. Успех усилил бы их позиции на предстоящих переговорах.

Сосредоточив крупные воздушные силы, рано утром, когда солнце еще не успело взойти, 120 японских истребителей появились над нашими аэродромами. Основной удар был направлен против полка новых машин "И-17" ("Чайка"), которые по своим летно-техническим данным - скорости, маневренности и вооружению - превосходили японские "И-97".

Но расчеты противника не оправдались. Четкая по тому времени система оповещения и связи, постоянная готовность летного состава позволили нашему командованию поднять навстречу врагу 207 истребителей. Разгорелся воздушный бой. Небо рябило массой ревущих самолетов: на ограниченном пространстве сражались свыше 300 машин. Сбитые машины загорались в воздухе, взрывались на наших глазах, не достигнув земли.

Вот несколько примеров. Советский летчик сражается с японским асом. Тот уклоняется от лобовых атак, стремится идти на малых радиусах. Но "Чайка" прижимает врага. Японец меняет тактику. Вот он пошел в лобовую. Видимо, хотел повлиять на психику, но первым спасовал и уклонился. Решил удирать. Но уйти ему не удалось. Самолет загорелся и взорвался у самой земли. Возможно, летчик мог бы опуститься на парашюте, но японское командование все предусмотрело в этом отношении. Летчик крепко привязывался к сиденью самолета, и отстегнуться ему было нелегко.

В этом бою наши "Чайки" сбили 19 истребителей и один бомбардировщик, а всего за 15 дней сентября враг потерял 71 самолет. На наши аэродромы не вернулись 18 истребителей.

Однажды мы были свидетелями такой картины. Японский самолет, пользуясь затишьем на фронте, "повис" над нашими артиллерийскими позициями. Комбриг Ф. Г. Корзин понял, что это корректировщик, и попросил летчиков, находившихся поблизости, прогнать японца. Зенитных артиллерийских средств в этом районе не было, да и по тактическим соображениям невыгодно было показывать позиции зениток. В воздух поднялись два наших истребителя. Над горой Хамар-Даба началось преследование воздушного пирата. Но огня никто не открывал. Наши летчики дали ему знать, что он должен совершить посадку на нашей территории. Однако японский пилот искусно маневрировал и упорно стремился уйти в отрыв. Вскоре мы услышали резкие звуки пулеметных очередей. Наши самолеты открыли огонь, по-прежнему принуждая японского летчика подчиниться. Еще один заход, и враг пошел на снижение. Он пронесся над нашим командным пунктом и упал в 500-700 метрах юго-западнее горы Хамар-Дабы.

Наблюдая за происходящим, командующий тут же велел мне сесть на броневилок, доскочить до упавшего самолета, узнать обстановку и доложить ему. Мы все видели, как летчик планировал до самого соприкосновения с землей. Самолет пропахал землю, но не взорвался. На месте падения я увидел разрушенную машину: вывернутый на сторону мотор, остатки

кабины, две неразорвавшиеся бомбы, труп летчика, "припечатанный" к корпусу сиденья специальными стремянками. Мы внимательно осмотрели все и убедились, что летчик не мог самостоятельно выбраться из кабины, если бы он и захотел это сделать.

По возвращении я доложил Г. К. Жукову о том, что видел.

- Надо полагать, что самурайский дух стал слабеть, - заключил командующий.

По усилению активности нашей авиации и появлению в небе качественно улучшенных машин японцы понимали, что обстановка развивается не в их пользу. Они усилили попытки взять верх и добиться свободы действий в небе Монголии над всей территорией, где находились и где могут быть сосредоточены наши и монгольские войска. Меня тактику воздушного нападения, японское командование посылало в бой многие эскадрильи истребительной авиации. Воздушные бои разгорались ежедневно и носили ожесточенный характер.

Наши летчики дрались храбро. Их отличали крепкая дружба, взаимовыручка и мастерство. Боеспособность авиационных частей постоянно была в центре внимания Г. К. Жукова. Многих летчиков он знал по фамильно. С некоторыми встречался лично.

Тактические действия японской авиации учитывались и наземными частями, и подразделениями. Все знали, что японские самолеты чаще всего появлялись со стороны солнца, особенно по утрам, когда оно светит наиболее ярко. Бомбардировочную авиацию прикрывали одним-двумя слоями истребительной авиации. Воздушные бои старались начинать малыми силами, стремились втянуть в бой побольше наших самолетов, чтобы к появлению основных сил наши израсходовали бы свое горючее.

Наше командование быстро разобралось в этом. На их тактику мы ответили своей: завели свой резерв самолетов-истребителей и вводили их в бой в более выгодной обстановке. В управлении авиацией Г. К. Жуков принимал непосредственное участие и рассматривал это как составную часть оперативного искусства. Некоторые поединки он запомнил особо.

Летчик старший лейтенант В. Ф. Скобарихин совершил второй в истории советской авиации воздушный таран (первый принадлежит летчику-истребителю А. А. Губенко - в небе Китая). Это было 22 июля. Время подходило к обеду. Солнечно, ни облачка на небе, безветренно и жарко. Подразделение нашей авиации несло патрульную службу над районом боев, внезапное нападение японской авиации не застало врасплох. Над районом севернее Хамар-Дабы завязался ожесточенный воздушный бой. Как всегда, в бою применялись различные тактические приемы

одиночных машин. Но на этот раз на командном пункте сразу же заметили, что преобладают лобовые атаки. То и дело два самолета на предельных скоростях мчались друг другу навстречу. С земли казалось, что еще миг - и самолеты врежутся друг в друга. Но, как правило, японские летчики не выдерживали, резко взмывали ввысь и уходили.

Опытный мастер воздушного боя В. Ф. Скобарихин заметил, что молодому летчику В. Н. Вуссу угрожает смертельная опасность: его напористо атаковал японский самолет, по действиям которого было видно, что за штурвалом стервятника - ас. Скобарихин принял безотлагательное решение: атаковать. Он нагнал японца и таранил его. Увлечшись атакой Вусса, японец спохватился поздно, самолет потерял управление, начал падать и на земле взорвался.

С большим трудом Скобарихин возвратился на свой аэродром и доложил командиру эскадрильи о происшедшем, а сам стал тщательно осматривать свою машину: согнут винт, повреждена плоскость. Как только поступил доклад о таране на командный пункт, многие усомнились в этом. Г. К. Жуков приказал проверить, так ли это?

Я. В. Смушкевич доложил:

- Товарищ командующий, этот случай уже проверен. Следы тарана обнаружены на самом самолете Скобарихина. В этом убедился весь истребительный полк, - подтвердил Смушкевич.

- Хорошо. Проинформируйте Никишева. Поставьте в пример героя-летчика всему составу ВВС. Эти проявления мужества, бесстрашия, мастерства и взаимной выручки в тяжелых условиях должны стать достоянием всех частей. Господство нашей авиации в воздухе должно стать безраздельным.

- Думаю, что такую задачу мы решим в ближайшее время, - заверил авиационный начальник.

- Нам нужны не недели, не месяцы, а дни, в которые следует победить.

30 июля Я. В. Смушкевич докладывал Г. К. Жукову, что накануне, 29 июля, в воздушном бою летчик старший лейтенант В. Г. Рахов сбил одного из самых опытных летчиков японских ВВС Такео. В воздушных боях в Маньчжурии и Китае тому не было равных. На сей раз японский ас оказался в нашем плену.

Его захватили бойцы одной из наземных частей. Он пытался покончить с собой, но был пленен. По виду японский летчик был коренастым, небольшого роста, но сильным и выносливым. На допросе вел себя надменно и в то же время боялся расправы. Такео, как и многие японцы, напуганные японской пропагандой о плохом обращении с пленными в Красной Армии, ждал, что с ним

расправятся. Однако вскоре убедился в ошибке, стал вести себя более свободно и словоохотливо. Он попросил показать летчика, который его сбил в воздушном бою. Пригласили В. Г. Рахова. Такео осмотрел его буквально с ног до головы и низко поклонился победителю. После этого он и признался, что является асом японских ВВС.

Выслушав Смушкевича, после некоторой паузы Г. К. Жуков сказал, что это очень хорошо. Надо совершенные подвиги всемерно доводить до всех войск.

Летчики, дравшиеся упорно и героически, надежно обеспечивали действия всех родов войск и тыловых подразделений. Это был наглядный воодушевляющий пример мужества и отваги для наземных войск.

"Советские летчики сами искали самолеты врага, чувствовали себя хозяевами в воздушном пространстве и не позволяли японцам бесчинствовать над монгольской территорией. За день 15 сентября летчики сбили 29 вражеских машин, не потеряв ни одной своей. Всего в ходе боев у реки Халхин-Гол один полк уничтожил 262 японских самолета, 2 аэростата, много техники и живой силы противника"{43}.

Семнадцать летчиков 22-го авиационного полка были удостоены звания Героя Советского Союза, а полк награжден орденом Красного Знамени. Высоко оценило Советское правительство и действия командования полка. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 года Г. П. Кравченко вторично удостоен звания Героя Советского Союза, а постановлением Президиума Малого Народного Хурала МНР он был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В первых числах сентября 1939 года часть летчиков-халхингольцев отзывалась на Запад для выполнения новых задач. Знал ли Г. К. Жуков подробности предстоящих на Западе событий, сказать трудно. Но всем было известно, что 1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу. Его армии приблизились к границам Советского Союза. Считалось, что летчики теперь нужнее там, а не в Монголии.

Г. К. Жуков собрал убывающих на Запад пилотов, кратко ввел их в обстановку, выразил сердечную благодарность Военного Совета за большой вклад в победу на Халхин-Голе, пожелал хорошего здоровья. Выразил надежду, что и в новых условиях они с честью будут выполнять любые боевые задачи.

17 сентября 1939 года, по распоряжению Советского правительства, Красная Армия перешла границу с целью освобождения Западной Украины, Западной Белоруссии и укрепления своих западных границ. Летчики-халхингольцы были

в первых рядах исполнителей этой исторической миссии.

Понеся громадные потери, как в сухопутных, так и в воздушных силах, японское правительство обратилось к Советскому правительству с просьбой о перемирии. 16 сентября 1939 года боевые действия были прекращены. Советское командование, руководствуясь указаниями своего правительства, разрешило японской стороне собрать в районе Халхин-Гола трупы солдат и офицеров. Сторонам предстояло произвести обмен убитыми, ранеными и пленными. Для ведения переговоров Военный Совет образовал комиссию во главе с заместителем командующего полковником М. И. Потаповым.

17 сентября Г. К. Жукову было доложено о появлении японо-маньчжурских парламентариев с белыми флагами. Они запросили о месте и часе начала переговоров. Посоветовавшись, командование ответило, что переговоры состоятся в 17.00. На командном пункте готовились к переговорам, уточнялся состав комиссии. Кроме начальника политотдела П. И. Горохова и редактора газеты "Героическая Красноармейская" Д. Ортенберга, работать в комиссии собрался и писатель В. Ставский, а также некоторые работники штаба.

Писателя В. Ставского было решено включить секретарем комиссии в форме старшины. Но тут возникли непредвиденные трудности - не оказалось нужного размера обмундирования, а солдатская гимнастерка, брюки и кирзовые сапоги, которые были на нем, для этой цели не подходили. В этот же день ничего не удалось сделать, и писатель все-таки остался в старой одежде. Поэтому принять непосредственное участие в предварительной встрече ему не удалось. Он просидел в машине в нейтральной зоне в мучительной досаде на интендантов, довольствуясь лишь тем, что видел, как сошлись представители сторон и повели переговоры. На этой встрече был оглашен состав японской делегации, которую возглавлял генерал-майор Фудзимото.

Вернувшись на Хамар-Дабу, В. Ставский заметил, что их делегацию возглавляет генерал, а нашу - полковник. "Чем же мы хуже?" - шутливо заметил он на встрече с Г. К. Жуковым. Военный Совет, оценивая важность предстоящих переговоров, шифротелеграммой сделал представление в правительство. Наутро 18 сентября полковника М. И. Потапова поздравляли с присвоением ему первого генеральского звания - "комбриг".

Комиссия должна была уточнить пограничную линию, на которой предстояло закрепиться нашим войскам, договориться об обмене пленными, определить порядок вывоза трупов японских солдат и офицеров. Для нас этого не требовалось, так как на японской территории мы не воевали.

Командование советско-монгольскими войсками, руководствуясь указаниями своих правительств, разрешило японской стороне собрать в районе Халхин-Гола трупы своих солдат и офицеров, погибших при вторжении на территорию МНР.

Начавшись 18 сентября, переговоры длились несколько суток. В первый день утро как-то быстро стало пасмурным и холодным. Усиливающийся ветер неведомо откуда нагонял низкие дымчатые тучи, и все ждали, что вот-вот пойдет дождь, поэтому оделись по-осеннему. Широкая солдатская шинель, затянутая ремнем, выдавала тучность фигуры В. Ставского, а манера держаться говорила о том, что в этом человеке мало военного. Японцам не составило большого труда понять, что Ставский далеко не тот "старшина", за которого его выдавали.

Со стороны японцев в работе принимали участие 11 человек, в том числе два полковника, подполковник и два майора. Один из них переводчик Оогэси. "Вначале, - рассказывал В. Ставский, - мы были встречены с любезной учтивостью. Японские солдаты поставили на стол бутылки с водой, конфеты, сигареты. Первым начал разговор Фудзимото. Я заметил, что он хорошо понимает по-русски, так как опережал переводчика, реагируя на мои слова".

При уточнении пограничной линии настроение, японцев резко изменилось. Они считали, что советские и монгольские войска, на момент встречи, занимают часть японской территории, и пытались предъявить свои топографические карты, на которых граница проходила на значительной глубине по территории Монголии, а местами по реке Халхин-Гол. Ложные доводы японцев тут же были опровергнуты. Их топографические карты оказались фальшивыми, заранее составленными для оправдания агрессивных устремлений. Забегая вперед, скажу: М. С. Никишев информировал Г. К. Жукова о том, что Х. Чойбалсан, узнав о японских махинациях с топографическими картами на переговорах, сильно возмущался. На приеме, устроенном монгольским правительством в первых числах ноября 1939 года (при вручении правительственных наград Г. К. Жукову и М. С. Никишеву) мне самому пришлось услышать слова негодования по этому поводу из уст монгольского лидера.

Не по нраву пришелся и предложенный нашей комиссией порядок вывоза трупов. Противнику было сказано, выкапывайте их сами и постепенно отвозите, чтобы знать, сколько будет вывезено. В принципе договорились - закончить до наступления морозов, но начало работ не было согласовано. Отложено на завтра.

Второй день переговоров прошел в более холодной

обстановке. Японцы стали мрачными, негостеприимными. На тех же столах лежали лишь две пачки папирос.

В результате достигнутого соглашения японцы в течение нескольких дней с 9 до 17 часов увозили трупы своих солдат, где их сжигали, а горсти пепла (с общего костра) отправляли в ящичках в Японию на родину для вручения семьям погибших. Работа проводилась в течение семи суток. Это действовало угнетающе на японских солдат, производивших уборку.

Характерным был еще один момент. Одновременно самураи вели разведку. Вопреки договоренности, в состав похоронных команд они включили своих разведчиков. Японцы пытались использовать все, только бы узнать, что делается в наших войсках и каким вооружением располагают.

Истинное лицо японцев проявилось при обмене пленными. Вот что докладывал Военному Совету начальник политотдела П. И. Горохов: "Мы сдали японских пленных в полном порядке: в новом зимнем обмундировании, чистыми, помытыми, побритыми. А наши пришли оборванные, обросшие..."

Примечательно было и то, что японцев не радовало возвращение на родину, они были удручены и печальны, ибо знали, что дома их ждут большие неприятности.

Так бесславно закончилась вооруженная агрессия японских милитаристов, пытавшихся силой захватить в МНР выгодный плацдарм для обеспечения развертывания своих агрессивных действий против МНР и Советского Союза в дальнейшем. Боевые действия на реке Халхин-Гол, и особенно августовская операция обогатили как нашу, так и Монгольскую народно-революционную армию ценным боевым опытом. Они показали высокие боевые качества советского оружия и военной техники и еще раз продемонстрировали прочность дружбы между народами СССР и МНР, основы которой были заложены еще В. И. Лениным и Д. Сухэ-Батором.

Поражение японского милитаризма на Халхин-Голе имело для него большие последствия. Японская внешняя политика потерпела полнейший провал, что привело к отставке 28 августа 1939 года кабинета Хиранумы, а также руководящего состава японской Квантунской армии. Это поражение были вынуждены открыто признать даже западные буржуазные исследователи. Так, английский историк М. Макинтош подчеркивал, что "Советская победа на реке Халхин-Гол имела важное значение и, пожалуй, во многом повлияла на решение японского правительства не сотрудничать с Германией в ее наступлении на Советский Союз в июне 1941 г."{44}.

Комиссары Халхин-Гола

Победа советско-монгольских войск на Халхин-Голе явилась результатом умелого руководства войсками, мужества, отваги и героизма воинов, их настойчивости и активности при выполнении боевых задач, высокого качества советского вооружения и боевой техники тех лет и ряда других факторов. Важную роль в достижении победы сыграла и глубокая по содержанию, разносторонняя по методам организации и проведения партийно-политическая работа.

Политработники во время боев на Халхин-Голе всегда находились на самых главных, решающих участках, постоянно учитывали изменения боевой обстановки, поддерживали связь с командирами, штабами и политорганами.

В своей повседневной деятельности они опирались прежде всего на коммунистов, которые являлись цементирующей силой подразделений и частей.

Стойким коммунистом был прежде всего Георгий Константинович Жуков. Он вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза 1 марта 1919 года. С тех пор и до конца дней "...все свои думы, стремления, действия, - писал он позднее, - я старался подчинить обязанности члена партии, а когда дело доходило до схватки с врагами Родины, я, как

коммунист, помнил требование партии быть примером беззаветного служения своему народу"{45}.

В первый же день прибытия на Тамацак-Булак, лично уясняя обстановку на восточных границах Монгольской Народной Республики, Г. К. Жуков взял с собой комиссара корпуса М. С. Никишева. Тот был единственным из командования 57-го особого корпуса, кто бывал в районе боевых действий. Только он мог по-партийному помочь Г. К. Жукову узнать истинное положение дел не только на передовой, но и в частях и соединениях. В пути комиссар подробно и со знанием дела рассказывал о состоянии корпуса, о его боеспособности, о штабе, об отдельных командирах и политработниках. "М. С. Никишев, - вспоминал Г. К. Жуков позднее, - произвел на меня очень хорошее впечатление. Он знал свое дело, знал людей, их недостатки и достоинства".{46}

Михаил Семенович проявил на Халхин-Голе незаурядные способности, олицетворяя собой тип истинного политработника. В нем удачно сочетались душевная простота и чуткость к людям, отличное знание дела, жизни солдат и боевых качеств командиров, высокая партийная принципиальность и решимость всеми силами и средствами направлять усилия войск на выполнение принятого командиром решения. Всей системой партийно-политической работы он не только помогал командующему в руководстве войсками, но и личным активным участием, широкой инициативой и высокой требовательностью предотвращал промахи со стороны отдельных командиров.

Мне отчетливо вспоминается, как после завершения одной из поездок в 11-ю танковую и 7-ю мотоброневую бригады М. С. Никишев сообщил командующему:

- Несмотря на понесенные потери, личный состав бригад в отличном настроении, у всех - готовность в любую минуту выполнить приказ. Это уже не те танкисты, которых мы с вами знали перед боем. Они проверили себя, друг друга, свое оружие и технику, вплотную встретились с врагом и определили свою тактику, как и каким способом бить японцев. Танкисты отказались от личной табельной экипировки во время атаки. Они считают, что члену экипажа, когда он находится в танке, не нужен противогаз, надетый на плечо, так как он стесняет движения. Поручневая антенна на радиальных танках привлекает особое внимание японцев, так как в таких машинах, как правило, находится командный состав. Поэтому противник старается всеми огневыми средствами уничтожить такие танки в первую очередь. Вот почему, как мне кажется, яковлевцы понесли излишние потери в командных кадрах. Надо что-то придумать: или на остальных танках устанавливать ложные антенны, или

убрать имеющиеся, чтобы не всякий мог распознать командирский танк.

- Опыт жизни - лучшая наука, - заметил командующий, - его следует изучать более детально и все то, что в лучшей степени обеспечивает бой, следует внедрять без промедления. Уроки первых боев необходимо довести до тех, кто еще не нюхал пороха, не встречался лицом к лицу с хищным и коварным противником. Надо предостеречь необстрелянные части от ошибок и неудач.

По происхождению М. С. Никишев - сибиряк, воспитанник Барнаульского окружкома комсомола. В 1918 году двенадцатилетний мальчишка осиротел - умер отец. Тиф углубил бедняцкое горе, и жизнь сделала малолетка батраком у кулаков села Красноярки Барнаульского уезда.

Тяготы детства закалили характер юноши, его волю, укрепили ненависть к прошлому. В 1924 году Никишева приняли в комсомол, и он активно включился в общественную работу. Вскоре товарищи избрали его секретарем комсомольской организации. Затем Михаил перешел на пропагандистскую работу. В сентябре 1929 года он становится членом Коммунистической партии. Через три года Никишева призывают в ряды Красной Армии, на политическую работу.

До Халхин-Гола он хорошо изучил повадки японских войск на озере Хасан. Будучи там начальником политического отдела 39-го Сибирского стрелкового корпуса, Михаил Семенович проявил незаурядные способности. За хорошо налаженную организаторскую работу в войсках корпуса и личные подвиги он был награжден боевым орденом Красного Знамени. Вскоре после завершения событий в районе озера Хасан был избран делегатом XVIII съезда ВКП(б).

Полученный им первый боевой опыт был приумножен в боях на Халхин-Голе. Советское правительство высоко оценило его вклад в дело разгрома японских захватчиков, наградив орденом Ленина, а Монгольской Народной Республикой он удостоен ордена Красного Знамени и ценного подарка.

В Доме офицеров Сибирского военного округа в г. Новосибирске, на стенде, поныне хранится подлинник адреса на имя М. С. Никишева. Приведу его полный текст.

"Члену Военного Совета 17-й армии дивизионному комиссару товарищу Никишеву М. С.

Уважаемый Михаил Семенович!

Совет Министров Монгольской Народной Республики выражает Вам, Михаил Семенович, самую искреннюю признательность и горячо благодарит за самоотверженную и честную работу, проведенную Вами по выполнению обязательств,

принятых на себя Союзом ССР по договору о взаимной помощи с Монгольской Народной Республикой от 12 марта 1936 года.

Работая в Монгольской Народной Республике членом Военного Совета 17-й армии, вы показали образец личной храбрости и мужества, отваги и решимости при организации разгрома и уничтожения в 1939 году у Халхин-Гола японских захватчиков, посягнувших на неприкосновенность священных границ Монгольской Народной Республики.

В Вашем лице монгольский народ, бойцы, командиры и политработники нашей народно-революционной армии видели настоящего политического руководителя Армии - скромного, волевого командира, подлинного сына трудового народа, беззаветно преданного своей Родине.

Вы воодушевляли бойцов, командиров и политработников своей непреклонной волей к победе. Вы были настоящим политическим организатором фронта, подлинным образцовым политическим комиссаром славной Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Отмечая Ваши исключительные боевые заслуги перед монгольским народом, Совет Министров Монгольской Народной Республики награждает Вас ценным подарком - охотничьим ружьем системы "Зауэр" № 318039 и часами.

Пусть этот скромный подарок вместе с орденом Боевого Красного Знамени Монгольской Народной Республики, которым Вы награждены несколько ранее, явится знаком самой теплой, самой искренней дружбы, которая связывает Вас с народом нашей страны.

Премьер-Министр, Военный министр и Главнокомандующий вооруженными силами МНР

Маршал Чойбалсан

14 сентября 1940 года

г. Улан-Батор, № 26".

Не так давно мне довелось встречаться с женой М. С. Никишева, которую я хорошо знал в 1939 году. Она рассказала мне, что внезапное нападение фашистской Германии на нашу Родину застало их в Луцке. Михаил Семенович, будучи членом Военного совета 5-й армии, вместе со своим командующим, боевым товарищем и соратником по Халхин-Голу М. И. Потаповым, по боевой тревоге покинул гарнизон. И больше она его не видела. Известно, что 5-я армия вместе с другими объединениями Юго-Западного фронта приняла на себя невиданной силы удар фашистских армий: ожесточенное сражение за Киев шло 73 дня и ночи... При отходе в направлении города Лохвице Полтавской области, 20 сентября, штаб был

окружен. Наши держались до последнего патрона, но силы были далеко не равными, и 24 сентября остатки армии сгинули в неравном бою. Тогда же погиб и М. С. Никишев.

Мне вспоминается начало октября 1939 года, когда стало ясно, в какие пункты дислокации должны уйти войска, которые находились в районе Халхин-Гола. Военный Совет потребовал от командиров соединений и отдельных частей освоить отведенные районы в сроки, указанные в приказе командующего, укрыть войска до наступления серьезных холодов и поддерживать в них постоянную боевую готовность.

Чтобы обеспечить выполнение поставленных Военным Советом задач, М. С. Никишев мобилизовал весь партийно-политический аппарат. Активизировалась роль партийных и комсомольских организаций. Вся тяжесть политического руководства была перенесена непосредственно в части и подразделения.

Помню, как в морозные дни ноября в Тамацак-Булаке, Улан-Цэрэге, Баян-Тумэне (ныне Чойбалсан) взрывалась уже промерзлая земля: строились казармы, землянки для командного состава, водомаслогрейки, колодцы. Заготавливалось также топливо и многое другое, что требовалось для нормальной жизни войск. Несмотря на трудности, личный состав был полон бодрости и оптимизма. У походных кухонь, во время обедов на морозе, звучали солдатские прибаутки, розыгрыши, частушки. В частях 82-й и 57-й стрелковых дивизий, в танковых бригадах царили высокая дисциплина и организованность, исключавшие чрезвычайные происшествия.

В апреле 1940 года, незадолго до вызова в Москву, Г. К. Жуков провел крупное оперативное командно-штабное учение с привлечением войск Ундурханского гарнизона. На разборе его итогов руководство армейской группы особенно придирчиво оценивало тактическую выучку войск, оперативную подготовку руководящего состава, штабов, партийно-политическую и воспитательную работу в войсках. М. С. Никишев в своем выступлении подчеркнул мысль о том, что необходимо учитывать нарастающее напряжение международной обстановки. А потому надо усилить идеологическое влияние на бойцов и командиров, доходчиво разъяснять политику нашей партии и правительства на современном этапе строительства социализма. Заклучая разбор, Г. К. Жуков поддержал его и приказал обратить внимание на молодое пополнение бойцов и командиров, не принимавших участия в боях.

Как известно, политическая работа в войсках опиралась тогда на документы XVIII съезда партии, прошедшего в марте 1939

года. В них была дана обстоятельная оценка международной обстановки, отмечена растущая агрессивность Японии. Комиссары, политработники и все армейские коммунисты разъясняли личному составу материалы сессии Верховного Совета СССР, в которых указывалось, что "...Советское правительство не будет терпеть никаких провокаций со стороны японо-маньчжурских воинских частей на своих границах..."{47}.

Тем не менее, в первой половине 1939 года, после начала боевых действий на Халхин-Голе, и даже в оборонительный период в работе политического отдела корпуса, а затем и армейской группы, как и в работе политотделов ряда соединений и политаппарата частей, все еще имелись недочеты. Командующий Г. К. Жуков не раз указывал на них. Особенно это касалось связи политорганов с командованием и штабами, что выражалось в слабом информировании командования о состоянии частей, о дисциплине, поведении командиров, политработников и бойцов в бою.

Придавая важное значение усилению политической работы в войсках в боевой обстановке, Центральный Комитет партии в начале августа направил на Халхин-Гол начальника Политического управления Красной Армии армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса. В то время разворачивалась подготовка к генеральному наступлению. Ознакомившись с обстановкой, Л. З. Мехлис провел совещание с руководящим составом Управления армейской группы. От политорганов он потребовал усиления всех форм воспитания советских воинов и тесной увязки ряда вопросов с политорганами армии МНР. Уточнил содержание пропаганды, направленной на войска противника.

После этого Г. К. Жуков вместе с М. С. Никишевым и начальником политотдела П. И. Гороховым определил мероприятия по выполнению полученных указаний. Был несколько уточнен план партийно-политического обеспечения операции с тем, чтобы не раскрыть нашей подготовки к наступлению и в то же время пробудить высокую активность войск, укрепить дисциплину, совершенствовать тактическую выучку с учетом опыта проведенных боев.

Важно было сохранить день начала наступления - 20 августа - в тайне. В политорганах о нем знали только начальник политического отдела дивизионный комиссар П. И. Горохов и его заместитель - батальонный комиссар С. И. Мельников. Чтобы скрыть истинный срок от противника, политический отдел составил два плана. Один - для широкого пользования, рассчитанный до 18 августа. В нем говорилось об упорной обороне на занимаемых рубежах, но мероприятия политорганов

нацеливались на подготовку войск к решительному разгрому врага. Второй план - по 20 августа - являлся строго секретным, и потому им пользовались только начальник политотдела и его заместитель.

Строгость и официальность поведения Л. З. Мехлиса определялись его высоким положением и ответственностью перед ЦК ВКП(б). В то же время завидная опрятность и подтянутость армейского комиссара отдавали некоторой напыщенностью, высокомерием, фанаберией, что обуславливало общение с ним Г. К. Жукова на определенной дистанции, чего не наблюдалось с другими, не менее значимыми по положению представителями Наркомата обороны. Вызывали некоторое недоумение Военного Совета стремление Л. З. Мехлиса, в начале своего пребывания, основываться на докладах отдельных политработников без достаточного знания фактического состояния дел на местах и попытка проводить отдельные мероприятия, не согласуемые с задачами оперативной маскировки и замыслом командующего.

Георгий Константинович подчеркнуто рекомендовал М. С. Никишеву и П. Г. Горохову не допускать излишнего отрыва политработников от частей и подразделений, ведущих бой, работать с людьми дифференцированно, исходя из обстановки. Чем она тяжелее, тем ближе надо быть к бойцам, разделять и преодолевать с ними трудности, заботиться о людях. "Части резерва и вторых эшелонов должны учиться на опыте, как надо бить противника, а на передовой бдительно и упорно оборонять занимаемые рубежи - так надо понимать задачу каждого рода войск в данных условиях обстановки", - указывал командующий.

"Одной из важнейших кадровых проблем политотдела, - вспоминал П. И. Горохов, - было укомплектование политаппарата соединений и частей. К началу августа еще не везде были заменены выбывшие из строя политработники, хотя имелись значительные резервы численностью более трехсот человек{48}.

Кроме того, за три месяца войны выросли новые замечательные кадры, имевшие опыт боев с захватчиками. Это был золотой фонд, который держать под спудом было преступно. В течение нескольких дней все трудности были разрешены. Дивизионный комиссар П. И. Горохов проводил работу с кадрами дивизий и бригад, заместитель начальника политотдела батальонный комиссар С. И. Мельников ведал остальным звеном политработников. Секретарь партийной комиссии политотдела батальонный комиссар А. М. Помогайло поехал в соединения, где вместе с начальниками политотделов подобрал достойных взамен выбывших из строя секретарей и членов парткомиссий, секретарей и членов партийных и комсомольских бюро.

Таким образом, за небольшой срок к началу наступления во всех соединениях и частях, а также и подразделениях советских войск, занимавших оборону в районе реки Халхин-Гол, был полностью укомплектован состав политических работников, руководящих партийных и комсомольских органов. Новые кадры сразу же включились в активную работу, которая принесла необходимые плоды в ходе развернувшегося 20 августа генерального наступления.

В подготовительный период Военный Совет провел целый ряд совещаний, главной темой которых была мобилизация личного состава войск на отпор врагу. Одно из них, помнится, состоялось 12 августа. В большой палатке у горы Хамар-Даба были собраны комиссары и начальники политических отделов, военкомы отдельных частей и редакторы газет. На земляных скамейках здесь разместились до 80 политработников, прибывших прямо из окопов. Хотя в выступлениях само слово "наступление" и не упоминалось, но все, о чем говорилось, было пронизано подготовкой к решающему штурму. Через два дня, 14 августа, здесь же состоялось аналогичное совещание и с руководителями комсомольских организаций.

Следует отметить, что в дни самых жарких и ожесточенных схваток, когда бойцы, командиры и политработники смотрели смерти в лицо, поток заявлений о приеме в партию или комсомол был наиболее высоким. Каждый воин хотел идти в бой коммунистом или комсомольцем. Так, если за весь период боевых действий с японскими захватчиками было подано 3503 заявления о приеме в ряды партии и 4170 - в комсомол, то только за 10 дней августовского сражения, с 20 августа по 1 сентября 1122 бойца заявили о желании стать коммунистами{49}.

Для того, чтобы ускорить рассмотрение документов, как рассказывал А. М. Помогайло, были найдены гибкие формы приема в партию, которые полностью обеспечивали твердое проведение в жизнь незыблемого партийного закона индивидуального отбора новых членов в ряды партии.

Заявления о приеме в партию рассматривали ускоренным порядком, без вызова с передовой бойца или командира. Сначала ими занимались партийные бюро частей, затем делегатские собрания первичных партийных организаций. Делегаты, обычно в ночное время, собирались в определенном месте, где и решали окончательно вопрос о приеме. Вернувшись в свои подразделения, они сообщали коммунистам о своем решении.

Прием в партию занимал большую часть времени и был основным в работе партийных комиссий. Они, и прежде всего их секретари, на марше и в боевой обстановке были ближайшими

помощниками комиссаров и политических отделов, выполняли самые различные их поручения.

Ярким примером может служить деятельность старшего политрука Живолукова, имя и отчество которого, к сожалению, не помню. Он был секретарем партийной комиссии родной мне 11-й ордена Ленина танковой бригады имени М. П. Яковлева, в чьих рядах я начал свою службу в Монголии и с которой поддерживал связи, будучи адъютантом командующего.

Так, еще в ходе марша нашей танковой бригады из Ундур-Хана в районе Тамцак-Булака в конце мая 1939 года к исходу первого дня обнаружилась сильная растяжка тыловых колонн. Появилась необходимость назначить кого-то комиссаром тылов. Им стал старший политрук Живолуков. Позднее начальник политического отдела бригады полковой комиссар Р. П. Бабийчук вспоминал, что с введением новой должности работа политотдела улучшилась. Живолуков хорошо знал тыловую специфику, своевременно принимал посильные меры по устранению недостатков, регулярно информировал об обстановке.

Во время жарких боев на Баян-Цагане с 3 по 10 июля Живолукову было поручено организовать доставку боеприпасов, горючего, пищи, воды. Он возглавлял и эвакуацию раненых, и организацию работы медицинского пункта бригады в целом. Живолуков, как и другие секретари парткомиссий, проводил большую работу и с бойцами непосредственно в частях, вел людей в бой, проявляя личное мужество и отвагу в борьбе с врагом.

В период подготовки генерального наступления основная работа была перенесена непосредственно на передовую. Здесь, прямо в окопах, блиндажах партийная комиссия во главе со старшим политруком Живолуковым, как и партийные комиссии других соединений и партбюро частей, вели прием отличившихся воинов в ряды партии. Здесь же, на передовой, вручались и партийные билеты. В результате хорошо организованной работы только во время подготовки к августовскому наступлению партийные билеты были вручены 1138 воинам, а комсомольские - 1280{50}.

Таким образом, за этот период партийная организация 1-й армейской группы значительно окрепла. А это означало, что увеличилось число пропагандистов и агитаторов, возросло: число бойцов, горевших желанием быть в атаке впереди, считавших это теперь не только воинским, но и партийным долгом. Одновременно прибавилось полнокровных ротных партийных организаций в частях.

Исключительную роль в подготовке войск к наступлению

сыграла фронтовая печать. Во время военных действий на Халхин-Голе и в последующий период в войсках 1-й армейской группы выходили несколько газет, таких как "Героическая красноармейская", "Ворошиловец", "За Родину", "Красноармейская газета", "Атака", "Сталинский сокол" и другие. Но главной, наиболее любимой бойцами и офицерами, была фронтовая газета "Героическая красноармейская".

Придавая большое значение широкому освещению боевых дел советско-монгольских - войск на Халхин-Голе, Политическое управление Красной Армии направило к нам целый ряд писателей, сотрудников центральных газет и журналов. Все они на период конфликта были прикомандированы к редакции "Героической красноармейской". К концу августовской операции сюда же прибыл и молодой поэт Константин Симонов.

Самым удачным, по всеобщему признанию, жанром газеты были очерки, которые почти ежедневно печатались в ней под рубрикой "Герои Халхин-Гола". Нередки были случаи, когда на место боев писатели и журналисты направлялись непосредственно по указанию комкора Г. К. Жукова.

Особенное впечатление производили теплые, душевные очерки писателя В. Ставского, который в окопах, можно сказать, был своим человеком. Владимира Петровича запоминали все, кто хотя бы раз его видел. Высокий, полный, даже тучный, добродушный и жизнерадостный, как-то сразу, незаметно устанавливал контакт с каждым. Вскоре после первой встречи с ним я узнал, что В. Ставский был широко известен в литературном мире: он являлся редактором журнала "Новый мир". Узнал и то, что Ставский - литературный псевдоним, а его настоящая фамилия - Кирпичников. Простота и обстоятельность писателя, постоянное пребывание в гуще солдат на передовой, личное бесстрашие делали его очень популярным как в советских, так и в монгольских войсках.

Высокую оценку деятельности этого прекрасного литератора дал позднее Г. К. Жуков в своих мемуарах: "Особенно хочется сказать о Владимире Ставском... Мое личное общение с Владимиром Петровичем продолжалось до конца 1941 года. В начале августа он прибыл в 24-ю армию Резервного фронта, где я готовил операцию по разгрому ельнинской группировки противника и ликвидации его плацдарма в этом районе.

Встретившись, мы обнялись, вспомнили героические дни Халхин-Гола. Не задерживаясь в штабе, Ставский тотчас же выехал на передовую, где наши части вели напряженный бой. К утру следующего дня прислал свои заметки для армейской газеты, а мне записку с сообщением о тех трудностях, которые

приходилось преодолевать нашим войскам. Очень жаль, что этот настоящий писатель-баталист погиб, погиб как солдат в 1943 году в боях под Невелём"{51}.

По плану политического отдела заранее был подготовлен номер газеты "Героическая красноармейская", посвященный наступлению. 19 августа он был отпечатан и доставлен в политотдел 1-й армейской группы, а ночью развезен в соединения и части. Утром, на заре, после прочтения боевого приказа, за несколько часов до начала наступления газета была роздана бойцам.

Не прекращался выпуск газет и на протяжении всего наступления. Много места отводилось письмам красноармейцев.

Позволю себе привести некоторые из публикаций специального номера газеты "Героическая красноармейская" за 20 августа 1939 года.

"Шура, получил сегодня твое письмо, - писал красноармейцу Лапшову его брат, коммунист, бывший солдат, - из которого узнал, что японские самураи нарушили границу дружественной нам Монгольской Народной Республики, угрожая тем самым Советскому Союзу. Этим гадам не терпится, они, верно, забыли, какой удар получили у озера Хасан. Я тебе, брат, даю совет: будь до конца предан делу трудящихся масс, делу Ленина. Знай, что ты не один. Если тебя послали на фронт, то тебе доверят почетная задача - мужественно защищать свою Родину. Бей самураев, не отступай ни на шаг! Будь хладнокровным и смелым. Бей врага огнем, штыком и прикладом.

Шура, я прошу направить это письмо в штаб своей части. Я буду просить Наркома обороны товарища Ворошилова об отправке меня на фронт. До свидания, желаю здоровья и успеха.

Твой брат Ваня".

Бойцы и командиры части Грухина писали в политический отдел: "...Теперь наступил решительный час. В нашей груди клокочет ненависть к врагу. Нужно окончательно добить японцев. Мы не можем спокойно смотреть на то, что самураи до сих пор обстреливают наши позиции... Просим командование скорее послать нас на передовые позиции...". Федюнинцы обратились ко всем бойцам с призывом: "стремительно идти в атаку, окружить и уничтожить врага"{52}.

В общей массе печатной продукции в период боев на Халхин-Голе немалое место занимали листовки, лозунги, а также газеты "Голос японского солдата" на японском языке. Однако в оборонительный период этому важному виду пропагандистской работы не уделялось достаточного внимания. Одной из основных причин этого было отсутствие элементарной технической базы и

организационных мер. Листовки печатались в Улан-Баторе или Чите и потому доставка их не была оперативной.

22 июля было решено издавать газету на японском языке, редактором которой назначен полковой комиссар И. Сорокин, а заместителем - батальонный комиссар М. И. Бурцев. Вскоре были подобраны необходимые кадры, прибывшие из Забайкальского военного округа. Оттуда же поступила и полиграфическая база: шрифты, печатная машина и фотооборудование. Газеты, листовки и лозунги выпускались также на китайском и монгольском языках.

Доставлялись такие материалы в японские, маньчжурские и баргутские части самыми различными способами. Но лучшим средством их распространения была авиация. С этой целью в распоряжение полкового комиссара по приказу Военного Совета было выделено три бомбардировщика. С них регулярно сбрасывались агитационные бомбы - деревянные контейнеры, раскрывавшиеся на заданной высоте. Значительная часть листовок была спущена с разведывательных самолетов ручным способом. Использовались и все другие возможные способы доставки листовок в расположение противника, вплоть до переброски их во вражеские окопы с помощью обычных пустых консервных банок.

В лозунгах, листовках и газетах, предназначенных для разложения японо-маньчжурских войск, разоблачался империалистический характер войны японского милитаризма против монгольского народа. Почти все листовки были написаны самими же пленными и отпечатаны за их подписями, а часто и с портретами авторов. Все это не могло не повышать действенность пропаганды. Всего, как писал полковой комиссар И. Сорокин позднее, для вражеских солдат было отпечатано и распространено 99 текстов листовок, 30 лозунгов и 6 номеров газет.{53}

Широко действовал у нас и звуковещательный отряд. После завершения авиационной и артиллерийской подготовки, в 8 часов 45 минут 20 августа, он начал передачи словами пролетарского гимна: "...Это есть наш последний и решительный бой...". С ними наши наступающие порядки стали стремительно подвигаться вглубь обороны японских войск. С вершины Хамар-Дабы далеко и еще долго раздавались звуки "Интернационала", которые сменялись затем боевыми, маршами, веселыми песнями и частушками, под аккомпанемент которых части советско-монгольских войск громили захватчиков.

С раннего утра второго дня наступления, по указанию политического отдела армейской группы, отряд начал новую

форму передач, направленных на японских солдат. На пять, а то и восемь километров в глубину разносился голос диктора-переводчика интенданта второго ранга Г. И. Селянинова, читавшего обращение к японским солдатам с разъяснением причин и целей войны. С 20 по 30 августа звуковещательный отряд передал одиннадцать таких обращений к японским солдатам, которые были прочитаны на различных участках фронта шестьдесят раз.

Вспоминается мне и приход в один из августовских дней П. И. Горохова к командующему, чтобы получить разрешение на киносъемки оператору московской студии С. Е. Гусеву. Когда Г. К. Жуков не дал такого разрешения без санкции наркома обороны, Гусев обратился с соответствующей телеграммой непосредственно к Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову.

"Ранним утром следующего дня, - вспоминал С. Е. Гусев этот эпизод, меня вызвали к командующему. Г. К. Жуков принял меня в своем блиндаже довольно тесном подземном сооружении, на одной из стен которого висела за занавеской карта.

- Получен ответ от "Дербента", - сказал командующий и зачитал телеграмму, из которой явствовало, что нам разрешается вести съемки, а командованию предложено оказывать нам помощь. Затем Г. К. Жуков предупредил:

- Днем старайтесь не передвигаться на машине. Все свои действия согласовывайте с политотделом. И прежде всего смените пиджак и гимнастерку.

Я попросил разрешения сфотографировать его за работой.

- Не время, - нахмурился Жуков. - Рано позировать, надо делом заниматься. Снимайте солдат и командиров, к летчикам поезжайте, в группу Смушкевича. К Федюнинскому в полк заверните"{54}.

Коммунисты и политработники всегда были в передовых рядах сражавшихся. Не случайно в числе Героев Советского Союза, удостоенных этого звания за мужество и отвагу в боях у р. Халхин-Гол, можно встретить фамилии комиссара 22-го истребительного полка батальонного комиссара В. М. Калачева, политрука роты 11-й танковой бригады А. И. Киселева, комиссара разведывательного батальона 6-й танковой бригады политрука А. В. Котцова, комиссара стрелково-пулеметного батальона 8-й мотобронебригады старшего политрука А. Н. Московского, комиссара танкового батальона 6-й танковой бригады батальонного комиссара П. А. Скопина, комиссаров танкового батальона 6-й танковой бригады старшего политрука А. И. Суворова и младшего политрука В. И. Тихонова.

Начальник политотдела дивизионный комиссар П. И. Горохов

прибыл на Халхин-Гол из Ленинграда. Пользовался исключительно большим авторитетом среди личного состава группы. В начале ноября 1939 года вновь был назначен начальником политуправления Ленинградского военного округа. В годы Великой Отечественной участвовал в боях на различных фронтах, закончив войну членом Военного Совета армии. Потом генерал-лейтенант П. И. Горохов - член Военного Совета 53-й армии, переброшенной в Монголию с Запада и участвовавшей в освободительном походе в составе войск Забайкальского фронта против Квантунской армии.

Военком 9-й мотобронетанковой бригады полковой комиссар В. А. Сычев особенно выделялся среди политических работников соединений. В прошлом уральский рабочий-металлург, он прошел большую школу жизни в армии. "Василий Андреевич, - особо отмечал Г. К. Жуков, - хорошо помогал своему командиру бригады; нередко в сложной боевой обстановке он становился во главе своих частей и личной смелостью увлекал их на боевой подвиг. В годы Отечественной войны, будучи членом Военного Совета армии, он с такой же отвагой осуществлял возложенные на него задачи"{55}.

Комиссар 150-го бомбардировочного авиационного полка, питомец военно-политической академии имени В. И. Ленина, батальонный комиссар М. А. Ююкин 4 августа совершил беспрецедентный подвиг. На выполнение очередного боевого задания в тот день полк вел его командир - майор М. Ф. Бурмистров. Машина комиссара шла второй. Сбросив бомбы на цель, полк развернулся и лег на обратный курс. И вдруг самолет, ведомый Михаилом Анисимовичем, тряхнуло: в его левый мотор попал зенитный снаряд. Приказав экипажу - штурману Морковкину и стрелку-радисту Разбойникову - покинуть машину, комиссар огромными усилиями пытался удержать ее в горизонтальном полете. Но высота быстро падала. Поняв, что ничего сделать нельзя, Ююкин направил объятый пламенем бомбардировщик на артиллерийскую батарею врага. "Какую же надо иметь силу воли, - вспоминал позднее спасшийся штурман старший лейтенант А. Морковкин, - какую уверенность в конечной победе, чтобы в предсмертные мгновенья оказаться достойным такого подвига!"{56}.

Родина не забыла своего славного воина, наградив М. А. Ююкина орденом Ленина посмертно.

До конца выполнил свой воинский долг и комиссар 80-го стрелкового полка 57-й стрелковой дивизии батальонный комиссар Г. А. Куропаткин. Коренной питерец, он в бурные дни 1917 года участвовал в схватках с самодержавием на Неве. А с

весны 1919 года связал свою жизнь с Красной Армией. Участвовал в мобилизации для службы на Балтфлоте крестьян-украинцев. Затем служил в Сибири и на Дальнем Востоке в отрядах ЧОНа. В 1928 году командир взвода Куропаткин, проходя службу в Омске, подал рапорт с просьбой разрешить ему одиночный лыжный поход из Омска в Москву.

Получив разрешение и совместив отпуск за истекший и новый год, смелый воин 4 января 1929 года двинулся в далекий путь. Трудности, которые пришлось преодолеть командиру Красной Армии, были немалые, но Куропаткин выполнил поставленную перед собой задачу. В те дни газета "Правда" опубликовала его заметки "Как я прошел 2800 километров", которые заканчивались словами: "Теперь я сумею при обучении красноармейцев передать им свой опыт, а в боевых условиях со спокойной совестью вести свой взвод по лесным тропинкам и не боясь снежных сугробов..."{57} Реввоенсовет СССР высоко оценил волю и мужество Г. А. Куропаткина, наградив его Почетной грамотой и именными золотыми часами.

Упорство, выносливость и выдержка, приобретенные политработником в мирные дни, пригодились ему на Халхин-Голе, куда комиссаром 80-го стрелкового полка 57-й стрелковой дивизии направила его Родина. Совершив многотысячный путь пешком, дивизия прибыла из Забайкалья на Халхин-Гол.

На пятый день августовского наступления в районе Большие Пески, куда наступал 80-й стрелковый полк, японцы силою до батальона пытались выйти из окружения.

Создалась критическая обстановка. Комиссар полка, разгадав замысел врага, возглавил оставшийся резерв и повел его в атаку. Японцы открыли сильный ружейно-пулеметный огонь и стали бросать гранаты. Две упали возле комиссара. Одну из них он успел обратно бросить в японцев и кинулся ко второй. Но было уже поздно: граната разорвалась в его руке.

Родина высоко оценила подвиг комиссара, наградив Георгия Алексеевича Куропаткина орденом Ленина посмертно.

...23 августа 1939 года во время рейда-разведки танк, где командиром был комиссар разведывательного батальона 6-й танковой бригады политрук А. В. Котцов, таранил противотанковую пушку врага. Но при этом у его машины была повреждена гусеница. Танк закрутился на месте у подмятой пушки. Остальные экипажи в пылу боя не заметили этого и ушли вперед. Оставив башенного стрелка Н. Мирошниченко с заданием вести огонь из пулемета по укрывшимся в щелях японцам, политрук вместе с механиком-водителем В. Слободзяном быстро

выбрались наружу через аварийный люк. Под прикрытием корпуса танка и пулеметного огня они натянули гусеницу: боевая машина была вновь в строю и продолжала уничтожать пехоту врага. За этот и многие другие подвиги политрук А. В. Котцов и механик-водитель В. С. Слободзян были удостоены звания Героя Советского Союза.

Комиссар стрелково-пулеметного батальона 8-й мотоброневой бригады старший политрук А. Н. Московский неоднократно ходил в атаки, в рукопашной схватке с врагом он героически погиб. За проявленные в боях мужество и героизм Указом от 17 ноября 1939 года отважный комиссар был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно.

Комиссар батальона 6-й танковой бригады батальонный комиссар П. А. Скопим в ходе наступательных боев в августе 1939 года неоднократно участвовал в атаках. В одном из боев танк Скопина был подбит, и его экипаж в течение 18 часов отбивал атаки врага, пока не подошла помощь. 28 августа он возглавил смелую атаку красноармейцев на артиллерийскую батарею врага. Отважный комиссар был тяжело ранен и лишился руки.

Родина высоко оценила подвиг П. А. Скопина, удостоив его звания Героя Советского Союза.

Комиссар батальона 6-й танковой бригады старший политрук А. И. Суворов с 20 по 24 августа ежедневно и по нескольку раз ходил в танковые атаки, неоднократно участвовал в проведении разведывательных рейдов, добывая ценные сведения о противнике, а 24 августа вместе с экипажем героически погиб на поле боя.

Александр Ивановичу Суворову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Такого же высокого отличия удостоился и политрук роты 2-го танкового батальона родной мне 11-й ордена Ленина танковой бригады имени М. П. Яковлева старший лейтенант А. И. Киселев. В боях на Баян-Цагане он, возглавив роту, участвовал в нескольких танковых атаках, умело взаимодействуя с пехотой. Прямым попаданием вражеского снаряда его танк был подбит, а сам политрук смертельно ранен. Умирая, он сказал: "Я не выживу, но знаю, товарищи, что наше дело бессмертно, сильна наша партия, и ту борьбу, которую я вел, вы доведете до конца".

Отдали свои жизни за независимость монгольского народа многие комиссары и политработники 1-й армейской группы, среди них - комиссар 603-го стрелкового полка старший политрук Н. Л. Пильник, военком 127-го стрелкового полка батальонный комиссар Н. С. Сосунов, комиссар 70-го истребительного авиационного полка капитан Н. М. Мишин, комиссары 22-го

истребительного авиаполка старшие политруки А. Е. Гринденко (убит 27 июня 1939 г.) и Н. Ф. Бирик (убит 6 июля 1939 г.).

Умер в госпитале от ран военком батальона 149-го полка старший политрук Н. И. Мартынюк.

Многих из них я знал лично, с некоторыми встречался по службе или слышал о них от своих сослуживцев.

В заключение хочется подчеркнуть, что Г. К. Жуков в деятельности командующего постоянно опирался на партийно-политический аппарат. Как идейно убежденный коммунист, облеченный большим доверием Центрального Комитета, как полководец, он главное внимание уделял политико-моральному состоянию войск, политическому воспитанию бойцов и командиров, их профессиональной подготовке.

"Главное на войне - человек, его убежденность, во имя каких целей он идет в бой, не щадя своей жизни, - говорил Георгий Константинович на одном из совещаний ответственных работников штаба и управления армейской группы. Положение наших войск особое. Они воюют на территории дружественной нам страны в то время, когда на родной земле царит мир и все советские люди с особым подъемом строят социализм. Учитывать следует и возрастной состав. Например, в 82-й стрелковой дивизии много бойцов и командиров разных возрастов, призванных из запаса, некоторые из них имеют недостаточную военную подготовку. Надо довести до сознания каждого бойца и командира всю значимость благородной миссии наших войск в Монголии и необходимость защиты ее границ, как своих собственных. Решить эту задачу силами лишь одного политического аппарата и партийных организаций очень трудно, противник не ждет нас, а использует каждый наш недочет, каждую оплошность в нашей организации. Поэтому Военный Совет считает, что этим важным делом должны и обязаны заниматься постоянно и настойчиво все старшие начальники со своими подчиненными, все штабы и командиры. Политическое воспитание на марксистско-ленинской основе следует теснее увязывать с постоянной заботой о бойце, о его нуждах, о его выучке, обеспечении всем необходимым. При этом вести эту работу нужно так, чтобы слова не расходились с делом. А боевая дружба с воинами Монгольской армии должна совершенствоваться искренне и предметно, становиться достоянием всех воинов группы".

Приведу лишь один пример того, как с помощью партаппарата и органов массовой информации был в скором времени ликвидирован пробел в ночной подготовке наших частей. В один из июльских дней поздним вечером группа

японских солдат проникла в глубину обороны одной из частей 82-й стрелковой дивизии в районе реки Хайластын-Гол. Противнику удалось взорвать несколько бронемашин и совершить ряд других диверсий. Об этом сразу же было доложено командующему. Г. К. Жуков, М. С. Никишев и М. А. Богданов и сами видели отдельные взрывы, очаги пожаров со своего наблюдательного пункта.

- Данный эпизод многому должен нас научить. Японцы избрали момент снижения бдительности в нашей обороне, когда в частях проходил ужин и наводился порядок после дневных напряженных боев, - сказал командующий. Видимо, мы еще не все сделали, чтобы отбить охоту у самураев проникать на наши позиции под покровом ночной темноты. Это может привести к широким масштабам ночных действий.

Начальнику штаба М. А. Богданову тут же был брошен упрек в слабости боевого охранения в обороне войск. Не было и должной активности в ночное время со стороны наших частей.

У Военного Совета были серьезные основания для такого вывода. Сил и средств в обороне не доставало, сплошной фронт местами отсутствовал, между отдельными опорными пунктами имелось лишь только огневое взаимодействие, укрепить оборону инженерными заграждениями успевали не сразу. Все это создавало возможности проникновения противника между опорными пунктами, а тактика взаимодействия танков с пехотой и инженерными подразделениями в обороне только что обретала реальные формы.

Г. К. Жуков отчетливо понимал, что для восполнения пробела в ночной подготовке войск нужны активные формы воспитания и обучения всех родов войск, на всех уровнях их организации. Одними приказами решить такую сложную задачу было просто невозможно. Поэтому на следующее утро в блиндаже командующего руководство тщательно рассмотрело этот вопрос. По предложению М. С. Никишева было решено провести совещание с начальниками соответствующих политорганов, секретарями партийных и комсомольских организаций соединений и отдельных частей и редакторами газет. На этом расширенном совещании выступил Г. К. Жуков.

Анализируя обстановку на всем фронте, он отметил общее усиление ночных действий японских войск и обратил внимание на то, что приказы и указания по овладению приемами и способами ведения ночного боя не доходят по-настоящему до широких масс бойцов и командиров. Некоторые бойцы, да и командиры, по-прежнему недостаточно подготовлены и морально, и физически, и профессионально. Только этим можно объяснить успехи диверсионных групп на некоторых участках

фронта. Нам ночной бой нужен не только для того, чтобы отбить охоту у самураев рыскать по нашим позициям, взрывать, вести разведку и хватать зазевавшихся. Он нам нужен для ведения наступательных действий ночью в широком масштабе с тем, чтобы вырвать у японцев инициативу, сделать вид такого боя обычным для всех родов войск. "Но так как у нас с вами очень мало времени, - продолжал Георгий Константинович, - и каждый наш просчет стоит жизни бойцов и командиров, Военный Совет призывает развернуть во всю ширь воспитательную работу среди войск по овладению тактикой ночного боя, по пропаганде опыта, по доведению форм, тактических навыков и приемов одиночных действий и целых подразделений, тактики ночного передвижения на поле боя, ориентированию на местности, взаимодействию и применению оружия в ближнем бою".

Участникам совещания была представлена широкая возможность высказаться, поделиться опытом ночного боя своих частей и внести свои предложения. Все это легло в основу упомянутой выше специальной инструкции по обучению войск тактике ночного боя. Ночные действия противника стали весьма осторожными, а проникновение наших групп в его оборону вызывало панику, сеяло переполох и наносило урон.

Братская боевая дружба

Братская боевая дружба советского и монгольского народов зародилась в начале 20-х годов. Тогда монгольский народ только что освободился от более чем двухвекового господства Дайцинской (Маньчжурской) династии и начал создавать свое национальное государство. Однако страну вновь наводнили войска китайских милитаристов. Недавно сформированные полки Народной армии под руководством Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана разгромили во много раз превосходящие силы оккупантов и вышвырнули их за пределы Монголии.

Однако на смену им пришли новые угнетатели, среди которых был и белогвардейский барон Унгерн, вооружившийся на японские иены. Сил, которыми располагала молодая монгольская революция, было далеко не достаточно для отпора. Поэтому временное народное правительство по предложению Сухэ-Батора обратилось к Совету народных комиссаров с просьбой о военной помощи для изгнания из Монголии общего врага.

Правительство РСФСР Ответило согласием. Помощник Главкома войсками по Сибири В. И. Шорин 14 июня 1921 года отдал директиву командующему НРА ДВР и 5-й армии о сформировании экспедиционного корпуса и направлении его в братскую страну для окончательного разгрома банд Унгерна.

27 июня войска корпуса под командованием начальника и

военкома 35-й стрелковой дивизии К. А. Неймана вступили в Монголию. К ним присоединились формирования Народной армии во главе с Главкомом Д. Сухэ-Батором. "На следующий день состоялось совместное заседание ЦК МНП и Временного народного правительства с участием представителей командования экспедиционного корпуса, на котором было принято историческое решение о братском сотрудничестве в начавшемся освободительном походе частей Красной Армии, НРА ДВР и монгольских народных войск".{58}

Директивы, утвержденные Политбюро ЦК РКП(б) по инициативе В. И. Ленина, ориентировали Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) на соблюдение принципа самоопределения и национального освобождения Монголии, Давались прямые рекомендации действовать в полном согласии и контакте с Монгольской народной партией и совместно с красными монгольскими войсками. "Предписывалось с особым вниманием относиться к нравам, быту и взглядам монгольского народа, ничем не оскорблять его национальных чувств, религий и суеверий".{59}

Указания партии выполнялись строжайше. Монгольский народ почувствовал искренность своих освободителей, встречал их с радостью и отвечал всесторонней помощью. Боевое содружество получило реальное воплощение в решении задач революционного преобразования этой страны.

11 июля 1921 года народу было объявлено о преобразовании Временного правительства в постоянно действующее. С тех пор этот день торжественно отмечается, как дата победы Народной революции. После ликвидации остатков белогвардейских банд, установления порядка и создания условий для дальнейшей демократизации страны Советское правительство само предложило вывести наши войска, что и было сделано. В 1925 году Монгольское правительство от имени своего народа выразило благодарность за братскую помощь, а также надежду на поддержку в будущем в случае необходимости.

Халхин-Гол явился очередным испытанием прочности боевой дружбы и сотрудничества Советского Союза и МНР. Братство двух народов еще более окрепло на полях "необъявленной войны" с японскими милитаристами.

Войсками МНА на Халхин-Голе командовал заместитель Главкома, начальник Политического управления МНА корпусный комиссар Ж. Лхагвасурэн. Управление частями он вел через оперативную группу, состоявшую из нескольких высших командиров. Возглавлял ее комдив Ж. Цэрэн. Главным военным советником был полковник Ф. Н. Воронин.

По решению Главкома Маршала МНР Чойбалсана войска монгольской Народной армии, находящиеся в районе реки Халхин-Гол - 5-я, 6-я и 7-я кавалерийские дивизии, шесть артиллерийских полков (в том числе четыре в составе дивизий), два отдельных артиллерийских дивизиона, дальноточная батарея, два батальона связи, понтонный батальон, две гидротехнические роты и другие подразделения специальных войск, - были оперативно подчинены Военному Совету 1-й армейской группы. Это явилось важнейшим шагом на пути организации централизованного управления всеми войсками, ведущими бои в районе Халхин-Гола. Задача состояла в том, чтобы все части дружественных армий подчинить единой дисциплине, поддерживать их мобильность на уровне времени.

Проводя скрытую подготовку к решающему удару и обеспечивая внезапность осуществления замысла, Военный Совет и лично Г. К. Жуков стремились наладить предельно тесный контакт с командованием монгольской армии, обговаривали формы взаимодействия в боях. Состоялось несколько совещаний узкого круга лиц, причастных к управлению войсками. Через Ж. Лхагвасурэна и Ф. Н. Воронина решались и задачи интернационального воспитания цириков и бойцов Красной Армии. Член Военного Совета М. С. Никишев уделял первостепенное внимание организации партийно-политической работы в войсках. Г. К. Жуков в беседах с командирами кавалерийских дивизий всегда Напоминал о необходимости сознательного понимания смысла единства всеми воинами - от командира до рядового.

На первой встрече с командованием монгольских войск Г. К. Жуков в первую очередь выслушал предложения наших друзей по организации управления и взаимодействия штабов и войск в ходе боевых действий. Ж. Лхагвасурэн намеревался просить командующего определить монгольским частям самостоятельную полосу действий. Они, мол, оперативнее ориентируются в обстановке и смогут в таком случае принести больше пользы.

Георгий Константинович уже имел принципиальное решение по этому вопросу. Однако мнение Военного Совета высказал в конце разговора. Ему важно было не только вникнуть в позицию монгольских товарищей, но и добиться уяснения ими точки зрения советского командования.

Комкор кратко изложил общую оценку обстановки, коснулся перспектив возможного развития боевых действий, особо остановился на вооружении и тактике частей японской армии и тех задачах, которые возложены на советско-монгольские войска по разгрому японской армии.

- Военный Совет хорошо понимает ваши патриотические чувства и желание отличиться. Но здесь идет речь о том, кто кого: или мы их, или они нас. Вот почему единение сил и средств и разумное их использование является первостепенной задачей, - сказал командующий.

Георгий Константинович пояснил, что действия монгольских войск, находящихся на Халхин-Голе, на каком-либо самостоятельном направлении вряд ли будут целесообразны. Не боясь обидеть собеседников, он высказал прямо: "Мы все должны сознательно усвоить, что разгром противостоящего нам сильного противника возможен только под единым командованием наших армий. Маневрирование всеми родами войск будет определяться обстановкой, а она может быть очень сложной и изобиловать острыми ситуациями, К этому и надо себя готовить. Опыт боев на флангах надо закрепить и совершенствовать. Обеспечение флангов армейской группы возлагаю на ваши войска. Прошу свое решение согласовать со штабом и информировать меня для принятия окончательного решения".

Таким образом, было установлено единоначалие. Боевое содружество и сотрудничество облегчалось тем, что командный состав монгольской армии, особенно руководящая его часть, получили военное образование в Советском Союзе и свободно владели русским языком.

При налаживании и поддержании наших взаимодействий в боях возникло много проблем, которые в мирное время не давали себя знать. Надлежало отработать способы поддержания связей как по линии оперативного руководства войсками, так и политической, обмену боевым опытом, изучению противника и разоблачению агрессивной сущности японского милитаризма. Вскоре были установлены дружественные отношения между людьми, штабами, политорганами, достигнуто взаимное понимание задач и способов их решения.

Получив задачу и поняв замысел командующего, монгольские товарищи сами организовали управление своими войсками и решали вопросы взаимодействия на всех уровнях, особенно с частями и подразделениями советских войск.

Сам Георгий Константинович показывал пример уважительного отношения к воинам суверенного государства, их национальным привычкам, обычаям и традициям, к многовековой истории монгольского народа. Как-то во второй половине дня Г. К. Жуков, побывав на командном пункте 8-й кавдивизии, оборонявшейся на правом фланге, направился к переправе, где в зарослях кустарника стояла его машина. Пробираясь в густой высокой траве и коряжнике, он наткнулся на двух цириков. Они

сидели около потухшего костра. На углях стоял закопченный казан, в котором варилось мясо. Цирики с большим аппетитом обгрызали кости недоваренной говядины. По рукам их текла кровь. Георгий Константинович вступил с ними в разговор, а сам с любопытством присматривался к воинам и обстановке вокруг. Лично мне нетерпелось спросить, как же вы едите это почти в сыром виде? Но командующий молчал. А мне "высовываться" не полагалось.

Как только переправились через Халхин-Гол, он заговорил скупой, сдержанной: "Вот какие у них обычаи: наверное, в сыром витаминов больше. А может, от этого у них такие белоснежные зубы, а? Они же их не чистят. Да можно ли говорить об этом, когда степь для них - родной дом, в котором ни пасты, ни зубного порошка, а воды, порой, за золото не добудешь?!" - А вообще-то, есть ли у них кухни? - спросил он вдруг.

- Кухни есть, такие же, как у нас, - ответил я. - Мы с вами проезжали мимо, когда вы были в 6-й кавдивизии.

Эту информацию он воспринял без комментариев.

"В материальном снабжении войск Монгольской Народной Армии неоценимую помощь оказали автобазы Улан-Батора и Восточного аймака (Баян-Тумэн. - М. В.), а также гужевого транспорт восточных аймаков. Правительство Монгольской Народной Республики обеспечивало советско-монгольские войска мясoproдуктами, предоставило помещения для развертывания трех госпиталей и 42 медпунктов, в которых советские врачи оказывали необходимую помощь больным и раненым советским и монгольским воинам".{60}

Кстати, о "снабжении мясoproдуктами". Боен вблизи района не было. В границах тыла армейской группы содержались стада крупного рогатого скота и большой численности отары овец. Они перемещались вслед за тылами. Забой происходил по потребности в пределах армейских норм мясного довольствия. Благодаря такому порядку в самую жару личный состав питался свежим мясом. Этому не было цены.

Мне вспоминается солнечное августовское утро. В траншеях, глубоких лощинах и оврагах еще не исчезли капли росы, а на возвышенностях уже сухо и тепло. Окончив уточнение обстановки за ночь, докладывая командующему о выполнении очередного поручения и отправляюсь за шифровальщиком. Возвращаясь обратно, вижу, что в лощине на западных скатах Хамар-Дабы командующий и член Военного Совета оживленно беседуют с незнакомым мне монгольским товарищем. Стараюсь понять, что там происходит. Спрашиваю связиста: "Кто приехал?"

- Маршал.

- Какой Маршал?
- Чойбалсан.

Позднее я видел не один раз маршала Х. Чойбалсана и в окопах, и на приеме в Доме правительства, устроенном в честь вручения боевых орденов комкору Г. К. Жукову и члену Военного Совета дивизионному комиссару М. С. Никишеву. Знал дом, где он жил в Улан-Баторе. Он запомнился мне простым, доступным, обаятельным человеком с моложавым лицом и большими карими глазами.

Член Военного совета показывал маршалу командный пункт. Вблизи узла связи в складках горы Хамар-Даба размещались подразделения обеспечения, группа бойцов и командиров. Маршал вступил с ними в непринужденную беседу. По монгольскому обычаю начал с расспросов, как они себя чувствуют, как выполняют свои задачи, хорошо ли кормят и хватает ли мяса. Услышав последний вопрос, бойцы переглянулись, и кто-то отважился сказать, что "не мешало бы добавить". Все приняли это за шутку. Однако на второй день было получено извещение, что бойцам добавляют мясо. Позднее стало известно, Х. Чойбалсан после беседы отдал распоряжение министру финансов Ю. Цеденбалу насчет увеличения мясного пайка..

Товарищ Ю. Цеденбал занимался не только вопросами материального обеспечения боевых действий, но и проводил большую работу по поддержанию нормальных условий жизни советских граждан и воинских коллективов, находившихся в отдаленных гарнизонах. А надо знать, что в них нередко были и семьи.

В тот день фотокор "Правды" В. А. Темин сфотографировал Маршала МНР Х. Чойбалсана, комкора Г. К. Жукова, командарма 2-го ранга Г. М. Штерна. Фоном для этого кадра были степь и безоблачное небо.

Позже в своей речи на митинге цириков и командиров - участников халхингольских боев - маршал Х. Чойбалсан сказал: "Товарищи! Наш народ и вы - его верные сыны, в районе реки Халхин-Гол одержали большую победу. Вместе с бойцами Красной Армии вы очистили нашу землю от злейшего врага монгольского народа - японских захватчиков. От народа, партии и правительства передаю вам за это горячую благодарность.

...Товарищи! Наш монгольский народ живет счастливой и радостной жизнью. Растут хозяйство, наука и культура. Власть в стране принадлежит трудовому аратству. И этих завоеваний, добытых кровью нашего народа, мы не отдадим никому.

Японские милитаристы давно мечтают лишить

независимости монгольский народ. Но это им не удалось и не удастся, потому что нам помогал и поможет великий Советский Союз. Советский народ не один раз на деле доказывал свою заботу о нашей стране. Если бы не было помощи Страны Советов, то на нашей земле давно хозяйничали бы японские захватчики.

Совершенствуйте свои военно-технические и политические знания. Учитесь бить врага у советских инструкторов. Учитесь бить врага у бойцов Красной Армии".{61}

Монгольские товарищи знали, что главной боевой силой на Халхин-Голе являются части Красной Армии, и делали все от них зависящее, чтобы быть достойными союзниками. Боевые примеры - тому подтверждение.

В баян-цаганском сражении части 6-й кавалерийской дивизии попали в трудное положение. Они первыми оказались под сильным ударом японских войск. Держаться было трудно. Вооруженные до зубов японцы под прикрытием сильного огня артиллерии и авиации саранчой расползлись по Баян-Цагану.

- ...У нас не хватало сил, - вспоминал Дандар, - но вскоре на выручку пришли танкисты бригады Яковлева. Нам сразу стало веселей.

Трудно было и на правом берегу. Против одной части МНРА японцы пустили в бой танки, а за ними - пехоту. Но героические цирики во взаимодействии с подразделениями 149-го мотострелкового полка И. М. Ремизова и стрелково-пулеметного батальона 11-й танковой бригады успешно отбили все атаки. В этом бою отличились трое цириков под руководством Алузвиева: они подожгли три вражеских танка.

Работники редакций войсковых и армейских газет поистине не успевали описывать героические события. Помню такой эпизод. Номер "Героической красноармейской" только что получен в 15-м кавалерийском полку. Цирики бросаются к раздатчику газет, желая взять себе свежий номер. Но на всех газет не хватило. Поэтому организовали коллективную читку, обратив все внимание на инструктора. Его обступили цирики, нашлись и наши переводчики из командиров. Все хотели поскорее узнать новости очередного дня фронтовой жизни. Когда газетные вести иссякли, последовали повествования очевидцев.

Кто-то из цириков принялся рассказывать про 15-й кавалерийский полк 6-й кавдивизии, который в числе первых в середине мая вступил в бой с противником. Он взаимодействовал с подразделениями стрелково-пулеметного батальона 11-й танковой бригады, участвовал в уничтожении японцев на горе Баян-Цаган.

- О чем он говорит? - обратился я к инструктору.

- Вспоминает, что на Баян-Цагане был такой случай. Цирик Равдан под градом пуль противника, сам тяжело раненный, перевязал рану бойцу Красной Армии, который истекал кровью. А когда японцы пытались спасти свою шкуру, удирая вплавь с Баян-Цагана, лихой кавалерист Нанзат бросился на своем верном скакуне с крутого берега вслед за ними, настигал кого пулей, а кого клинком. Человек десять отправил ко дну и вернулся невредимым.

Когда 11-я танковая бригада была награждена Советским правительством высшей наградой - орденом Ленина, монгольские воины обратились к личному составу с письмом "Монгольский народ не забудет ваших подвигов".

В нем говорилось: "Бойцы, командиры и политработники части имени Яковлева! Примите наш горячий революционный привет!

Советское правительство наградило вас орденом Ленина. От всей души поздравляем с высокой наградой и желаем новых успехов в борьбе с нашим общим врагом - японскими захватчиками.

Свободный монгольский народ никогда не забудет героических подвигов отважных танкистов. Ваша победа над японскими самураями была подарком Монгольской Народной Республике в день ее пятнадцатилетия.

Тесно сплотимся вместе, рука об руку пойдем в решительный бой и разгромим японских разбойников, которых мы ненавидим так же, как ненавидите их вы. Нанесем японцам такой удар, чтобы на всю жизнь отбить у них охоту нарушать границы Монгольской Народной Республики".{62}

Письмо подписали: Сандай, Дугар, Нанзат, Цендецу, Аюши.

"Героическая красноармейская" из номера в номер помещала материалы, повествующие о взаимовыручке красноармейцев и цириков в боях. Авторами таких корреспонденции, как правило, были рядовые советские и монгольские воины. Многие вырезки газет я храню и по сей день.

"...Боевые цирики и их бесстрашный командир Дандар, - писал красноармеец М. Плакунов, - в конной атаке уничтожили до полка вражеской кавалерии, захватили много пленных, шесть пушек, семь пулеметов, около сотни винтовок и много другого боевого имущества.

Ревсомолец наводчик пулемета Доржигоча пулеметным огнем уничтожил до взвода самураев, захватил богатые боевые трофеи. Командир орудия Лувсанцэрэн несколькими выстрелами взорвал две машины с боеприпасами, транспортную машину с самураями, уничтожил одного японского офицера и двух солдат".

"...Мы навеки побратались с великим советским народом. В этой дружбе большая сила, - говорилось в письме группы цириков, помещенном во фронтовой газете накануне наступления, - ...у нас и у красноармейцев один враг: самурай. Вместе с нашими советскими товарищами мы горим одной ненавистью к японцам, одним желанием - ударить врага так, чтобы у японцев не было больше ни силы, ни охоты лезть на нашу землю.

Наступил час расплаты с заклятым врагом. Много бед монгольскому народу нанесли японцы. Мы за все отплатим одним могучим ударом. Цирики научились бить японцев. Наши глаза метки, клинки острые.

Мы клянемся своему народу и нашим советским боевым товарищам. В этом решительном бою у нас не дрогнет рука. Мы сметем и уничтожим заклятого врага.

Участники боев: лейтенант Хорло, политруки Махацина, Тумурбат, цирики Самбу, Шарав, Хоянхирва, Сосорбарма".{64}

9-я мотоброневая бригада, совершая маневр с севера, с целью окружения японцев и выхода на соединение с частями Южной ударной группы, восточнее высоты "Фуи" встретила сопротивление противника и завязала бой. Тем временем на линии самой государственной границы подорвалась на mine бронемашина взвода лейтенанта В. П. Денисова. Противник взял ее под обстрел. Очереди крупнокалиберного пулемета застучали по корпусу и башне.

В это время, продвигаясь вслед за подразделениями бригады, цирики 16-го кавалерийского полка обнаружили подбитую машину, спешили и начали обходной маневр, стремясь защитить экипаж и спасти машину. Пулеметный расчет цирика Д. Дагва заметил место, откуда строчил японский пулеметчик, и открыл по нему огонь. Экипаж машины, видя, что монгольские товарищи пришли на помощь, также стал стрелять из орудия и пулемета. Огонь противника прекратился. Конница вихрем поскакала к границе. Экипаж командира машины был спасен. Вскоре машина была эвакуирована на ближайший пункт сбора аварийных машин.

В последнем бою лейтенант В. И. Семеновский был тяжело ранен. Придя в сознание 31 августа в юрте монгольского медицинского пункта, он удивленно осматривался и долго не мог понять, что к чему. К нему подошел врач в белом халате и сказал на чисто русском языке: "Вы, товарищ лейтенант, были в очень тяжелом состоянии. Едва теплился пульс. Вас подобрали обескровленного, ни на что не реагирующего, а теперь, как

видите, вы разговариваете. Значит, все будет хорошо. Не волнуйтесь. Сейчас отправим вас в госпиталь советский, в армейский".

Вскоре подвели двугорбого верблюда, положили его на землю и усадили раненого впереди, а за ним - медработника, который должен был держать лейтенанта, чтобы тот не упал. По команде верблюд встал. "Животное было откормлено, мягкая шелковистая шерсть его согревала нас, - вспоминал Семеновский. - Степное мирное животное мерными шагами стало отсчитывать путь с поля боя, равномерно и плавно покачиваясь вперед и назад, как бы оберегая меня от мучительной боли..."

Этот пример боевой дружбы воинов двух братских армий глубоко отложился в душе капитана в отставке Семеновского, проживавшего в Омске. В 1945 году в войне против милитаристской Японии он командовал авиадесантным батальоном, действуя на направлении Хайлар-Цицикар.

Завершая разгром 6-й японской армии, войска выходили на линию государственной границы и срочно закреплялись. Взвод лейтенанта В. Красильщикова получил задачу организовать опорный пункт, в задачу которого входило прикрывать левый фланг батальона 9-й мотобронеприкрытия и стык с одной из частей 6-й кавалерийской дивизии МНРА. Организуя систему огня в обороне, лейтенант хорошо помнил указания командира батальона, что в ночное время на передовой без пехоты бронемашинам трудно, опасно. Нужна охранная служба вне машин, так как, сидя в них, экипажи рискуют подвергнуться нападению, что бывало не раз. При отсутствии надлежащей охраны диверсионным группам японцев удавалось проникать в оборону и жечь машины на позициях.

Оценив обстановку, командир взвода пришел к выводу, что одного огневого взаимодействия с соседними кавалерийскими подразделениями не достаточно и потому установил личную связь с монгольскими воинами. Командир эскадрона 16-го кавалерийского полка встретил Красильникова как боевого друга и родного брата. Их чувство и мысли были едины - не допустить незамеченным коварного противника. Все наши воины понимали, что бои идут с полным напряжением сил. Враг мечется в отчаянии. Подходящие резервы с хода вводятся в бой. Окруженные части противника стремятся во что бы то ни стало вырваться из кольца. Поэтому командир эскадрона выделил взвод спешившихся конников для совместной обороны, расположив его впереди бронемашин нашего взвода.

- Вот так мы и держали оборону, пока не закончились бои, - рассказывал мне бывший кавалерист Д. Цендецу.

- Мы были как одна семья. И горечь поражения, и радость побед - все делили пополам с советскими бойцами и командирами. Теперь я разъясняю своей молодежи, что в боевой и искренней дружбе с Советской Армией, советским народом - наше счастье, наше светлое настоящее и будущее.

Вспомнился и другой эпизод. После поездки в войска Г. К. Жукова ожидали писатель В. Ставский и кинооператор В. Е. Гусев. Их интересовали предстоящие переговоры с японским командованием. В разговоре с ними я вспомнил и сообщил им, что монгольские командиры спрашивали, почему долго не приезжает к ним товарищ Ставский, и просили передать ему привет.

- Вот теперь и разрешите этот привет вам передать, - заключил я.

Писатель поблагодарил и сказал, что очень любит простые обычаи, гостеприимство и открытую душу монголов.

- Хочется мне о них написать, представится случай, я это сделаю, сказал он на прощанье.

Писатель был большим другом монгольских воинов. "Как сегодня цирки воевали? Кто из них отличился?"

- Об этом неизменно справлялся Владимир Петрович, как только появлялся на армейском командном пункте.

- Товарищ Ставский, - обратился к нему однажды член Военного Совета М. С. Никишев. - По случаю победы во всех частях и соединениях проходят партийные собрания. Нам важно, чтобы множилась бдительность и были бы приняты меры к созданию неприступности границ. Вы обращались с просьбой посоветовать вам, когда удобнее побывать у наших монгольских друзей, чтобы с ними поговорить. На партийных собраниях коммунисты назовут героев. Свяжитесь с советниками, сами решите - куда поехать.

- Спасибо за внимание и доверие. Я рад принять посильное участие, рассказать читателю о тех, кто вместе с нашей армией ковал победу над японцами.

Через некоторое время в газете "Героическая красноармейская" он опубликовал статью "На песчаных барханах". В ней рассказал о двух партийных собраниях коммунистов Красной Армии и членов Монгольской народно-революционной партии - воинов МНРА.

Особое внимание боевой дружбе уделял Г. К. Жуков. Встречи с руководством МНРА, с командирами кавалерийских дивизий проходили всегда в деловой обстановке, откровенно, тепло и сердечно, с уважением достоинства союзников. Ему хотелось, чтобы монгольский народ имел свою сильную армию, на уровне,

современного развития военного дела. Георгий Константинович постоянно заботился о том, чтобы монгольские командиры и цирики глубже осваивали опыт боев, внедряли бы его в практику обучения и воспитания защитников МНРА.

Мне хорошо запомнилось одно расширенное совещание, на котором присутствовали руководство МНРА и командиры кавалерийских дивизий, участвовавших в войне. Оно заранее готовилось и было обеспечено схемами проведенных пограничных боев и Баянцаганского сражения.

Командующий выступил с анализом применения конницы и организации взаимодействия различных родов войск в операции. Он отлично знал конницу и в короткий срок сумел оценить ее действия в условиях открытой степи и песчаных барханах против врага, технически оснащенного современными средствами борьбы, - авиацией, танками, более мощной артиллерией и массовым количеством автоматического оружия.

Выводы его сводились к следующему.

Во-первых, резко возросла уязвимость конницы с воздуха, особенно при атаке противника. Практически чистая конная атака обороняющихся обречена на поражение. Казалось бы, что это очевидно всем. Однако в отдельных случаях подобные ошибки допускались, что приводило к большим потерям.

Качественное изменение вооружения коренным образом меняло существующие со времени гражданской войны взгляды на применение родов войск в бою, в частности, конницы.

Командующий рекомендовал, а от советников требовал: всякое наступление конницы проводить после тщательной разведки и только во взаимодействии с пехотой, танками и авиацией при мощном артиллерийском обеспечении. Поскольку бой носит маневренный характер, подразделения конницы надлежит обучать быстрому спешиванию и умелой организации противотанковой обороны.

Во-вторых, оценивая конкретную обстановку, командующий обращал внимание на то, что наиболее ценное качество - подвижность - конница может успешно использовать лишь тесно взаимодействуя с танками при атаке с флангов и в действиях по тылам.

После совещания состоялось несколько оперативно-тактических летучек в свете сделанных выводов. Это способствовало укреплению и повышению боеспособности подразделений, росту мастерства командиров всех степеней и более успешному применению конницы. Мы убедились в этом в ходе последующих боев.

В один из июльских дней, когда погиб командир 11-й

танковой бригады М. П. Яковлев, обстановка на левом фланге складывалась для нас весьма невыгодной: 149-й мотострелковый полк, часть сил 11-й танковой бригады, подразделения 5-й стрелково-пулеметной бригады, 9-я мотобронетанковая бригада с трудом сдерживали многочисленные атаки японцев. 12 июля японцы всеми силами обрушились на позиции наших войск с целью уничтожения обороняющихся в захвате центральной переправы. Комбриг ясно себе представлял ту ответственность, которая была возложена Г. К. Жуковым на войска, сражавшиеся на плацдарме. Однако временами создавались критические ситуации. В одной он был вынужден покинуть свой танк и повести в контратаку пехоту. Тогда была дорога любая помощь, облегчающая бой на плацдарме. В этом отношении заслуживает внимания такой пример.

Взаимодействуя с войсками корпуса, командир 6-й кавалерийской дивизии полковник Л. Дандар, понимая тяжелую обстановку, по своей инициативе предпринял атаку с тыла и по правому флангу противника, который рвался к переправе. Японское командование было вынуждено принять контрмеры. Часть сил была повернута фронтом на север против атакующих монгольских подразделений, дабы не допустить повторного баянцагана. Это позволило нашему командованию усилить оборону плацдарма. Была проведена некоторая перегруппировка. Включились в бой силы 5-й стрелково-пулеметной бригады, 9-я мотобронева бригада, понесшая значительные потери, выведена в резерв и заменена 24-м мотострелковым полком, и, наконец, были форсированы восстановительные работы в танковых подразделениях.

Георгий Константинович высоко оценил инициативные действия командира дивизии Л. Дандара. Об этом он сказал Лхагвасурэну и главному военному советнику Ф. Н. Воронину, а после заявил на одном из совещаний с командирами соединений и частей. "Такими, - особо подчеркнул он, - должны быть командиры всех степеней. Подобную активность надо пропагандировать и всемерно поощрять".

Выезжая на местность, в полосы обороны монгольских кавалерийских дивизий, комкор с учетом сложившейся обстановки помогал командирам и штабам в организации и ведении боя, требовал от них соответствующей мобильности, собранности, умелых, решительных действий. Командиры соединений и отдельных частей в полевых условиях привлекались к проведению рекогносцировки, проигрыванию вариантов наступления на картах и макетах местности.

Наши боевые побратимы постоянно приглашались на

командно-штабные войсковые учения. Как правило, Георгий Константинович создавал на них деловую, дружественную обстановку, что способствовало укреплению взаимопонимания и сотрудничества. Он был внимателен и отзывчив к нуждам и просьбам монгольских товарищей и после окончания боев, в их повседневной жизни.

...Я вспоминаю первое знакомство с этой страной. 1939 год. Небольшая группа молодых лейтенантов, прибывшая в Улан-Батор, была размещена в одном из бывших ламских помещений. Нас окружали буддийские строения: бронзовые статуи, узорчатая резьба, немеркнувшие краски. Наш путь в столицу пролегал через известный пограничный пункт Кяхта. Безлюдные снежные просторы поражали своей неоглядностью. Сухой и жесткий ветер гнал поземку, переметая и без того заснеженную дорогу.

Местами автомобиль с трудом прорезал небольшие, но плотные, спрессованные ветром снежные валы. Мы то и дело выпрыгивали из кузова и по общей команде проталкивали грузовик вперед. Поземка тут же затягивала наш след.

Городское население, особенно на окраинах, размещалось в юртах. Подошли к одной из них. Заходим внутрь. Холодный воздух белыми клубами врывается в двери. Железная печь раскалена докрасна.

- А говорили, что в юртах монголы жгут открытые костры, - вполне голос произнес мой однокашник Коля Ермоленко.

- Так это же город. А в степях печей нет ни у кого, - ответил другой лейтенант.

Тепло жилища с холода всегда приятно. Но вот тепло человеческой дружбы - особенно. Хозяева, сидевшие на полу, устланном кошмой и коврами, встретили нас улыбками. Вокруг матери сустились трое маленьких ребят. Их глаза выражали нескрываемое любопытство.

Наш проводник заговорил по-монгольски. И вот нам уже показалось, что мы находимся среди близких людей. Хозяин уступил нам лучшие места у печи, а хозяйка стала готовить монгольский чай.

На стенах юрты, обтянутых белым полотном и коврами, два популярных портрета. "Сухэ-Батор, Ленин, Сухэ-Батор", - старательно произносил глава семьи, внимательно глядя на каждого из нас: понятно ли он говорит.

На прощанье мы отдали детям простую красноармейскую звездочку. Они передавали ее из рук в руки, гладили пальцами. Мы не предполагали, что им будет так дорог непритязательный солдатский подарок...

Распрощавшись тепло и сердечно, мы вышли на улицу.

Суровый ветер снежной пылью забивал глаза.

Припоминается и другой случай. Было это в Ундур-Хане во время первомайской демонстрации в 1939 году.

Солнечное утро было на редкость теплым. Даже в летней форме, без шинелей, холода не ощущалось. Стройные колонны подразделений чеканили шаг. По обеим сторонам дороги - много людей. На улицу вышли все - и стар, и мал. На праздник прибыли даже из ближайших кочевых мест. Кое-кто из степняков гарцевал перед нами на лошадях.

На городской площади, выбранной для демонстрации, к нам подошли два монгола. Один из них на ломаном русском языке пытался объяснить, что бойцы легко, не по погоде, одеты.

- Смотрите, - показал он в сторону тянувшейся горной цепи. - Буря будет. Снег пойдет. Холодно станет.

Вдали, из-за горизонта, медленно выплывали синевато-белые тучи с переливами темных до черноты полос. Вскоре подул пронзительный ветер. Шествие колонн ускорилося. Начиналась буря. Все стремились быстрее добраться до своего городка.

Через некоторое время рота выступила на учение. С окраины городка танки развернулись в боевой порядок и * атаковали спустившегося с гор "противника". Ведя огонь холостыми выстрелами, танки перешли в стремительное преследование "неприятеля". Вдруг из-за "Долины смерти" - так называли кладбище, галопом выскочили десять всадников. Они лихо, с задором и криком подключились к нашим танкистам и вместе преследовали "противника" километров десять.

Когда мы остановились, то оказалось, что перед нами - юноши. Мы спросили, зачем это они делают. Могли же под танки попасть. Юные всадники дали нам понять, что скоро они станут цириками и будут вместе с бойцами Красной Армии учиться бить врага, защищая свою Родину.

Таким образом, основы братской, боевой дружбы закладывались еще в мирное время.

Как-то вдали от города во время учения наши танкисты, после прорыва "обороны противника", ринулись вперед. Боевые машины вышли на оперативный простор и развивали успех в высоком темпе. Весь день шел напряженный "бой", вторые сутки войска не знали сна и отдыха. Тогда же впервые мы увидели и сопровождавшую нас авиацию - самолеты "И-16". Временами они появлялись и снова уходили на свои аэродромы. Вслед за танками тянулась артиллерия. Но она не вся была на механической тяге, поэтому отставала, что усложняло ее задачи.

Где-то на флангах монгольская конница совершила обходной маневр. Произошла растяжка боевых порядков.

Наступили вечерние сумерки. Ветер затихал. Небо густо синело, а до восхода луны еще долго. Вскоре дальние горы скрылись в темноте, а равнина, лишенная крупной растительности, без населенных пунктов, сама превращалась в "противника". Один неосторожный шаг и - потеря ориентировки. Можно плутать сутками и никого не встретить.

Командир танкового батальона майор Г. М. Михайлов получил приказ: к утру овладеть водным рубежом - рекой Керулен, "захватить" плацдарм и удерживать его до подхода главных сил. На помощь пришел командир разведывательного кавалерийского взвода кавалерийского полка МНРА лейтенант Х. Сандуй.

- Этот участок реки я хорошо знаю, - сказал он, показывая на карте. Прямо - небольшие две сопки прикрывают подход к урезу воды. Здесь может быть сильная оборона. Не пройдем. Лучше всего обойти эти высоты вот отсюда. Я могу быть проводником, а мой взвод не отстанет, к рассвету придет, не заблудится.

- Спасибо тебе, товарищ Сандуй. Я согласен, - произнес комбат и обратился к нам, командирам. - Компас и звезды - вот наши верные друзья. С их помощью батальон выйдет к реке, вот в этом направлении. Азимут 270 градусов.

Медлить было нельзя. Построившись в колонны, мы двинулись к реке. Но вот первая рота попала под огонь "противника". "Загорелись" два танка, один из них "подорвался" на минах. "Противник" расстреливал танкистов в упор. Заминка. Комбат решает идти в обход. Но как далеко, неизвестно. Рассвет только начинался. Разведка доносит о наличии "противника" справа.

Не нарвались ли на засаду? Но отходить нельзя: в темноте не вывести танки из боя; с другой стороны, наступать, не зная противника, тоже опасно. Запахло поражением. И комбат принял решение - вперед на "врага".

Вот и удача. Монгольская конница ударила с тыла. "Враг" дрогнул и в панике стал отходить к реке. Предмостное укрепление было опрокинуто. Танкисты на плечах "противника" ворвались на переправу, овладели ею и захватили плацдарм. Поставленная задача была выполнена согласованными действиями наших и монгольских частей.

Так, накануне халхингольских событий закладывался фундамент совместных умелых действий частей и подразделений наших армий против войск агрессоров. Потом это все здорово пригодилось.

...Один из танков уже в настоящем бою потерпел аварию. Вышел из строя мотор. Машина оказалась неподвижной. Экипаж

искал выход, старался устранить неисправность. Черная ночь окутала танкистов и глушила далекое эхо артиллерийской канонады.

- Надо ждать рассвета, - принял решение командир танка И. Бобров.

Но вскоре послышался лай собак. Два всадника подъехали вплотную к танкам. Узнали, в чем дело, и немедленно пустились в галоп. Темная ночь вмиг поглотила их. Цокот копыт постепенно пропадал в ночной тиши, и, наконец, его не стало слышно.

- Сколько времени прошло, сказать трудно, - рассказывал потом Бобров, и нам было не по себе. Товарищи воюют, а мы стоим, как говорят, капитально. Но также внезапно всадники появились вновь, спешили, как старые знакомые, и в большом куске материи подали нам полтуши бараньего мяса. Один из монголов похлопал нас по плечу, подал нам коробку спичек, жестом показывая, что надо развести костер. Из-за незнания языка мы не могли как полагается объясниться и высказать слова благодарности.

Наутро, еще до восхода солнца, они же опять навестили нас и стали звать к себе командира. Для безопасности предлагали оставить двух собак-волкодавов в качестве сторожей танка.

Устранение неисправности подходило к концу. Они дождались, пока не завелся мотор.

- Вот теперь бы закурить, да и в путь, - произнес механик-водитель, делая характерный жест.

Не мешкая, тут же, один из монголов достал из широкого и глубокого кармана одежды трубку с длинным костяным мундштуком, набил ее табаком, зажег, затянулся глубоко и, убедившись, что трубка заполнена, передал ее воинам.

- - Но нас встревожила, - рассказывал Бобров, - озабоченность на его бронзовом широкоскулом лице. Его карие глаза выражали тоску, а по мимике мы поняли, что в его доме случилась какая-то беда.

Экипаж не мог пройти мимо. Вслед за коротконогими, коренастыми, быстрыми конями помчался и танк.

Оказалось, что кочевье было разбросано совсем недалеко. Тучные отары овец, коров и лошадей, словно в загоне охраняемые собаками, паслись на свободных землях, покрытых зеленой и сочной травой широкого плато.

Остановившись, командир танка вышел из машины и посмотрел в сторону жилья. Из юрты выбежали дети. Распахнулась дверь. Внутри, на большом разостланном ковре, в постели лежала больная женщина - мать пятерых малышей.

- Я понял, - говорит Бобров, - что ей нужна немедленная

медицинская помощь, в которой, к сожалению, никто из нас ничего не понимал. Командир вспомнил, что в танке имеется своя аптечка, где, кроме йода и перевязочных средств, заложены какие-то порошки от простуды. Механик-водитель принес из танка аптечку и отдал лекарство больной. Она тут же приняла один порошок и снова улеглась в постель.

Следует заметить, что монголы всегда с большим желанием посещали наши лечебные учреждения. В их памяти еще свежа была ламская антинаучная, невежественная медицина, которая вела нацию к полному вымиранию. Они убедились в бескорыстности и честности нашего медицинского персонала и ему доверяли свою жизнь полностью.

Воины тепло распрощались и двинулись искать своих. Вскоре к больной был послан врач на санитарной машине. И через некоторое время те же танкисты вновь навестили больную, но увидели цветущую жизнерадостную женщину, с материнской лаской угостившую их густым ароматным чаем.

...Наступила осень. Степь стала другой. Трава высохла и пожелтела. Отдельные кусты степного ковыля еще были зелеными, напоминая собой только что прошедшее лето.

Тихо и свежо. Днем пригревало солнце, принося людям радость, а ночью временами случались заморозки. Чувствовалось приближение зимы. Наши знакомые, ставшие друзьями, собирались в далекий путь, на юг страны, на новые зимние пастбища. Мы трогательно распрощались и помахали руками вслед уходящему тяжело груженному каравану верблюдов.

После одержанной победы имя Жукова стало популярным среди монгольского народа. На фотостендах Центрального, Восточного и Архангайского аймаков, в Центральном музее в Улан-Баторе портреты Г. К. Жукова мы видели на самых видных местах. Его вспоминали с почетом и уважением.

Дружеские симпатии монгольского народа и высокую оценку, данную ЦК МНРП и Монгольским правительством за блестящий разгром войск японских милитаристов, Георгий Константинович ощущал постоянно. Однако был строг, тактичен, сдержан и скромнен. Доброе слово о нем всегда относил не к себе, а к нашей партии коммунистов, Советскому правительству, героическим воинам Красной Армии.

В Монголии Г. К. Жуков пробыл немногим более 11 месяцев. Этот небольшой срок времени характеризовался напряженной международной обстановкой и был насыщен недюжинным трудом командующего. Еще Первого мая 1940 года вместе с Х. Чойбалсаном Г. К. Жуков провел парад войск Уланбаторского гарнизона. А уже через несколько дней был отозван на Родину,

где был чествован как победитель.

Установившиеся связи с руководством МНРП и монгольским правительством не прерывались вплоть до ухода Маршала из жизни. В День Победы Советского Союза над фашистской Германией 9 Мая 1945 года тов. Х. Чойбалсан писал:

"Москва. НКО.

Командующему 1-м Белорусским фронтом Маршалу Советского Союза тов. Жукову.

Дорогой Георгий Константинович!

От всей души поздравляю Вас с праздником Победы, с днем всенародного торжества всех свободолюбивых народов мира, с полным разгромом гитлеровской Германии.

Сердечно желаю Вам, близкому другу монгольского народа, доброго здоровья и всяческих успехов... - Чойбалсан"{65}.

3 мая 1946 года постановлением № 20 Президиума Уланбаторского городского самоуправления МНР Г. К. Жуков был избран Почетным гражданином столицы МНР города Улан-Батора.

В нем говорилось: "Избрать Почетным гражданином столицы МНР города Улан-Батора трижды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза Жукова Георгия Константиновича". В этой связи в письме Х. Чойбалсана от 6 мая 1946 года говорилось: "Москва, Министерство Вооруженных Сил Союза ССР, Маршалу Советского Союза тов. Жукову Георгию Константиновичу.

Дорогой Георгий Константинович!

Отмечая Ваши выдающиеся заслуги в деле окончательного разгрома самого ненавистного врага всего свободолюбивого человечества - гитлеровской Германии, а также помня Ваши заслуги перед нашим народом в памятные дни Халхин-Гола в боях с нашим общим врагом - империалистической Японией, граждане города Улан-Батора избрали Вас, как дорогого и близкого друга монгольского народа, Почетным гражданином столицы МНР - города Улан-Батора.

Сообщая Вам вышеизложенное, сердечно поздравляю Вас с этим избранием и от всей души желаю Вам доброго здоровья и долгих, долгих лет жизни.

Премьер-Министр МНР - Чойбалсан"{66}.

На это 10 мая 1946 года Г. К. Жуков ответил:

"Улан-Батор, Маршалу Монгольской Народной Республики Чойбалсану.

От всей души благодарю граждан Улан-Батора за оказанную мне честь избрания Почетным гражданином славной столицы Монгольской Народной Республики. Навсегда останется в моей памяти борьба свободолюбивого монгольского народа в дни

Халхин-Гола, оказавшего своими усилиями немалую помощь русским воинам в деле разгрома японского агрессора.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков".

По случаю первой годовщины победы над фашистской Германией Х. Чойбалсан прислал свое приветствие, в котором говорилось:

"Москва, Министерство Вооруженных Сил СССР Главнокомандующему Сухопутными войсками Маршалу Советского Союза Жукову Георгию Константиновичу.

Сердечно поздравляю Вас по случаю первой годовщины победоносного окончания Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии.

В этой всемирно-исторической победе имеется большая доля Ваших личных заслуг, дорогой Георгий Константинович, которые навсегда войдут в историю и вечно будут жить в сердцах всех народов мира, избавленных от угрозы фашистского порабощения.

От всей души желаю Вам доброго здоровья, долгих лет жизни и плодотворной работы в деле укрепления военной мощи Советского государства.

Премьер-Министр МНР Х. Чойбалсан.

8 мая 1946 года".

В дни 30-летнего юбилея победы над японскими захватчиками в районе реки Халхин-Гол звание Героя МНР было присвоено бывшему командующему советскими войсками в Монголии Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову за выдающиеся заслуги в защите и укреплении свободы и независимости монгольского народа, мужество и героизм, проявленные в совместных боях против общего врага, за умелое и образцовое руководство Советскими и Монгольскими войсками в сражениях у реки Халхин-Гол в 1939 году, завершившихся полным окружением и решительным разгромом 6-й армии милитаристской Японии.

Боевая дружба двух братских армий, скрепленная совместно пролитой кровью на барханах и долинах Халхин-Гола, крепла и развивалась и в последующие годы. Вероломное нападение полчищ фашистской Германии на Советский Союз вызвало гнев и возмущение всего монгольского народа. Уже 22 июня, то есть в день начала войны, Президиум Малого Хурала, Совет Министров МНР и Президиум ЦК МНРП приняли совместное постановление, в котором, в частности, говорилось: "Правительство МНР и Президиум ЦК МНРП заверяют правительство Советского Союза... что симпатии нашего монгольского народа целиком и полностью на стороне Союза Советских Социалистических Республик, что наш народ готов рука об руку с советским народом грудью встать

на защиту свободы и независимости, на защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции..."{67}.

Да, монгольский народ не оказался в стороне от титанической битвы советского народа и его Вооруженных Сил против войск гитлеровской Германии, хотя и не принимал непосредственного участия в их разгроме на западных фронтах Великой Отечественной войны. Монголия помогала нашему народу и его армии в годы тяжелой войны всем, чем могла, и совсем не от избытка материальных средств. Здесь собирались индивидуальные подарки для наших воинов, создавались фонды в помощь Красной Армии. Нам поставляли лошадей, отсюда поступала помощь населению освобожденных районов Советского Союза.

ЦК МНРП на одном из первых пленумов после начала Великой Отечественной войны создал Центральную комиссию по сбору подарков Красной Армии во главе с С. Янжимой{68}. Об оперативности действий этой комиссии говорят следующие данные: в 1941 году араты и служащие Монголии собрали и отправили на советско-германский фронт десятки тысяч полшубков, валенок, меховых рукавиц, белья и пр. на общую сумму свыше 1813 тыс. тугриков{69}. К марту 1943 года из братской Монголии в действующую армию было отправлено 8 эшелонов подарков, в том числе 60 тысяч индивидуальных посылок для бойцов и командиров.

Кроме того, в ответ на призыв XXV сессии Малого Хурала МНР трудящиеся Монголии к началу 1942 года собрали большое количество средств на строительство танковой колонны "Революционная Монголия". В телеграмме Советскому правительству Х. Чойбалсана, Ю. Цеденбала и Г. Бумацэнде 17 января 1942 г. говорилось: "...просим принять в качестве вклада монгольского народа в наше общее дело разгрома ненавистного врага 300 кг золота, 100 тыс. долларов и 2500 тыс. тугриков{70}, собранных благодаря труду народных масс. Сбор средств в фонд обороны страны продолжается"{71}.

На эти средства, как сообщалось в докладной командования бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии, было построено 53 танка, в том числе 32 танка "Т-34" и 21 танк "Т-60"{72}. 12 января 1943 года в районе Наро-Фоминска Московской области монгольская делегация, которую возглавлял Премьер-министр, маршал МНР Х. Чойбалсан, торжественно вручил эти боевые машины 112-й танковой бригаде, названной "Революционная Монголия".

Глава делегации, обращаясь к танкистам, сказал: "В каждой их этих боевых машин воплощена безграничная любовь

монгольского народа к своему верному другу - Советскому Союзу, его доблестной Красной Армии. Пусть эти грозные машины будут символом нерушимой дружбы наших народов. Пусть они напоминают вам ежедневно, что монгольский народ отдает все, чем он богат, делу борьбы с заклятым врагом всего прогрессивного человечества - немецким фашизмом">{73}.

Танковая бригада "Революционная Монголия", впоследствии переименованная в 44-ю гвардейскую танковую бригаду, с боями прошла путь от Москвы до Берлина, добившись славных боевых успехов. Недаром на ее знамени горят 8 боевых орденов: советских - Ленина, Боевого Красного Знамени, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Красной Звезды и монгольских - Сухэ-Батора и Боевого Красного Знамени. Ей были присвоены наименования "гвардейская", "Бердичевская" и "имени Сухэ-Батора".

На деньги, собранные трудящимися народной Монголии в соответствии с решением XXVI сессии Малого Хурала МНР, была вооружена эскадрилья "Монгольский арат". На приобретение крылатых машин для 2-го гвардейского полка 322-й истребительной авиадивизии монгольский народ передал Наркомфин СССР 2 миллиона монгольских тугриков (2628 тыс. руб.){74}. Прием летчиками боевых самолетов "Ла-5" был осуществлен 25 сентября 1943 года на полевом аэродроме в районе ст. Вязовая Смоленской области. На протяжении всей войны личный состав этих частей и подразделений сражался за счет монгольского народа.

За время войны монгольский народ поставил в СССР 510 тыс. лошадей, в том числе 30 тыс. в качестве подарка, а также направил в дар населению районов, освобожденных от гитлеровцев, 40 тыс. голов скота и передал инвалидам войны и детям-сиротам 5 млн. тугриков{75}. А всего трудящиеся МНР отправили в фонд помощи советским воинам продовольствия и теплых вещей на сумму 65 млн. тугриков{76}.

Делегации МНРП, правительства, профсоюзов и трудящихся, сопровождавшие эшелоны с дарами монгольского народа, побывали на разных фронтах. Мне особенно приятно, что одна из них, возглавляемая Ю. Цеденбалом, в 1943 году побывала на моей родине, в районе Курска. Сюда она привезла подарки и пожелания скорейшего разгрома фашистских орд. Во время этого визита Ю. Цеденбал написал на одном из снарядов: "Смерть гитлеровским захватчикам!" Этот смертоносный "сувенир" тотчас же был направлен в расположение фашистов.

За выдающиеся успехи в деле организации материальной помощи монгольского народа Красной Армии, борющейся против

немецко-фашистских захватчиков, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 11 июля 1944 года наградил товарищей Х. Чойбалсана, Ю. Цеденбала и Г. Бумацэнде орденами Ленина; Ч. Сурунжаба, С. Янжиму, Д. Дамбу и С. Лувсана - Трудового Красного Знамени; Ж. Чойдока, Б. Тогмита и З. Аюрзана - Красной Звезды.

Несмотря на тяжелое положение на западных фронтах, Советский Союз на протяжении всей войны держал на территории Монгольской Народной Республики 17-ю общевойсковую армию. Ее командиры, политработники, а также и советские инструктора заботливо передавали свой боевой опыт воинам МНРА. Главком, Маршал МНР Х. Чойбалсан в директиве от 8-го мая 1942 года требовал: "На примерах героических подвигов красноармейцев, командиров, политработников и бесстрашных советских партизан учить личный состав частей и подразделений, как надо защищать свою Родину"{77}. С помощью Советского Союза МНРА непрерывно оснащалась новейшей техникой и вооружением. За годы войны значительно возросла и численность МНРА. Все это делалось для того, чтобы в случае нападения империалистической Японии нанести врагу такой удар, как это сделали советско-монгольские войска в 1939 году на Халхин-Голе.

Раскрывая некоторые стороны дружбы двух наших армий, народов, не могу не остановиться, хотя бы кратко, на этапе боевого содружества в период советско-японской войны 1945 года. Как уже говорилось выше, тогда, в августе, мне довелось вновь в едином строю с халхингольцами участвовать в боях против частей японской Квантунской армии в горах, пустынях и степях внутренней Монголии и Маньчжурии.

Соединения МНРА тогда входили в состав конно-механизированной группы, созданной из монгольских и советских войск. Здесь же была, в частности, и наша 43-я танковая, ставшая Хинганской, бригада подполковника В. И. Иванушкина (ныне генерал-майор в запасе, проживает в г. Ленинграде).

Известно, что командующим конно-механизированной группой советско-монгольских войск был назначен генерал-полковник И. А. Плиев (дважды Герой Советского Союза, Герой МНР), хорошо знавший Монголию, его заместителем по монгольским войскам - халхинголец генерал-лейтенант Ж. Лхагвасурэн. Общее руководство Народной армией осуществлял маршал Х. Чойбалсан, а руководство политической работой - генерал-лейтенант, затем первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого народного хурала МНР,

маршал МНР Ю. Цеденбал.

Конно-механизированная группа действовала на правом крыле Забайкальского фронта, правее нашей 17-й армии, на двух самостоятельных направлениях; на долоннорском (г. Долоннор) и калганском (г. Калган, ныне Чжанцзякоу). В числе соединений Монгольской народно-революционной армии были дивизии, получившие боевой опыт на Халхин-Голе. Они были закалены и хорошо "сколочены".

Преодолевая огромные пространства пустыни Гоби и отроги Большого Хингана, войска проявляли массовый героизм, взаимную помощь и товарищество. В приказе Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР отмечалось, что "...в боях на Дальнем Востоке отличились кавалеристы Монгольской армии генерал-майора Ч. Доржпалама (5-я кавдивизия), полковника М. Цэдэндаша (6-я кавдивизия), полковника М. Одсурэна (8-я кавдивизия), Д. Нянтайсурэна (7-я механизированная бригада)...".

После того, как передовой отряд 17-й армии, в составе которого действовал и я, занял город Чифын, мне было приказано выехать с небольшой группой офицеров в город Жэхэ (Чэндэ) с целью установления личной связи с 43-й танковой бригадой и уточнения обстановки. Обороне этого города японское командование придавало серьезное значение. В нем были сосредоточены большие запасы оружия, продовольствия, вещевого имущества, горючесмазочных материалов и значительный военный гарнизон.

Внезапным стремительным ударом город Жэхэ был взят советскими и монгольскими частями конно-механизированной группы И. А. Плиева. При овладении городом было взято в плен свыше 8 тысяч солдат и офицеров, много оружия, техники и различных запасов на складах. Об этом подробно написал И. А. Плиев в своей книге "Через Гоби и Хинган".

Командир 43-й танковой бригады подполковник В. И. Иванушкин рассказал о ее действиях. Часто приходилось взаимодействовать с монгольской конницей, особенно при наступлении по безводной, соленой, выжженной солнцем пустыне Гоби. Жизнь здесь теплилась лишь около незначительного количества колодцев. Танки, двигаясь в передовых отрядах, захватывали источники воды и обеспечивали части водой, что облегчало преодоление этой настоящей "Пустыни смерти", как называли ее китайцы. С выходом к гористой местности, там, где не могли пройти танки, вперед вышла конница. Она временами обеспечивала охрану танковых подразделений.

О том, как действовала монгольская конница, можно судить

по заявлению начальника гарнизона города Жэхэ японского полковника Никамура: "Мы знали о движении кавалерии, - заявил он, - но ждали вас дня через три и готовились к эвакуации. Вы же явились так неожиданно. Как можно преодолеть на коне такие пространства и горы?"{78}

Советское правительство высоко оценило боевые действия войск и управление ими со стороны командования МНРА. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1945 года маршал МНР Х. Чойбалсан за умелое руководство боевыми операциями войск в борьбе с общим врагом империалистической Японией, награжден орденом Суворова 1-й степени, заместитель Главкома и начальник политуправления МНРА генерал-лейтенант Ю. Цеденбал - орденом Суворова 2-й степени, заместитель Главкома МНРА генерал-лейтенант Ж. Лхагвасурэн - орденом Кутузова 1-й степени. Орденами СССР была также награждена большая группа генералов и офицеров Народно-революционной армии: генерал-майоры Дамдинху и Эрендо, полковник Нянтайсурэн и другие, многие из которых были участниками боев на Халхин-Голе. Орденом Красного Знамени было награждено 26 воинов, орденом "Слава" 3-й степени - 13, медалью "За отвагу" - 82, а всего - 302 человека"{79}.

В связи с пятидесятилетием образования монгольской Народной армии, за заслуги в совместной борьбе с японскими милитаристами, а также в укреплении революционного сотрудничества Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 марта 1971 года орденами и медалями СССР было награждено 399 человек. Среди них - бывшие партизаны, а также генералы и офицеры Народной армии, находящиеся на действительной военной службе, в запасе и отставке, в том числе тогдашний Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал, который был удостоен ордена Октябрьской Революции.

...6 июля 1971 года по случаю полувековой годовщины Народной революции в Улан-Баторе состоялось открытие величественного монумента воинам Советской Армии, установленного на горе Зайсан. На мозаичном панно изображена монголка в национальном костюме, преподносящая серебряную чашу с молоком. На гранитной плите высечены слова:

"Жизнь ваша продолжается в нас,

Слава ваша вечна, как жизнь..."

Теперь на горе Зайсан горит вечный огонь Славы и мертвым, и живым, и тем, кто с оружием в руках помогал создавать независимую свободную Монголию в суровые 20-е годы, и воинам 1939-го, и воинам 1945-го, действовавшим вместе с армией МНР

по разгрому японской Квантунской армии. Дружба наша испытана в тяжелые для обеих стран годы. Она незыблема.

В 1975 году мне посчастливилось побывать в Монголии в составе делегации Центрального правления общества советско-монгольской дружбы, принять участие в праздновании 54-й годовщины Народной революции. Нам была предоставлена возможность убедиться в крепнущей дружбе Монголии с нашей страной и ее росте за 54 года самостоятельного развития.

...Мы в Архангайском аймаке (областном центре). Отсюда до Улан-Батора свыше 300 километров. Аймачный (областной) город Цэцэрлэг, раскинувшийся у подножья красивых залесенных гор, выглядел нарядно. Наша делегация была встречена цветами, душевной теплотой.

В 1939 году сюда бы не добратся. А теперь: один час и мы в областном центре. Наш "Ан" сделал посадку прямо на грунт с густым, крепким травянистым покровом. Воздушным сообщением ныне связаны все аймачные центры, и им охотно пользуются монголы. В уланбаторском аэропорту Буянт-Уха очень много пассажиров местных авиалиний: пожилые и дети, студенты и артисты, интеллигенция, воины - кого только не встретишь, нескончаемый кругооборот людей.

Только по одному этому можно судить: вот она, совсем иная Монголия. Исчезли длинные верблюжьи караваны, которые некогда пересекали всю страну и были главным транспортным средством доставки грузов.

В 1975 году "Монголтранс" отмечал свое 50-летие. Примерно на полтора миллиона жителей страны сейчас - 21 тысяча автомобилей. И почти каждый грузовик буксирует по одному-два прицепа, что свидетельствует о высокой эффективности автомобильных перевозок. Появились свои областные автобазы.

В самонном (районном) центре Минжур Ихтамир мы посетили сельскохозяйственное объединение "Светлый путь". Хозяйство имеет животноводческое направление (более ста тыс. голов скота), свой краеведческий музей с редкими экспонатами, молочный завод с современной технологией производства, клуб и другие культурные учреждения, жилье.

Здесь я встретил бывшего халхингольца из состава 5-й кавдивизии МНРА Пурэвжав. Он пригласил нас посетить его юрту. Мы с радостью согласились и сфотографировались на память.

Пурэвжав - заведующий животноводческой фермой, дающей большой доход объединению. Работает по-фронтовому, вместе со своей женой Жидау. Оба они за доблестный труд награждены правительством МНР орденами "Полярной звезды". Бывший воин -

ударник пятилетки, член МНРП, трудом своим славит Родину, активно участвует в строительстве новой жизни.

- Вот моя юрта, - говорил нам хозяин, - посмотрите, полный достаток, чтобы жить и радоваться. Воспитал четырех детей, все они взрослые. Самая младшая дочь Мунхунцэрэг в этом году окончила 8-й класс.

- Думаешь ли дальше учиться и какие твои планы на будущее? - спросил ее мой товарищ по делегации, в то время главный редактор журнала "Культура и жизнь" Б. С. Ржаное.

- Учиться буду обязательно, хочу стать ветеринарным врачом. Но сначала решила поработать в хозяйстве, на ферме. Так, наверное, будет лучше. Нашему хозяйству такие специалисты очень нужны.

- А где же ваши сыновья? - обратился я к Пурэвжаву.

- Живут отдельно, имеют свои семьи. Один - тракторист, другой - шофер. Живут, как говорится, все при всем. Спасибо советскому народу и Красной Армии за постоянную помощь нашей стране. Без дружбы с Советским Союзом мы были бы порабощены недругами. Общеизвестно, что выбраться из нищеты не так-то просто. Революция похоронила старый мир, а партия, членом которой я являюсь, вывела наш народ на светлую дорогу, указанную великим Лениным и нашим вождем Б. Сухэ-Батором. В армию я призывался до халхингольских боев, продолжал Пурэвжав, - и в свою часть добирался и на лошадях, и на верблюдах. На это уходили недели. А теперь? Сел в самолет и - на месте. Да и автомобили, которые поставляет нам ваша страна, просты, надежны и по нашим дорогам ходят со скоростью свыше 100 километров в час... А разве могли мои родители мечтать об образовании своих детей? Конечно, нет. А теперь молодежь изучает иностранные языки, среди них и русский. Для всех открыта широкая дорога в науку, в активное управление производством и государством. Центральный Комитет партии заботится о молодежи, о ее будущем.

К сказанному Пурэвжавом хочется привести слова Ю. Цеденбала из его речи, произнесенной на республиканском совещании идеологических работников 8 января 1963 года: "Мы не раз говорили о необходимости совершенствовать изучение русского языка, который стал языком общения, сотрудничества не только народов СССР, но и народов других социалистических стран. Изучение и овладение русским языком превращается ныне в одно из необходимых условий строительства и коммунизма.

Произведения классиков марксизма-ленинизма, научную и художественную литературу мы, как правило, переводим с

русского языка. Дети монгольских скотоводов получают высшее образование, защищают кандидатские и докторские диссертации, благодаря знанию ими русского языка. Овладение русским языком это вопрос овладения высотами современной науки и техники. Следовательно, оно является одним из факторов прогрессивного развития нашей страны".

В юрте Пурэвжава нас усадили на самые почетные места, лицом к входной двери. Чистота и уют. Стол, уставленный всякими яствами, изготовленными главным образом из молока. На стенах плакаты, картины, портреты В. И. Ленина и Б. Сухэ-Батора, семейные реликвии. Мы пили кумыс, монгольский чай и отведали приготовленные кушанья. Наш глава делегации провозгласил здравицу за дружбу между нашими народами, за бывших воинов-фронтовиков, за прекрасную молодежь.

Потом дочь хозяина Мунхунцэрэг пела. О счастье народном, о любви и красоте жизни. И в памяти встала как наяву опера "Среди печальных гор", написанная Б. Дамдинсурэном и Б. Смирновым. Я слушал ее в Улан-Баторе в ноябре 1939 года в старом примитивном здании театра. Основа сюжета - судьба "неравной", но любящей пары молодых людей - вызывала протест против старого мира.

В исполненной же для нас песне чувствовалось, что Мунхунцэрэг счастлива, любви ее никто и ничто не угрожает. Для осуществления любой ее мечты - широкая дорога, и ей некого бояться. Теперь нет ни лам, ни баев, ни богатых, унижающих человека, ни бедных, униженных и оскорбленных.

И вдруг запел сам Пурэвжав. Ему подтянула жена, и песню о родине подхватили все присутствующие, старые и малые.

Отдельные мелодии этой песни приходилось слышать и раньше в монгольской степи и это роднило мои чувства с чувствами жителей-степняков.

...Мы вышли из юрты, чтобы посмотреть укрощение необъезженных лошадей. Сильный и ловкий табунщик заарканил коренастого, нагуленного, гнедой масти коня, с черной густой гривой, с поблескивающей на солнце шерстью. Конь бил копытами землю, храпел и никак не хотел смириться. Два монгола держали строптивного коня под уздцы. Тут же подошел молодой человек с седлом и короткой плетью. Он был без головного убора, в широком коричневом дэли, подпоясанном кушаком. Шел неторопливой, казалось, увалистой, ленивой походкой, и по внешним признакам нельзя было принять его за наездника. Но вот он быстро снарядил коня и ловко сел в седло. Конь тут же вздыбился и начал сбрасывать седока. Надо было видеть поединок полудикой лошади с человеком.

Наш всадник оказался ловким, сильным, смелым, энергичным и настойчивым. Погоняя коня хлыстом, держался так крепко, что конь не смог избавиться от наездника. Он подбрасывал зад, касаясь носом земли, извивался всем своим могучим телом, дрожал и рвал удила, становился на колени, хватал землю зубами, метался, резко менял направления и все-таки не смог избавиться от укротителя, табунщика Сомондагвы. Из толпы слышим: "Это один из знатных наездников, человек ловкий, сильный и бесстрашный. Сегодня у него особое настроение. Он женится. Завтра справляет свадьбу".

Мы поблагодарили Сомондагву за неопишное удовольствие, испытанное от его мастерской верховой езды, пожелали большого семейного счастья, любви и согласия в жизни.

Припоминаю, что таких мастеров приходилось видеть и на Халхин-Голе, и в 1945 году. Многие из них стали героями.

Архангайский аймак, расположенный в северо-западной части страны, свято хранит и приумножает славную историю своего края, боевые и революционные традиции дружбы и боевой славы наших народов. В его аймачном краеведческом музее широким полотном показано прошлое. В натуре - макеты и образцы флоры, различные лесные богатства. Свято оберегается памятник одному из первых русских врачей, лечившему монголов, С. М. Немому. Стенд, посвященный легендарному военачальнику 20-х годов П. Е. Щетинкину. В 1939-1945 гг. Архангайский аймак дал двух героев МНР - Д. Нянтайсүрэна и С. Дампила, личные вещи которых и боевые реликвии бережно хранятся здесь.

На обширном плато, извивающемся в междугорье и напоминающем собой огромное русло некогда могучей реки, лежит легендарный камень. Даже не камень, а огромная глыба, "целая скала. Мы осмотрели это чудо природы, сфотографировались рядом и услышали интересную легенду.

"Когда-то из глубокой темной норы выползало чудовище и приносило постоянные страдания и горе людям. Народ был лишен радости жизни. Страх, как призрак, преследовал по пятам. Люди теряли надежду на счастье.

И вот однажды явился богатырь, отколол эту скалу от огромной горы, доставил ее сюда на открытую долину и закрыл ею зловещую дыру. Чудовище не смогло больше появиться. Оно погибло. С той поры народ был избавлен от беды и зажил счастливой жизнью".

Мне подумалось, что в судьбе народа эта легенда как-то перекликается с тем, что произошло на самом деле.

В. И. Ленин на встрече с монгольской делегацией в 1921 году

своими советами определил пути развития Монгольской революции. Он сказал, что "единственно правильным путем для всякого трудящегося нашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России"{80}.

Вождь монгольской революции Д. Сухэ-Батор разъяснил простым людям страны: "Я глубоко убежден, что нет у Монголии друга надежнее и преданнее, чем Советская Россия. Прошу мне верить, я говорю истинную правду"{81}. Он неустанно повторял: "В существовании и процветании нашего государства внутренней силой является народ, а внешней опорой - Советский Союз. Другого пути нет"{82}.

Есть такая поговорка: "Друзья познаются в беде". В опасные для Монголии времена Советский Союз защитил ее от белогвардейских банд, наемников японского милитаризма в 1921 году и японских захватчиков в 1939 году. Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз Монголия восприняла как свою беду.

В настоящее время Монголия уверенно идет по пути строительства социализма, превращаясь в развитую аграрно-индустриальную страну. МНР и Советский Союз в едином строю со всеми странами социалистического содружества неустанно ведут борьбу за предотвращение ракетно-ядерной войны, за мир, процветание и счастье своих народов, за сохранение жизни на Земле.

Мой командующий

Среди полководцев советской военной школы Г. К. Жуков занимает особое место. Расцвет его ратного дарования достиг своего апогея как раз в тот период, когда наша Родина стояла перед лицом смертельной опасности. На научной конференции высшего руководящего состава Советской Армии в Москве в 1970 году его называли Маршалом номер один страны социализма.

Партия высоко оценила его выдающиеся заслуги перед армией и народом. Г. К. Жуков стал четырежды Героем Советского Союза, занимал высшие руководящие посты в Вооруженных Силах.

Мне, знавшему Георгия Константиновича и общавшемуся с ним на протяжении многих лет, говорить и писать о не как о полководце и человеке - и просто и сложно.

Просто потому, что он, как и многие из нас, выходец из простой, бедной, обездоленной крестьянской семьи. Мальчик, с его упрямым и сильным характером, рос в нищете, в трудных бытовых условиях, зачастую впроголодь. Непосильный труд дорогой его сердцу матери Устины Артемьевны, старавшейся

прокормить своих детей, и тщетные попытки отца вырваться из пут социальной несправедливости отложились в детской памяти на всю жизнь, став основой его нравственных убеждений.

В ярких, зовущих лозунгах Великой Октябрьской социалистической революции, в близких народу идеях и практических делах партии большевиков он нашел ответ на мучившие его с детства вопросы о социальном устройстве общества, законах, управляющих отношениями между людьми. В борьбе с контрреволюцией и иностранной интервенцией Г. К. Жуков сформировался как личность.

А трудно потому, что он как полководец нашей эпохи очень глубок, сложен и многогранен. С одной стороны, он впитал в себя лучшие методы оперативного искусства и стратегического руководства, вытекающие не только из деятельности Вооруженных Сил СССР, но и мировой военной практики. С другой, - он выступил как новатор, создатель наивысшего стиля ведения боя любого масштаба - от локального до гигантского театра военных действий.

Халхин-Гол для Георгия Константиновича явился той практической лабораторией, где был выработан и с успехом опробован новый опыт широкого, согласованного, активного взаимодействия современных родов войск - танков, авиации, артиллерии. Впервые в боевой практике Красной Армии была применена радиосвязь между соединениями в наступательной операции.

Г. К. Жуков работал поистине творчески, увлеченно, с особой одержимостью, каким-то даже азартом. Казалось, он давно ждал момента, удобного для испытания своих выдающихся потенциальных возможностей военного. Недаром в письме к жене Александре Диевне в Смоленск 26 июня 1939 года, еще до начала развертывания крупных боевых действий на Халхин-Голе, он замечал: "Вот Эрошка (старшая дочка. - М. В.) хотела, чтобы и папа подрался, - это удовольствие сейчас испытываю. Чувствую себя в действиях очень хорошо".

Могу как очевидец подтвердить, что в этих словах нет никакой бравады. В халхингольских событиях ярко проявилась способность Георгия Константиновича в короткий срок дисциплинировать большие массы войск и заставить их работать с полной отдачей сил. Управление войсками было поставлено настолько жестко, что командующего чувствовали и те, кто никогда не видел его и не встречался с ним непосредственно. Выдающийся организаторский талант Жукова, его воля проявились как при подготовке, так и при проведении крупных сражений.

Личный авторитет Г. К. Жукова усиливался глубоким знанием дела, умением находить слабые места у противника, определять наиболее выгодный момент для нанесения решающего удара, концентрировать силы на главных направлениях и последовательно идти к намеченной цели. Конечно, во многих случаях он показал себя строгим, резким, но при всем при этом он оставался справедливым, честным, не злопамятным. Это подкрепляло у подчиненных веру в его силы. Кое-кому они представлялись неограниченными.

Хочу пояснить, основываясь на собственном опыте. Его порой чрезмерная требовательность основывалась на личном примере неустанного трудолюбия и высокой ответственности за порученное дело. Таким он оставался до конца дней своих.

Мыслил он всегда по-государственному, заглядывал широко, далеко за пределы решения конкретной задачи. Разгром японских войск был для Г. К. Жукова не просто военным заданием, локальным по месту и времени. Японскую агрессию он оценивал сквозь призму противостояния СССР международному империализму. После победы на Халхин-Голе у Г. К. Жукова сложилась своя оценка непосредственной военной угрозы не только на Востоке, но и на Западе.

За всю долголетнюю службу мне не раз приходилось слышать самое разное о Георгии Константиновиче: дескать, жесток, никого не хочет слушать, не соблюдает никаких субординации - в присутствии младших может, как выражались некоторые, "отхлестать" старшего и т. п.

Хотелось бы напомнить, что свое поведение он сам пояснил, и вполне определенно, в своей книге "Воспоминания и размышления".

Конечно, разные люди, времена и обстоятельства накладывают свой отпечаток и на человеческие отношения. Возьмем войну. Это не бал с маскарадом и реверансами. И не фейерверк, где ракетные взрывы и сполохи лишь красивый декорум. Война - это или жизнь, или смерть сражающихся друг против друга. Тем более, что фашисты вели войну на истребление. Разве можно противостоять такому напору, не вооружившись ответной беспощадностью, волей и твердостью?

В решении кадровых вопросов Г. К. Жуков был очень внимателен и осмотрителен. Командиров он проверял на деле и редко ошибался в их оценке. Убедившись в нецелесообразности пребывания в должности того или иного подчиненного, в интересах дела, тут же, не взирая на ранги, замещал его другим, более, на его взгляд, подходящим. Он ценил и выдвигал на высшие должности тех, кто решителен и смел в бою, кто

стремится знать и искать противника, чтобы его бить, обладает выдающимися организаторскими способностями, умело руководит подчиненными, мыслит в духе новых условий ведения боя и творчески проводит в жизнь замысел вышестоящего командования.

В этой связи позволю себе привести два примера. За умелое руководство боевыми действиями полка на Халхин-Голе майор И. И. Федюнинский, как известно, был удостоен звания Героя Советского Союза, ему присвоили воинское звание "полковник". И после разгрома японских милитаристов он был назначен командиром 82-й стрелковой дивизии. В Отечественную войну, по предложению Г. К. Жукова, Ставка Верховного Главнокомандования назначила И. И. Федюнинского командующим Ленинградским фронтом.

После победы в сражении на горе Баян-Цаган Георгий Константинович воочию убедился в том, что увеличивающийся размах боевых действий потребует пополнения танками и срочного повышения боеготовности получивших необходимый опыт, но понесших значительные потери бронетанковых бригад, усиления руководства в деле боевого использования танков и бронетанковых частей в различных видах боя. С образованием 1-й армейской группы была введена должность заместителя командующего. Таковым по просьбе Жукова Москва назначила полковника М. И. Потапова. Его Георгий Константинович знал хорошо как своего бывшего подчиненного и был уверен, что опытный танкист с новыми обязанностями справится и будет его хорошим помощником в управлении подвижными частями и соединениями.

Они познакомились в начале 1937 года. До этого М. И. Потапов окончил академию механизации и моторизации и несколько месяцев прослужил в штабной должности. Потом его назначили командиром 4-го механизированного полка, входившего в состав 4-й Донской казачьей дивизии, квартировавшей в Слуцке. Там майор и был представлен ее комдиву Г. К. Жукову. Вверенная Потапову часть состояла из трех танковых и одного автобронетанкового эскадронов. В первой половине мая полк был выведен в летние лагеря, куда почти каждую неделю приезжал командир дивизии. В конце июня 1937 года его визит в 4-й мехполк, как вспоминал Михаил Иванович во время одной из наших бесед с ним, был практически последним: Георгий Константинович через несколько дней принял под начало 3-й кавалерийский корпус.

Мехполк Потапова заслуженно считался одним из лучших в Белорусском военном округе. Об этом свидетельствовали высокая

оценка его действий на крупных окружных учениях и результаты последней проверки, проведенной на исходе 1937 года, по итогам которой командир полка был отмечен в приказе командующего БВО.

В результате, когда в середине следующего года проходило преобразование механизированных частей в соединения, Михаил Иванович был назначен командиром 21-й танковой бригады. А вскоре ему присвоили очередное воинское звание полковника. "Хозяйство" его состояло теперь из четырех танковых и одного разведывательного батальонов и насчитывало около 200 боевых машин, основу которых составляли танки "Т-26" и "БТ".

Благодаря неустойчивой энергии командира и усилиям всего личного состава 21-я отдельная танковая бригада постепенно превратилась в хорошо спаянный коллектив, готовый выполнить любую боевую задачу. Это подтвердили учения 3-го и 6-го кавкорпусов Белорусского военного округа, которыми в разное время командовал Г. К. Жуков. Вспоминая то время, Георгий Константинович писал: "Практически на полевых учениях и маневрах в 3-м и 6-м корпусах мне пришлось действовать с 21-й отдельной танковой бригадой (комбриг М. И. Потапов) или с 3-й танковой бригадой (комбриг В. В. Новиков). Оба эти командира были в прошлом моими сослуживцами, и мы понимали друг друга в боевой обстановке с полуслова".

Мне очень жаль, как и всем тем, кто знал Михаила Ивановича, что так трагично сложилась судьба этого исключительно способного военачальника и доброго товарища в годы Великой Отечественной войны. В первых же сражениях с фашистами его 5-я армия дралась храбро. Но, по стечению обстоятельств, генерал Потапов, будучи раненым, попал в фашистский плен. Однако и там Михаил Иванович не поступился честью и достоинством коммуниста, патриота своей Родины. Плен не сломил веру в Победу, и он дождался ее. КПСС и Советское правительство отдали должное его боевому прошлому и незапятнанности поведения в фашистской неволе: М. И. Потапов был восстановлен в партии и на руководящей работе в армии. В январе 1965 года он умер в звании генерал-полковника, в должности заместителя командующего Одесским военным округом.

Испытанные кадры, подобные И. И. Федюнинскому, М. И. Потапову, М. С. Никишеву, И. М. Ремизову и многим другим халхингольцам, служили прочной опорой в практической деятельности Г. К. Жукова. На них он возлагал самые ответственные задачи. Замечу, Георгий Константинович, доверяя, проверял и помогал, за заслуги поощрял, а за промахи в работе тут же наказывал в дисциплинарном порядке вплоть до снятия с должности. Ни один проступок подчиненных он не оставлял безнаказанным.

Подчиненные ему командиры всех частей и соединений родов войск знали, что надо осваивать опыт, рождаемый на поле боя, не боясь ответственности, каждый раз выбирать такие формы маневра, которые наиболее целесообразно отвечали бы конкретно сложившимся условиям. Необходимо было детально знать возможности вверенного оружия и сил и умело распоряжаться огневыми мощностями. Георгий Константинович не уставал повторять, что в современном бою нельзя непосредственно командовать соединением и тем более объединением. Ими можно только управлять в опережающем динамiku боя темпе, без сдерживания и замедления. Это - одна из областей военного искусства, в которой с ним редко кто мог сравниться.

В одной из бесед я спросил его: "Товарищ Маршал Советского Союза, как удавалось Вам определять безошибочно потребность войск, техники, вооружения не только при подготовке операции, но и в ходе ее. Из вашей книги "Воспоминания и размышления" читатель увидел, что вы практически с ходу ответили Сталину на вопрос "Вы уверены, что мы удержим Москву?"... "Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков".

Маршал ответил мне так: "Вопрос не простой, но в основном кратко могу сказать. Известно, что тактика определяется оружием и зависит от него. Оружие - это та сила в руках командующего, с помощью которой добиваются победы. В практике командования на всех уровнях всегда обращал серьезное внимание на изучение вооружений, особенно новых видов и систем, всегда знал возможности всех видов оружия, частей и соединений всех родов войск.

Знание своих возможностей доступно каждому командиру или командующему. Это их прямая обязанность. А чтобы быть уверенным, чего и сколько надо применить для выполнения той или иной задачи, надо знать противника, его силы и средства, характер действий, способность к сопротивлению и т. д. Принятие правильного решения - только полдела. Надо уметь провести его в жизнь. Но это уже область военного искусства и

мы с вами так слишком далеко можем зайти".

...Халхингольские события позади. Мы вернулись к мирной жизни. В Улан-Баторе командующему 1-й армейской группой предоставили небольшой особняк на главной улице, недалеко от штаба армии. В этом же дворе, в другом доме в два этажа, жили член Военного Совета бригадный комиссар М. С. Никишев, начальник штаба комбриг А. И. Гаспилов (позднее доктор военных наук, профессор, генерал-полковник в отставке) и заместитель командующего комбриг М. И. Потапов.

Я имел отдельную комнату, примыкающую к гаражу, теплую, светлую, с телефоном и холодной водой. Командующий сам позаботился о моем жилье. Требования ко мне, как к адъютанту, не изменились. Как и в боевой обстановке, товарищеское внимание сочеталось со строгостью и четкостью в подходе к исполнению мной обязанностей. В нерабочее же время я запросто заходил к нему, старался, чем мог, облегчить его быт: Георгий Константинович не совсем был здоров - болели поясница и спина - следствие большого напряжения военных лет, ранений, контузии.

А отдыха не предвиделось. Обстановка требовала усиления руководства войсками. Надлежало и дальше совершенствовать боевую готовность войск, крепить интернациональные традиции дружественных армий, держать постоянную связь с монгольским правительством и ЦК МНРП. Постоянное напряжение отрицательно отражалось на его здоровье. Правда, советами медиков он не пренебрегал. Остальное возмещалось его волей и выдержкой, так что на службе никто не замечал его недомоганий.

После процедур, вечерами Георгий Константинович подолгу засиживался за работой, которой у него всегда было через край. Я, как мог, разгружал его от бытовых неудобств. Потом, когда приехала его семья, стало легче.

Как и каждый нормальный человек, Г. К. Жуков нуждался в друзьях и товарищах, в близких ему людях, в теплоте и заботе. С приездом семьи в Улан-Батор у него прибавилось всяких житейских хлопот. На мой взгляд, он был этим доволен. Жена его, Александра Диевна, была доброй, скромной - в одежде и в манерах - ласковой матерью, на редкость заботливой хозяйкой и супругой. Она больше всего испытывала на себе трудности походной жизни и отрицательное влияние на семейную атмосферу частых командировок и многосуточных военных учений. Мать ощущала, что детям недоставало постоянного отцовского внимания. Однако Александра Диевна терпеливо мирилась со своей судьбой. Она понимала великую ответственность мужа перед партией и государством и

стремилась быть ему максимально полезной. Своей простотой, гостеприимством, вниманием к окружающим она вызывала всеобщие симпатии. Не удивительно, что у нас с ней очень скоро установились теплые взаимоотношения.

Мне нередко приходилось посещать дом Жуковых. Навсегда запомнились обеды и ужины, на которые меня приглашали по разным обстоятельствам и принимали как своего. У них всегда было просто, безыскусно, по-домашнему тепло и уютно.

Дочки Эра и Элла обычно с нетерпением поджидали своего папу на обед или после рабочего дня, радостно встречали его на пороге. За столом любили сидеть у него на коленях, обнимали, наперебой расчесывали ему редкие мягкие волосы, гладили уши, нос и глаза. Перебивая друг друга, доверчиво делились впечатлениями и новостями.

Георгий Константинович от души радовался этому, играл с дочурками в разные детские игры, нередко сам укладывал их спать. Бывало, он, чего греха таить, потакал отдельным капризам. Однако, при необходимости, был строг и требователен и не позволял никаких излишеств.

Таким он оставался всю свою жизнь. Уже в преклонном возрасте он убеждал младшенькую - от второго брака - Машеньку в том, что надо лучше знать жизнь, то, чем живут люди, как они преодолевают трудности, служат своему делу.

Постоянно поглощенный службой, Г. К. Жуков в личных потребностях был скромен и неприсохлив. В 1939 году в Монголии через систему военторга можно было купить все необходимое для себя и для семьи. Однако он почти не пользовался этой возможностью.

В работе был точен. Свое слово всегда держал. Установленный распорядок дня как командующий выполнял безукоризненно. По его личному примеру работал и весь штаб армейской группы. Ясно, что это накладывало отпечаток строгого порядка и исполнительности на действия войск.

Спустя 40 лет, в августе 1979 года, я вновь побывал в бывшем кабинете командующего. Теперь его занимал Министр обороны МНР. Кстати, он очень доброжелательно принял меня, и беседовали мы с ним довольно-таки продолжительно.

Конечно, сейчас в памятном халхингольском ветеранам помещении многое, а может быть, и все - не так. Но обстановка того времени помнится мне четко. При входе в кабинет сразу же бросался в глаза в глубине широкий стол, покрытый зеленым сукном, за ним сидел Г. К. Жуков - в пенсне, с аккуратно причесанной головой, в аккуратном, подогнанном по фигуре мундире. По фотографиям всем известно, что лицо его было

тяжеловатым. Давящий, пронизательный взгляд голубых глаз, квадратный подбородок с небольшой ямочкой, словом, весь облик его говорил о непоколебимых решимости и воле, а еще - о властности характера.

Немудрено, что его побаивались. Этого чувства не могли скрыть, прибыв на доклад, старшие начальники - и не только командиры соединений, отдельных частей, но и командующие родами войск, начальники отделов армейского аппарата. Многие теряли покой, получив известие о том, что Георгий Константинович собирается в распоряжение их войск. И это - при всем при том, что Г. К. Жуков не повышал голоса, не выходил из себя при разговоре с подчиненными.

Порой казалось, что его требовательность действительно была чрезмерно резкой, педантичной и неотступной. Мимо его не проходила ни одна деталь, характеризующая ту или иную неточность, недобросовестность в исполнении служебного долга или неопытность подчиненного. Схватывая суть событий, он не терпел, когда окружающие тянули с разрешением стоявших перед ними проблем.

Сроки исполнения, которые он намечал при постановке задач, в основном были реальные, даже если в интересах общего дела возникала необходимость жертв или риска.

Г. К. Жуков не знал иных временных ориентиров, кроме тех, которые им были определены, имел уверенность в том, что все, на чем он настаивал, будет исполнено точно и в срок.

Со стороны мне хорошо было видно, что высокая требовательность командующего была непринужденной и естественной как основная составная часть его крутого характера. Постоянное изучение опыта войсковой и армейской жизни, систематическое обогащение своих знаний поднимали его до уровня крупного деятеля государственного масштаба. Это чувствовали не только те, кто находился рядом с ним постоянно, но и другие, соприкасавшиеся по тем или иным обстоятельствам эпизодически.

Полководец, испытывавший возможности тысяч людей в бою, руководивший многочисленными и технически оснащенными вооруженными силами, разбившими армию одной из сильнейших и агрессивных стран капиталистического мира, он и сознавал, и как говорится, нутром чувствовал закономерности боевых действий, предпосылки победы. Именно этим определялся его стиль управления войсками. Чем больше пота прольется в полевой выучке войск, тем надежнее поведут они себя в сражениях на фронте.

После переезда в Улан-Батор обстановка по-прежнему

требовала, чтобы все звенья армейского организма работали с большой отдачей сил. Управление войсками было организовано до предела четко. Начальник штаба комбриг А. И. Гастилевич, педантичный по складу характера человек, полностью разделял взгляды командующего, и это облегчало решение общих задач.

Георгий Константинович не любил засиживаться в штабе. Может быть, поэтому и в приемной подолгу людей не держал, он знал настоящую цену как своего, так и чужого времени. Это было известно всем, и каждый старался, чтобы встреча с командующим прошла по-деловому. Надлежало хорошо и в полном объеме знать положение дел своей части, иметь собственные убеждения, обоснованные предложения, решения и просьбы. Ему по нраву была самостоятельность подчиненных в решении любых назревших проблем.

Меня всегда поражали энергия и настойчивость, с которой Г. К. Жуков приступил к выполнению обязанностей командующего армейской группой в мирных условиях. Появились новые заботы об устройстве войск, пришедших с Халхин-Гола на совершенно голое место, о подготовке к надвигающейся зиме, о повышении боевой готовности частей и соединений, о настойчивом внедрении полученного боевого опыта в практику обучения войск. В течение короткого времени командующий облетел на своем самолете все далеко размещенные друг от друга гарнизоны войск, дислоцировавшихся в МНР.

Во второй половине октября он побывал в г. Баян-Тумэн (ныне Чойбалсан). На одной из окраин его размещалась 82-я стрелковая дивизия, позже прославившаяся на полях Великой Отечественной войны. Наш самолет приземлился на полевом аэродроме, находившемся в стороне от размещения частей.

На открытой ровной возвышенности ветер обжигал нас, словно напоминая, что вот-вот наступит зима. Воздух был сухим, пыльным, жестким. Мы спускались к центру города, а слева неширокой извилистой лентой поблескивала река Керулен. Когда-то она была полноводной и могучей, а теперь изобиловала бродами и небольшими островками, местами поросшими камышом и кустарником. По весне, как только зазеленеет трава, в долину Керулена сгоняются тучные стада крупного рогатого скота, лошадей и отары овец. Однако монгольские скотоводы, умудренные вековым опытом, с приближением холодов меняли пастбища.

- Значит, зима скоро, если опустело вокруг, - заметил Георгий Константинович как бы про себя.

- Да, товарищ командующий. Здесь она примерно такая же, как и в Забайкалье, - подхватил командир дивизии. - Мы

торопимся, принимаем все меры по подготовке к зиме, но не успеваем. Котлованы под землянки и казармы отрываем вручную. Грунт тяжелый. Инженерной техники нет.

- Ну, это не помеха, - отрезал Жуков. - Должны все успеть, чтобы не только перезимовать, но и нормально заниматься боевой подготовкой. Используйте саперные подразделения, проведите занятия с личным составом по взрывным работам, короче, все что можно, используйте.

Каждый по-своему, но все части и соединения жили напряженной жизнью. Не видели покоя и штабы. Совершенствовалась система управления. Проводились оперативные поездки высшего командного состава, командно-штабные игры, учения с войсками, на которые часто приглашались монгольские товарищи. Всесторонняя учеба охватывала все звенья армейского организма. Борьба за высокие показатели в боевой и политической подготовке получила небывалый размах.

Мне казалось порой, что мой командующий продолжал воевать - только не на поле боя, а на полигонах, стрельбищах, танкодромах и на степных просторах братской Монголии. Основной упор был направлен на тактическую подготовку войск. Этому уделялось главное внимание со стороны всех командиров и штабов. Последнее учение в Ундур-Ханском гарнизоне он провел в апреле 1940 года, незадолго до своего нового назначения.

Учение было командно-штабным, с обозначенным "противником" и "нашими" войсками, в состав которых включались 6-я и 11-я танковые бригады и другие части, гарнизона. "Нашим" пришлось тогда быть и мне, поскольку по моей просьбе в январе 1940 года, я был назначен командиром танковой роты родной 11-й бригады.

На учении отрабатывалось применение танковых войск в наступательной операции с целью ввода их в прорыв для развития успеха. Последнее в то время было модной темой, и ему обучались все категории офицеров и войска в целом. А вот организованным способом и тактике отхода и выхода из-под ударов превосходящих сил противника никто не учил: установка свыше нацеливала на единственное условие - бить врага на его территории. Как показала Великая Отечественная война, здесь была допущена большая ошибка.

После учения я был приглашен в гостиницу, где размещались Г. К. Жуков и М. И. Потапов. Мы пили чай. Командующий интересовался моей службой, шутил и внимательно следил за тем, чтобы я был сыт и доволен. В конце беседы он приказал

командиру бригады А. И. Алексеенко и начальнику политотдела полковому комиссару С. С. Зацаринскому осенью направить меня в академию на учебу. К сожалению, время распорядилось иначе.

В основе личной подготовки Георгия Константиновича, помимо других форм и способов самообразования, лежали разбор и осмысливание различных боевых операций, осуществленных преимущественно в недалеком прошлом. Скрупулезно анализировал он ход событий первой империалистической и гражданской войн, марш-походов гитлеровской армии по странам Европы.

Кроме того, в его отменной памяти отложились характерные черты наступательных и оборонительных операций различных эпох, в том числе и оригинальные решения различных полководцев в критических ситуациях.

Гигантский труд при выдающихся природных качествах позволили ему стать обладателем фундаментальных познаний, трансформировать их для потребностей нового времени, выработать творческий подход к их практическому применению.

Помнится, я даже недоумевал: почему Жуков, находясь в Монголии, вне пределов нашей Родины все чаще в мыслях обращался к Белоруссии? Ответа я не находил. А он часто рассказывал о своей службе, о маневрах в районе Смоленска, Минска, Молодечно, Бобруйска и Бреста. Говоря о них, он обязательно подчеркивал их огромное оперативное и стратегическое значение. По его специальному заданию была подготовлена карта 1:500000 - от западных границ до линии Калинин-Брянск, с которой он постоянно работал. Поначалу я связывал это с воспоминаниями о его долгой военной службе в БВО и лишь позже по достоинству оценил его прозорливость, политическое чутье, логику мышления.

Далеко идущие выводы о последствиях столкновения Красной Армии и гитлеровских полчищ он стал делать давно. Мне припоминается 17 сентября 1939 года. Командный пункт на горе Хамар-Даба. Вторые сутки относительно мирной жизни. Солдаты в окопах вдоль восстановленной границы.

Вскоре командующий собрал всех своих заместителей, ответственных офицеров штаба, начальника политотдела и информировал их о переговорах с японским командованием. Потом завел речь о наступлении наших войск с целью освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии. Уже тогда сложность международной обстановки привлекала его внимание.

1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу, положив начало Второй мировой войне. 3 сентября

правительства Англии и Франции объявили войну Германии. 30 ноября Финляндия открыла боевые действия против Советского Союза. В апреле 1940 года гитлеровцы оккупировали Данию и Норвегию. 10 мая Германия вторглась в Нидерланды, Бельгию, Люксембург, чьи армии вскоре капитулировали. 5 мая 1940 года Германия возобновила наступление на Францию. 14 июня без боя был занят Париж. 22 июня Франция подписала позорные условия капитуляции.

Георгий Константинович пристально следил за развитием гитлеровской агрессии. В штабе армейской группы, начиная с сентября 1939 года, велась карта боевых действий в Европе.

Я уже упоминал об определенности его характера и неизменности натуры. Он стремился быть самим собой независимо от стечения каких-либо обстоятельств, полностью отдавая себя и работе, и досугу. При деловых встречах с кем бы то ни было он держался официально, строго и педантично. В кругу друзей, знакомых, на отдыхе, при встрече с земляками он был другим. Любил угостить человека и показать широту русской натуры. Простота поведения, открытая улыбка подкупали собеседника, как бы обнаруживая мягкость его характера, доброту и любовь к людям. Действительно, всего у него было в избытке. При общении с ним пропадало чувство его недоступности, возникало глубокое уважение. И те, кто хотя бы раз сопутствовал ему на охоте или на рыбалке, не могли не проникнуться его страстностью. Он с упоением наслаждался природой, словно хотел компенсировать нехватку радости, отнятой проклятой войной.

В такие минуты трудно было поверить, что за предельной простотой и самозабвением кроются крутой характер и огромная внутренняя сила. Независимость в поведении и делах выдавали негибкую волю и решительность. Способность говорить просто, ясно и определенно о самом сложном покоряли каждого, кто с ним соприкасался. На службе Г. К. Жуков как бы преображался и становился мощным генератором своей воли, способной в короткий срок дисциплинировать подчиненные армии и учреждения. В тяжелой обстановке, когда требовались особые организованность и стойкость войск, вплоть до самопожертвования, он был весьма резок и груб по отношению к тем, кто проявлял нерешительность и нерасторопность, не взирая на ранги. Это испытали на себе некоторые командиры 82-й стрелковой дивизии при неустойчивой обороне плацдарма на правом берегу реки Халхин-Гол. Складывалось впечатление, что при создавшихся обстоятельствах иное реагирование могло бы и не поправить положение дел в нужный срок. Полагаю, что Г. К.

Жуков в каждом конкретном случае чувствовал меру повелевания и соответственно утверждал себя.

Мне кажется уместным привести его отзыв на мою рукопись главы "Мой командующий". Вот, что он мне написал:

"Уважаемый Михаил Федорович!

Вчера получил от Вас главу "Мой командующий". Глава написана интересно. Уж очень Вы хвалите своего командующего. Не лучше ли сократить хвалебную часть, чтобы Вас правильно поняли читатели.

В Вашу рукопись внес некоторые поправки и в срочном порядке высылаю Вам весь материал.

Передайте всей Вашей семье самые добрые пожелания от меня, Галины Александровны, Клавдии Евгеньевны и Маши.

16 июня 1973 г."

Г. Жуков.

На Халхин-Голе он тесно общался с войсками. В беседах с командирами, бойцами оттачивал формулы своих решений. Прежде всего он заботился об обеспечении высокого политикоморального состояния частей, держа его под постоянным контролем.

Есть фотография "Комкор Г. К. Жуков среди солдат". На ней запечатлен момент одной из многих бесед с подчиненными. Это было перед генеральным наступлением. Бойцы наши еще не знали о том, что полным ходом готовится окончательный удар по противнику, Они не знали, что командующего тревожит мысль: а вдруг японские войска перейдут в наступление не 24 августа, как об этом говорили достоверные данные, а раньше? Готовы ли мы сорвать или отразить удары врага. Поэтому Г. К. Жуков торопился с подготовкой войск, принимая решительные меры к осуществлению намеченных планов.

Последние слова командующего, произнесенные им тогда, запомнились мне дословно.

- Ничего нет на свете дороже, как служить своей Родине, своему народу, - говорил он. - Долг воина помнить об этом. Плохо, очень плохо делают те, которые покидают свою Родину или фальшивят перед нею. Такие обречены на вечное страдание и всеобщее презрение народа. В итоге, и враги таких не щадят, выжимают из них все соки, калечат души, делают предательство более омерзительным и непоправимым.

За время службы и дружеских отношений с ним в последнее десятилетие его жизни я никогда не слышал, чтобы в оценке своей деятельности, будь то на Халхин-Голе, в годы Великой Отечественной войны или в послевоенный период, он выдвигал бы или подчеркивал свое личное "я".

В этой связи хотелось бы предложить читателю лишь небольшую часть из набросков подготавливаемой им рукописи мемуаров: "Войну мы не сумели бы выиграть и судьба нашей Родины могла бы сложиться иначе, если бы не было у нас цементирующей силы - партии. Все самое трудное, самое ответственное в войне в первую очередь ложилось на плечи коммунистов. А работа в тылу, организация промышленности! Я не могу без восхищения говорить об этой грандиозной работе, проделанной в самые трудные дни. За короткое время - с июля по ноябрь 1941 года - более полутора тысяч предприятий с территории, которой угрожала оккупация, были передвинуты на восток и вновь возвращены к жизни.

Нынешнее поколение знает, что такое стройка и большие заводы. Так вот представьте, что авиационный завод в какие-нибудь месяц-два перевозился и начинал давать продукцию на новом месте. День и ночь шли эшелоны с оборудованием на восток. День и ночь с востока страны шли эшелоны с оружием и войсками. Весь этот гигантский кругооборот совершался с величайшим напряжением сил, массой неурядиц, неразберихи и столкновений, но безостановочно, все нарастая, подчиняясь руководящей и организующей силе.

И это только одно звено в ряде бесчисленных военных забот, которые Партия взяла на свои плечи. Я горжусь, что вырос в этой партии...

...Дни моих самых больших радостей совпадали с радостями Отечества. Тревога Родины, ее потери и огорчения всегда волновали меня больше, чем личные, - написал он в заключение второго издания своего труда. - Я прожил жизнь с сознанием, что приношу пользу народу, а это главное для любой жизни..."{83}.

Эти простые, идущие от души слова Г. К. Жукова нашли ясное отражение и в предисловии "От издательства" ко второму изданию его мемуаров: "...Жизненный путь Георгия Константиновича - от деревенского мальчика, отданного в обучение к скорняку, до Маршала Советского Союза, выдающегося советского полководца, - можно смело отнести к числу незаурядных. Но примечательно, что подобный жизненный путь характерен для миллионов деревенских и городских мальчиков, пробужденных к жизни Великим Октябрем. Советская власть, Коммунистическая партия вывели их на широкую жизненную дорогу, помогли раскрыться их талантам, а в годину тяжелых испытаний доверили им руководство войсками, вооруженной борьбой. И это поколение с честью вышло из всех испытаний. Коммунист более чем с полувековым стажем, Г. К. Жуков принадлежал к той плеяде воспитанных партией

выдающихся советских полководцев, которые обеспечили победу Красной Армии в годы гражданской войны, военный разгром гитлеровской Германии и милитаристской Японии, внесли выдающийся вклад в развитие военной науки"{84}.

В одном из первых писем в мой адрес после войны он упрекал меня за то, что я не дал знать о себе раньше. Я помню его слова почти наизусть, ценю их искренность и чистоту вложенных в них чувств. Они всегда очень трогают мою душу.

"Здравствуйте, Михаил Федорович!

Ваше письмо я получил. Очень рад, что, наконец-то, Вы объявили себя живым и здоровым.

Где Вы пропадали до сих пор? Почему не дали никакого сигнала своему бывшему командующему? Это, конечно, не похвально для Вас, которого я всегда считал хорошим адъютантом.

Теперь, когда установили контакт, - пишите, я буду очень рад.

Г. К. Жуков.

18 февраля 1967 года".

В первой нашей беседе на загородной даче в том же году мы вспоминали время нашей совместной службы, говорили о том, что происходило тогда в Монголии, он познакомил меня с содержанием главы "Необъявленная война на Халхин-Голе", а потом расспрашивал о том, как мне служилось.

Я сказал ему, что его перемещения на должности командующего Одесским, потом Уральским Военными округами вскоре после Великой Отечественной войны и снятие с должности Министра обороны в 1957 году эхом отозвалось в армейской среде. Подавляющая часть офицеров недоумевала, сожалела, но твердо верила в заслуги выдающегося полководца перед Родиной. "Партия растит и поправляет так, значит, и надо" - говорили иные.

Лишь некоторые, некогда либо "обиженные" им, либо не разделявшие его взглядов на порядки в армии, разоблачали его "ошибки". Кое-кто использовал этот случай для того, чтобы выдвинуться...

Жуков... Жизненный путь его описан в той или иной мере во многих изданиях и многими авторами. Однако я считаю необходимым кратко напомнить читателю здесь основные вехи этого пути.

Четырежды Герой Советского Союза, Герой Монгольской Народной Республики, Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков родился 19 ноября (по старому стилю) 1896 года в деревне Стрелковка Угодско-Заводского района

Калужской губернии в семье крестьянина-бедняка. После окончания трехлетней церковно-приходской школы двенадцатилетним мальчиком он был отвезен в Москву и отдан в учение в скорняжную мастерскую.

В 1915 году призван в армию, зачислен в драгунский Новгородский полк и вскоре попал на фронт. За храбрость и отличие в боевых делах Г. К. Жуков был награжден двумя Георгиевскими крестами. В февральскую революцию 1917 года Георгий Константинович был избран делегатом полкового Совета и председателем эскадронного комитета.

В 1918 году Г. К. Жуков вступил в Первую Московскую кавалерийскую дивизию Красной Армии. В составе ее участвовал в боях на Восточном фронте, под Царицыном, где был ранен. По выздоровлении поступил на командные кавалерийские курсы, однако обстановка на фронте не позволила продолжать начатую учебу. Из сотен тверских, рязанских, московских слушателей была сформирована курсантская бригада и отправлена на врангельский фронт.

1 марта 1919 года Г. К. Жуков вступил в члены ВКП(б). После ликвидации Врангеля участвовал в разгроме банд Фостикова, Колесникова, Антонова, Зверева и других. С весны 1923-го по 1929 год включительно Г. К. Жуков командовал 39-м кавалерийским полком 7-й Самарской кавалерийской дивизии имени Английского пролетариата. 39-й кавполк Выделялся как образцовый. В эти годы Георгий Константинович окончил кавалерийские курсы усовершенствования командного состава и высшие курсы по подготовке высшего командного состава. С 1930-го по 1931 год Г. К. Жуков командовал кавалерийской бригадой, а с 1931 года был помощником инспектора кавалерии Красной Армии. С 1932-го по 1937 год командовал 4-й казачьей дивизией. За отличную боевую подготовку личного состава дивизии был награжден орденом Ленина. С 1937-го по 1938 год он - командир 3-го кавалерийского, а затем 6-го казачьего корпуса. В 1939 году - заместитель командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии.

Затем, командуя войсками Первой армейской группы в Монголии, Георгий Константинович подготовил и блестяще провел операцию по разгрому и уничтожению 6-й японской армии, о чем подробно рассказывалось выше. За успешно проведенную операцию на Халхин-Голе он удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1940 году Георгий Константинович одним из первых получил звание генерала армии и был назначен командующим войсками Киевского Особого военного округа, а с 1 февраля 1941

года стал заместителем Народного комиссара обороны и начальником Генерального штаба РККА.

23 июня 1941 года, на второй день Великой Отечественной войны, по заданию Ставки ВГК Георгий Константинович вылетает на Украину с задачей помочь командованию Юго-Западного фронта ликвидировать прорыв фашистских войск под Бродами. Проведенный командованием фронта при его участии контрудар наших танковых корпусов на значительное время задержал группу армий "Юг".

Тяжелое положение сложилось на Западном фронте. Вражеские войска, захватив Смоленск и Рославль, клином врезались в район Ельни для последующего удара на Вязьму и Москву. И. В. Сталин приказал Г. К. Жукову ликвидировать этот опасный плацдарм и разбить ельнинскую группировку противника. В результате операции, проведенной Г. К. Жуковым, значительная группировка противника была разгромлена и отброшена.

В сентябре 1941 года создалась тяжелая обстановка на Украине и Ленинградском фронте. Верховный Главнокомандующий вызвал Г. К. Жукова, объяснил обстановку на фронтах и предложил ему поехать на Украину или на Ленинградский фронт.

- Куда бы вы поехали? - спросил он.

- А где более тяжелая обстановка?

- Под Ленинградом.

- Тогда в Ленинград, - ответил Г. К. Жуков.

И на другой день вылетел в осажденный немецко-фашистскими войсками Ленинград.

Вместе с А. А. Ждановым и другими членами Военного Совета фронта Георгий Константинович разработал ряд мероприятий по укреплению обороны города. Для борьбы против немецкой пехоты и танков им была использована вся морская и зенитная артиллерия. День и ночь кипела работа по организации стрелковых дивизий и бригад, формируемых из военных школ, академий и военных моряков, наводились должная дисциплина и порядок в войсках.

В ожесточенных сражениях враг был остановлен перед грозной и непреступной крепостью, какой до конца остался город Ленина.

Гитлеровские полчища рвались к Москве. Над столицей нашей Родины нависла смертельная опасность. Государственный Комитет Обороны вызвал Г. К. Жукова в Москву и назначил командующим Западным фронтом, поручив ему оборону Москвы.

Опираясь на Военные Советы армий и фронта, на партийную

организацию Москвы, которую тогда возглавлял А. С. Щербаков, в этой смертельной опасности, нависшей над нашей столицей, он с честью справился с возложенной на него задачей. Войска под его командованием не только остановили гитлеровцев под Москвой, но и нанесли им крупнейшее поражение, а затем перешли в первое большое контрнаступление, в результате которого вражеские полчища были отброшены от нашей столицы на 120-400 километров.

В конце августа 1942 года он был назначен Заместителем Верховного Главнокомандующего и был послан в Сталинград для координации действий в этом районе. По заданию И. В. Сталина он вместе с А. М. Василевским и Военными Советами трех фронтов участвовал в проведении подготовки по окружению и разгрому противника в районе Сталинграда. Затем вылетел на Волховский фронт для организации прорыва блокады Ленинграда. За успешное выполнение задачи по прорыву блокады Г. К. Жукову было присвоено звание Маршал Советского Союза.

После этого - операции на Курской дуге, по освобождению Харькова, Полтавы, Киева, где он координировал действия фронтов.

В начале 1944 года Г. К. Жуков принял командование 1-м Украинским фронтом, с войсками которого провел операцию по рассечению южной группировки немцев. Как представитель Ставки летом 1944 года участвовал в практической разработке плана и координировал действия войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов по освобождению Белоруссии.

С ноября 1944 года маршал Жуков - командующий 1-м Белорусским фронтом. Дни и ночи вел он напряженную работу по подготовке Варшавско-Познаньской операции, вошедшей в летопись Великой Отечественной войны как Висло-Одерская. Маршал лично изучил местность для выбора направления главного удара, до деталей вникал в вопросы организации боя и взаимодействия родов войск, взвешивал сильные и слабые стороны противника. С целью обеспечения внезапности он требовал скрытности сосредоточения войск и материальных запасов.

Тщательная подготовка операции принесла свои блестящие результаты. Сильная и глубокая оборона противника была в короткий срок прорвана. 17 января 1945 года была освобождена столица Польши Варшава, разгромлена 9-я немецко-фашистская армия и войска фронта, стремительным броском очистив всю территорию Польши, вышли на реку Одер. На ее западном берегу был захвачен плацдарм для решающего удара по Берлину. В то же время маршал Г. К. Жуков, применяя стремительный маневр

танковых армий и своевременно вводя резервы, блестяще провел операцию по разгрому группы армий "Висла" в Померании, угрожавшей войскам фронта ударом во фланг и тыл.

Великая битва за Берлин. Здесь маршал Г. К. Жуков также мастерски применил внезапный удар и новые методы прорыва сильной обороны, добился быстрой капитуляции Берлина.

2 мая 1945 года Берлин пал, а в ночь с 8 на 9 мая разгромленный враг подписал капитуляцию, признав свое поражение.

После окончания Великой Отечественной войны маршал Г. К. Жуков работал в новых условиях и занимал ряд руководящих командных постов Главнокомандующего Группой Советских Оккупационных войск и Главноначальствующего Советской Военной Администрации в Германии.

1953-1954 годы - Первый заместитель министра обороны, с февраля 1955 года по октябрь 1957 года - министр обороны СССР.

За выдающиеся заслуги перед Родиной и успешное проведение ряда боевых операций большого масштаба, в результате которых были достигнуты выдающиеся успехи в разгроме немецко-фашистских армий и овладение Берлином, маршал Г. К. Жуков был четырежды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден двумя орденами "Победа", шестью орденами Ленина, тремя - Красного Знамени, двумя - Суворова I степени, орденом Октябрьской Революции и рядом других орденов и медалей. Кроме того, Г. К. Жуков является Героем МНР, почетным гражданином Улан-Батора, кавалером многих высших наград других иностранных государств.

Полвека прошло с тех пор, когда советские войска разгромили японцев в районе реки Халхин-Гол. В Великой Отечественной войне участвовали сорок четыре Героя Советского Союза, получивших это звание на Халхин-Голе. После победы над фашистской Германией мне еще раз пришлось побывать в районе халхингольских боев, участвуя в разгроме Квантунской армии в 1945 году.

...Так получилось, что моя связь с Г. К. Жуковым возобновилась лишь через 27 лет после Халхин-Гола. Вскоре получил приглашение побывать у него вместе с женой. 2 июня 1967 года, когда мы возвращались из санатория, на Курском вокзале нас ждал его адъютант, майор И. А. Прядухин.

- Михаил Федорович, маршал приказал спросить, где вы хотите остановиться, в Москве или у него на даче?

- Где маршал?

- На даче.

- Поехали к нему.

Жена маршала, Галина Александровна, гостеприимно встретила нас. Когда мы вошли, Георгий Константинович говорил по телефону.

- Извините, у меня гости. Позвоню позже.

Маршал был в серой вязаной кофте и белой рубашке, в легких брюках темного цвета и лакированных туфлях. Приветливо улыбаясь, быстро подошел, обнял, взял за руки, осмотрел с ног до головы и сказал:

- Такой же, только немного потолстел. На какое-то время я почувствовал неловкость: маршал всю жизнь с полными людьми был не в ладах и наказывал тех, кто не занимался физической подготовкой. Но потом, все стало просто и естественно. За угощением шла оживленная беседа.

- Кушайте жерех, - предлагала Галина Александровна.

- Георгий как узнал о вашем приезде, наловил рыбы, заложил в холодильник и не велел трогать, пока не придет Михаил Федорович.

В зал резво вбежали две девочки.

- Это моя дочка, Машенька, - сказал маршал. - А эта - внучка Василевского, дочка Эры.

Им тогда было по десять лет. Он представил их, как мне показалось, с гордостью.

После обеда Георгий Константинович предложил прогуляться. Наступали вечерние сумерки, веяло прохладой. Мы были легко одеты. Маршалу показалось, что на улице излишне свежо.

- Вы же совсем раздеты, вот это сибиряки! И все-таки так не годится. Галя, - сказал своей жене, - принеси Елене Ивановне свое пальто, а Михаилу Федоровичу захвати мой плащ.

- Спасибо, товарищ маршал, нам не холодно, - возразил я.

- Не скромничайте, не надо рисковать здоровьем. Тепло никому еще вреда не приносило.

Маршал показывал нам свою дачу. Усадьба густо покрыта хвойными породами вперемешку с зарослями кустарника плюс густая трава. Все это напоминало мне кусочек сибирской тайги. Много грибов, ягод, рябины. Птичий гомон дополнял атмосферу буйствующей природы, которую маршал искренне любил и оберегал.

- Мы не заметили, как быстро прошло время. В голову пришла мысль: что если маршал спросит, что я увидел и запомнил у него, я бы не мог дать исчерпывающий ответ. А ведь он всегда требовал на любые вопросы отвечать коротко и полно. Правда, это было на войне. Теперь он стал более демократичным, мягким. Но я-то знал: ни при каких условиях при нем нельзя

расслабляться, надо быть предельно собранным. Мне показалось в то время, что я держу очередной экзамен.

Что касается интерьера, в глаза бросалась скромность обстановки жилых комнат и рабочего кабинета. Понравилась библиотека. Там оказалось немало справочных книг. Здесь же хранился личный архив маршала.

В стороне от дома - небольшая русская баня... Помню, на Халхин-Голе пришлось дважды вместе попариться. В отрогах Хамар-Дабы мы оборудовали баню в землянке. Топилась она "по-черному". В один из дней, в конце июля, баня была жарко "накочегарена". Командующий начал с того, что поливая водой раскаленные камни, "выгонял угар". Затем стал париться. Хлеща себя веником, приговаривал: "Поддай парку, поддай... Ну еще, еще!" От нестерпимого жара у меня горели уши, не выдерживали кисти рук, а ему все давай и давай парку.

- В следующий раз, чтобы у тебя были рукавицы и шапка, понял?

- Понял, товарищ командующий!

После боев в конце сентября он попарился еще раз, как говорил, "по-настоящему".

...Двое суток мы гостили у него на даче. Георгий Константинович охотно делился воспоминаниями о прожитой жизни.

Вот уже 10 лет он практически находился в изоляции. На октябрьском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС Г. К. Жуков был снят с должности и отстранен от какого-либо участия в общественной и государственной деятельности.

В 1965 году впервые маршал был приглашен и находился в президиуме торжественного заседания, посвященного празднованию 20-летия победы над фашистской Германией. Появление Г. К. Жукова вызвало бурный восторг всего зала. "Мы, фронтовики, - рассказывал об этом участник торжества, омич, генерал М. И. Кучерявенко, - приветствовали прославленного полководца, благодарили ЦК КПСС за восстановление справедливости по отношению к маршалу-победителю, любимцу Вооруженных Сил и народа".

Делясь впечатлениями от встречи на торжествах с тем, кто на поле брани и в тылу ковал победу, с кем приходилось разделять успехи и неудачи, он был взволнован и гордился тем, что его не забыли, помнят, чтят. Многих воинов узнавал и горячо приветствовал. Особенно ему запомнился генерал Козин.

- Вы не знаете такого? - спросил маршал. - Он из ваших краев.

- В Омской области такого Героя, по-моему, нет. Вроде бы по фамилиям всех знаю.

Маршал вспомнил:

- ...В Барнауле проживает Почетный гражданин города генерал Козин. Это - храбрейший человек. Впервые я его узнал в кровопролитных боях под Ельней в 1941 году. Тогда он был капитаном, командиром стрелкового батальона. Воевал стойко и умело и немало хлопот принес немецкому командованию на этом направлении. Затем помню его под Сталинградом и Курском. Дивизия его (52-я гвардейская 1-го Белорусского фронта. - М. В.) одной из первых ворвалась в Берлин, за что он и получил звание Героя Советского Союза. Это - настоящий сибиряк, самородок-тактик. Я с охотой посещал его дивизию. В ней всегда был порядок, и любая задача была ей под силу. Мне казалось, что он громче всех приветствовал меня. При случае передавайте ему привет.

Вскоре просьбу Г. К. Жукова я выполнил. Нестор Дмитриевич был тронут памятью выдающегося полководца.

- Какой же этот человек! Через горнило такой войны прошел тяжелую полосу послевоенной жизни и сохранил память обо мне, хотя вроде бы воевал как все, или как многие. Спасибо ему - сказал генерал.

А потом кратко высказал и свои воспоминания о Г. К. Жукове:

- Готовя удар против Ельнинской группировки противника, Георгий Константинович несколько раз приезжал в нашу дивизию и, в частности, в мой батальон. Он детально отработывал свой план. Изучал местность, расспрашивал о поведении противника, о моральном духе попавших в плен, о применяемой тактике и режиме поведения, об оружии, применяемом фашистами, и пр.

Я больше всего боялся за жизнь Георгия Константиновича, пытался не пропускать на передний край, особенно, когда бывал без сопровождения командования дивизии. Но командующий фронтом был неумолим. Ему нужно было самому посмотреть и решить, как я полагал, чего не доставало для уверенных действий. После разгрома фашистов под Ельней Г. К. Жуков приехал ко мне в батальон и вручил часы: "Богатырю Великой Отечественной войны Н. Д. Козину. Г. К. Жуков". Разве можно забыть такое? - закончил свой рассказ Н. Д. Козин. Полученные часы из рук Г. К. Жукова Нестор Дмитриевич передал Краеведческому музею.

Думается, рассказ был бы незаконченным, если не сказать несколько слов о Н. Д. Козине. Он истинный сибиряк из Татарского района Новосибирской области. Окончил Омское военное училище. Участник парада Победы.

Продолжим рассказ о Г. К. Жукове.

Наступившие признаки полной реабилитации и успешное

завершение "Воспоминаний и размышлений" окрыляли его. Он хотел рассказать всем людям Земли правду о прошедшей войне, предостеречь от повторения тяжких ошибок прошлого.

Его влекло к общению с людьми, как к естественной необходимости. Ему нужен был близкий человек. Георгий Константинович пригласил друга детства М. М. Пилихина, с семьей которого дружил всю жизнь. На даче маршала Пилихин прожил девять лет, вплоть до кончины Георгия Константиновича. Они глубоко уважали друг друга и вместе проводили свободное время.

На даче были фруктовый сад и часть свободной земли, на которой можно было выращивать различные овощи. М. М. Пилихину было выделено несколько корней яблонь и небольшой огород. Наступило лето. Маршал присматривался и однажды не выдержал:

- Миша, почему у тебя так пышно все растет? Посмотри, листва картофеля и огурцов - темно-зеленого цвета, с каким-то отблеском. А какая завязь на яблонях! У меня-то совсем не то. В чем же дело? Ты что, колдун какой или знаешь секрет крестьянский?

- Никакого секрета здесь нет. Земля любит, чтобы ее подкармливали. Тогда и она отвечает добром. Я вовремя окопал каждый корень яблони, удобрил землю, обильно полил ее под зиму, обрезал негодные сучья. Унавозил землю и под овощи. Когда надо, уничтожаю сорняки. Вот тебе и весь секрет.

Маршал не раз с интересом осматривал огород Пилихина, и он нравился ему все больше.

- Да, Миша, во всем нужен труд, труд добрый, заинтересованный. Человек должен радоваться, когда что-либо делает, и получать от этого удовлетворение.

Как относиться к земле, что ее надо удобрять, он знал хорошо. Но собственные руки до этого не доходили. Он был весь во власти воспоминаний прожитой сложной и интересной жизни. В ратном труде на полях сражений как никто другой он умел получить полновесный результат - Победу.

Это были годы тяжелейших испытаний его моральных, духовных и физических сил. Пережитое не могло не сказаться на его здоровье.

Вот что рассказал мне М. М. Пилихин. Привожу дословно: "Наступил конец 1967 года. Вся его семья: Георгий, Галина Александровна, Маша (младшая дочь, ей было 10 лет) и мать Галины - поехала в дом отдыха "Архангельское", а мне Георгий сказал: "Будь хозяином дачи, смотри за порядком, поливай цветы". Через некоторое время в доме отдыха "Архангельское"

Георгий Константинович внезапно серьезно заболел, и его срочно положили в больницу (Кремлевскую. М. В.). В конце лета 1968 года его отправили на поправку здоровья в санаторий "Борвиха". Мы с Галиной Александровной ездили туда навещать Георгия, и он был всегда рад нашей встрече. После поправки Георгия привезли домой на дачу в Сосновку-пять. Ходить он без посторонней помощи не мог, и с большим трудом его выводили на веранду, а потом в сад. Позднее из госпиталя привезли коляску, мы усаживали его туда, и я возил его по саду. Через некоторое время он стал просить коляской больше не пользоваться, а лучше с ним ходить. Левой рукой он держался за меня, а правой опирался на палку. Вначале продолжительность прогулок была в пределах 3-5 минут. С каждым последующим днем прибавляли по 2-3 минуты, и скоро он стал ходить почти хорошо. "Вот теперь я скоро поправлюсь, и мы с тобой будем ездить снова на рыбалку", - не раз повторял он. Ему хотелось вернуться к активной жизни, но болезнь не оставляла его в покое и частенько напоминала ему о себе вплоть до кончины".

Вскоре я сам убедился в этом. В один из дней декабря 1968 года я приехал к нему на дачу без предварительного согласования.

Это был единственный случай. По стечению обстоятельств мне не удалось заранее дозвониться: телефон дачи маршала не отвечал, и я решил поехать сразу. Мне была известна доброжелательность Георгия Константиновича, и я считал, что внезапность появления не вызовет в нем каких-либо нежелательных эмоций.

Вторая половина дня. Приятно ехать по лесной дороге. Богатая природа Подмоскovie - в зимнем наряде. Тишина. Мороз крепчал. Хвоя клонилась к земле под тяжестью снега. Обильный иней делал пейзаж сказочным.

Но вот и сама дача. Из-за поворота прогулочной дорожки, расчищенной от снега, показались два человека, одетых тепло, по-зимнему. Один из них - в черном полушубке типа тулупа и пушистой меховой шапке. Это и был Георгий Константинович. Сопровождал его Пилихин. Он поддерживал маршала под руку. Медленным шагом они прогуливались на чистом воздухе. Я почувствовал недоброе и тут же подключился к сопровождению. Маршал был нездоров. Некогда сильный и волевой человек ослабел и нуждался в посторонней помощи.

Во время ужина ему поставили вазу с моченой антоновкой. Он любил, чтобы яблоки находились в рассоле. Я сказал, что самая лучшая антоновка растет на Курской земле, на моей родине. Она чиста, крупна, ароматна. При зрелости становится

желтой и очень вкусной. Замачивают ее не сразу, а дают отлежаться. Для вкуса и запаха в рассол кладут яблочную ромашку. Создается неповторимый аромат, а яблоко становится приятным во всех отношениях и может храниться в рассоле до нового урожая. Маршал внимательно слушал.

В последующие годы я регулярно посещал маршала на его даче в Сосновке. И каждый раз он спрашивал: "Как вы сюда добрались, на чем, почему не позвонили? Я бы прислал машину".

Одна из таких встреч запомнилась мне как-то по-особому. Я имел время подумать и оценить складывающуюся обстановку как бы со стороны.

...Въездные ворота загородной дачи неторопливо открылись, и "Чайка" бесшумно подкатила к подъезду. В живописном сосновом бору - величественно и тихо. Хвойный аромат смешивался с запахом цветущих трав и фруктового сада. Небольшая оранжерея, где были высажены гладиолусы, розы, астры и другие цветы, придавала окружающему пейзажу ощущение уюта. Ласкающая тишина и какая-то особенная торжественность обстановки напоминали о вечности жизни, ее развитии и обновлении.

На простом обычном деревянном диване, какие часто можно видеть в общественных садах и парках, сидел человек с газетой. Некогда заставлявший врага содрогаться, человек этот выглядел очень умиротворенно: расстегнутый воротник белоснежной рубашки, шерстяная кофта, темные домашние брюки и легкие лакированные туфли. Чувствовалось, что за чтением газеты он был напряжен. Но тут же приветливо принял меня, расслабился и активно включился в разговор.

Наша теплая встреча (она была не последней) закончилась надеждой, что может повториться. От всего сердца у меня вырвались слова, без которых, кажется, нельзя было покинуть его: "Будьте счастливы, дорогой Георгий Константинович!" Мы распрощались, глядя друг другу в глаза. О чем он думал в эти минуты? Сдерживая слезы и подкатившийся к горлу комок, я крепился и успокоился лишь на пути к Калининскому проспекту.

О Г. К. Жукове, как о полководце, никто лучше не может сказать, чем его ближайшие соратники по войне. "В славной когорте советских полководцев, так блестяще завершивших военные действия разгромом армий фашистской Германии, он был самым заметным", - писал А. М. Василевский. Высоко отзывался о нем М. А. Шолохов: "Жуков был великим полководцем суворовской школы".

Но, пожалуй, мало кто знает, что Георгий Константинович был чувствителен даже к мелочам жизни, раним душой,

подвержен обидам, отходчив и терпеть не мог несправедливость. Благодаря своей внутренней силе и огромному самообладанию он умел скрывать свои чувства, а самая сложная обстановка на фронте как бы давала ему работу, пробуждала в нем вдохновение, собранность души и мыслей для того, чтобы выйти из критической ситуации и победить. Исполнением служебного долга он подавлял в себе личные обиды, не считался с ними, когда дело касалось государственных интересов.

В апреле 1941 года, возвращаясь из очередного отпуска, в Москве я встретил своего бывшего командира батальона полковника Г. М. Михайлова. Как и многие другие халхингольцы - Герои Советского Союза - он был слушателем Академии бронетанковых и механизированных войск.

Михайлов рассказал, что в прошлом году принимал участие в проводах Г. К. Жукова. Тот уезжал командовать Киевским особым Военным округом. На платформе Киевского вокзала собрались родственники и соратники по Халхин-Голу, представители наркомата обороны.

Г. К. Жуков благодарил всех, кто пришел проводить его к новому месту службы. В разговоре был сдержан. Иногда шутил и говорил: "Мы еще встретимся".

- Нам, провожавшим, - говорил Михайлов, - показалось, что Жуков чем-то расстроен, а некоторые говорили, что он даже прослезился.

- Не может быть, - возразил я.

- Нам тоже не верилось, но... ошибиться мы не могли. Шли годы. В одной из бесед жена М. М. Пилихина Клавдия Ильинична, включившись в наш разговор, сказала:

- Никто не видел слез Жукова, а я видела.

- Чем это было вызвано? - спросил я ее.

- Не скажу.

- Почему? Может, это очень важно. Ведь не мог же такой сильный духом человек ни с того ни с сего прослезиться.

- Не скажу.

Она упорно стояла на своем, не реагируя на наши аргументы. Разговор происходил в присутствии ее мужа Михаила Михайловича. Он предположил, что Георгий Константинович прослезился при воспоминании о Монголии. Но я не мог этому поверить, так как Г. К. Жуков гордился своей миссией в этой стране. Говорил скромно, что "войну провел, кажется, неплохо".

Однажды на даче маршала, улучив подходящий момент, я спросил его о причинах волнения при отъезде в Киев в апреле 1940 года. Что значили слезы, если они действительно были, - радость или огорчение?

Маршал ответил не сразу. Помолчали. Потом поведал (привожу ответ почти дословно).

- Я был польщен высокой оценкой выполнения поставленной задачи в Монголии со стороны высшего руководства партии и государства. Ведь меня назначили на более ответственный пост - командовать одним из важнейших приграничных военных округов. В беседах со Сталиным, Калининым и некоторыми другими членами Политбюро я окончательно укрепился в мысли, что война близка, она у порога нашего дома, она неотвратима. Да и новый для меня пост командующего таким ответственным приграничным округом являлся тому свидетельством. Но какая она будет, эта война? Готовы ли мы к ней? Успеем ли мы все сделать? И вот, наполненный ощущением надвигающейся трагедии, я смотрел на беззаботно провожавших меня родных и товарищей, на Москву, на благоухающий мир природы и радостные лица москвичей и думал, что же будет с нами? Придется ли еще раз разделить радость жизни вот такой, как представлялась она тогда? Многие же этого не понимали. Мне как-то стало не по себе, и я не мог сдержаться. Я полагал, что для меня война уже началась. Но, зайдя в вагон, тут же отбросил сентиментальные чувства. С той поры моя личная жизнь была подчинена предстоящей войне, хотя на земле нашей еще был мир.

...В первую послевоенную встречу, сидя за обеденным столом, я спросил его:

- Товарищ Маршал Советского Союза, как же вы могли перенести все это?

Для ясности, мне кажется, не лишне напомнить читателю, что понималось под словом "это". "Это" - заочное снятие его с должности Министра Обороны в 1957 году и сложившаяся вокруг него обстановка. Когда он возвратился из Югославии в Москву, на аэродроме его уже никто не встречал. Его кабинет занимал другой.

Услышав мой вопрос, он посерьезнел и ответил:

- Когда я вернулся домой, я принял двойную порцию снотворного и уснул. Проснувшись, повторил то же самое. Так длилось пятнадцать дней. Я просыпался, ел, принимал очередную порцию снотворного и засыпал. Во сне я пережил беду, хотя и ослаб. Несколько успокоившись, обратился в ЦК за разрешением поехать на юг отдохнуть. Там я пришел в себя.

Он улыбнулся и добавил: так что советую, в случае чего...

Многое мне еще предстояло узнать. Самые сокровенные страницы биографии маршала прочитывались мной постепенно одна за другой, по мере изменения обстановки не только непосредственно вокруг командующего, но, порой, и в стране.

В первых числах ноября 1939 года, находясь в Улан-Баторе, он командировал меня в Москву с наградными материалами, и уже 17 ноября был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении отличившихся на Халхин-Голе. Провожая, Георгий Константинович наказывал: "Зайдите сразу к Михаилу Михайловичу Пилихину, моему двоюродному брату, передайте вот этот чемодан и письмо. Живет он недалеко от центрального почтамта, в Брюсовском переулке, 21. Скажите, непременно приеду с подарками, как обещал. А вот эту записку отдайте директору Центрального универмага Военторга".

Последняя просьба может показаться курьезной. Герой халхингольских событий, грозный укротитель самурайской орды... просил продать ему несколько метров ситца для дочек и соленой кильки в банках. Что делать? Время было тяжелое. Материального изобилия страна не достигла. Не от хорошей жизни он обращался с такой просьбой к работникам торговли. Она вполне соответствовала его личной скромности и непритязательности. Ясно, что другой при таких заслугах замахнулся бы куда на большее, и ему это сделали бы, как говорится, с доставкой на дом. Но в том-то и дело, что Жуков никогда не отождествлял своей должности с собственной персоной и не злоупотреблял высоким положением.

Михаил Михайлович рад был получить весточку. Прочитал письмо несколько раз, показал мне. Георгий Константинович писал: "Миша, шлю тебе привет. Очевидно, я через месяц-полтора буду в Москве. Тогда обо всем поговорим, а сейчас скажу коротко. Провел войну, кажется, неплохо. Сам здоров. Сейчас налаживаю дела, так как за войну кое-что подраболталось. Посылаю тебе костюм, который я получил в подарок от наркома. Он мне узковат. Шлю тебе майку и хромовые сапоги. Жму руку. Георгий".

- Последний раз мы виделись перед отъездом в Монголию, - говорил Михаил Михайлович. - Когда вызвали Георгия к наркому Ворошилову, он испугался: думал, посадят. Так поступить с ним уже пытались во время службы, в Белоруссии. Спасло вмешательство Ворошилова. (Последний знал Жукова хорошо. В 1933-1937 годах Георгий Константинович командовал 4-й Донской казачьей кавалерийской дивизией имени К. Е. Ворошилова, в прошлом входившей в конную армию Буденного. В годы гражданской войны Клемент Ефремович неоднократно ходил с ней в атаку. В мирное время продолжал интересоваться ее состоянием, бывал в дивизии, встречался с конармейцами. Однако вскоре соединение потеряло былую славу. Когда Г. К. Жуков взял дивизию под начало, 4-я кавалерийская стала одной из лучших в Красной Армии. А командир был награжден орденом

Ленина. Видать, Ворошилов был немало благодарен ему, что не побоялся заступиться за него в смутном 1937 году).

1 июня 1939 года Г. К. Жуков, как заместитель командующего войсками Белорусского военного округа, производил разбор командно-штабного учения 3-го кавалерийского корпуса в Минске, и вдруг от члена Военного Совета округа И. З. Сусайкова поступило сообщение о звонке из Москвы относительно Георгия Константиновича: "немедленно выехать и завтра явиться к наркому обороны". Неожиданное известие встревожило. События 1937-1938 годов, безжалостная бойня, устроенная военным кадрам, были живы в памяти. Он был глубоко убежден, что командующий войсками Белорусского военного округа И. П. Уборевич, маршал М. Н. Тухачевский, которых Георгий Константинович знал еще по совместным боям с кулацкими бандами Антонова в гражданскую войну, были репрессированы по ложному обвинению. Ведь он долгое время служил в прямом подчинении И. П. Уборевичу, а под председательством М. Н. Тухачевского участвовал в разработке боевого Устава конницы. Это были выдающиеся военачальники, которые оказали огромное влияние на формирование полководческих качеств Г. К. Жукова.

Не подавая вида, Г. К. Жуков распрощался с участниками разбора и отбыл в Смоленск, к себе домой, чтобы собраться в дорогу. Жена, Александра Диевна, укладывая чемодан, попросила Георгия, чтобы он посмотрел, не забыла ли она чего.

- Пусть будет так, как ты сама определила. Хватит и этого, отмахнулся он, не отходя от детей - Эры и Эллы.

Перед отъездом, по русскому обычаю, присели, помолчали, чего никогда не было перед обычными командировками. Попрощались, обнялись напоследок, с надеждой скоро встретиться.

Ему подумалось, что вызов в Москву - замаскированный способ изолировать его навсегда. А оказалось, что его ожидало ответственное почетное поручение.

- Задание К. Е. Ворошилова воодушевило его, - продолжал М. М. Пилихин. - Георгий ночевал у нас. Когда же вернулся из наркомата, в первую очередь сказал, что "голоден как волк". Уезжая, благодарил, признавался, что чувствует себя у нас как дома. Куда едет, не говорил, только обмолвился: "Или вернусь с подарками, а если что - не поминайте лихом".

Весть о разгроме 6-й японской армии на Халхин-Голе облетела весь мир. Он узнал Жукова как выдающегося полководца. Однако даже последующие победы стратегического значения в Великой Отечественной войне с его направляющим участием не могли погасить душевного потрясения тех далеких

лет. Он всегда помнил об опасности, подстерегающей из-за угла, и был бдителен. Так он себя чувствовал до кончины Сталина и устранения Берии.

Георгий Константинович идеальным себя не считал. Он допускал и ошибки, признавал их, старался поправлять. Не доверял тем, кто стремился замазать свои промахи и просчеты, и ненавидел тех, которые считали себя непогрешимыми во всех делах. В его понятии это значило: "У бездельника ошибок не бывает". Однако мера ответственности, считал он, должна объективно соответствовать и степени нанесенного вреда, и обстоятельствам, сопутствующим этому, и способности человека поправить положение.

Авиаконструктор А. Яковлев писал, что Сталин Г. К. Жукова высоко ценил, любил и, как правило, считался с его мнением. Однако "после войны интриги Берии и Маленкова подорвали доверие Сталина к нему".{85}

Однажды Георгий Константинович сказал, что "слава иногда больно бьет по тебе другим концом".

Да, в жизни многое ему пришлось испытать. Г. К. Жуков был выведен из состава ЦК и перемещен с поста заместителя министра на должность командующего войсками Одесского, а затем Уральского военных округов. Он хорошо понимал, что его хотят поставить в такое положение, которое вызывало бы в нем явное недовольство, пассивность в работе, моральное падение. Но он, несмотря ни на что, оставался волевым, неутомимым в работе, строгим и требовательным, решительным в укреплении боевой готовности войск с учетом требований современной войны.

Нам, военным, проходившим службу в соседнем Сибирском военном округе, было известно, что популярность Г. К. Жукова среди народа не ослабевала. При появлении его в свердловских театрах все вставали, приветствуя своего героя. На парадах и демонстрациях Г. К. Жукова встречали бурными овациями. Берия об этом знал и принимал соответствующие меры.

Георгий Константинович рассказывал, как тучи сгущались над ним, особенно в период командования Уральским военным округом. "Но Сталин не дал согласия на мой арест", - заметил он.

Помотав Г. К. Жукова по второстепенным военным округам, Сталин внезапно назначил его заместителем министра обороны. На XIX съезде партии, в октябре 1952 года, Г. К. Жуков был избран кандидатом в члены ЦК.

После "ленинградского дела" прошло не так уж много времени. Не стало Алексея Александровича Кузнецова, бывшего члена Военного Совета Ленинградского фронта, фактически

возглавлявшего Ленинградскую партийную организацию в период блокады, позднее - секретаря ЦК. Не стало Н. А. Вознесенского и других видных талантливых партийцев и хозяйственников.

Возобновившиеся репрессии Г. К. Жуков расценивал как очередную волну истребления кадров. Злая воля пыталась похоронить истинную историю, развенчать веру советских людей в своих руководителей, коим партия и народ вверяли свою судьбу в годину смертельной опасности, нависшей над нашей Родиной.

...Последняя моя встреча с Георгием Константиновичем состоялась вновь на загородной даче. Она запечатлелась в моей памяти со всеми подробностями. Это было 30 ноября 1973 года. Он приветливо улыбался и был весьма, как мне показалось, рад моему появлению. Внешне маршал не подавал признаков еще не остывшего горя: исполнилось всего две недели, как он похоронил свою жену чуткую, добрую, отзывчивую, очень стойкую и мужественную Галину Александровну. Несовершеннолетняя Машенька осталась сиротой при нездоровом отце и пожилой бабушке. Она оканчивала в следующем году только 10-й класс. Как сложится ее жизнь дальше? Вот что тревожило его.

- Михаил Федорович, все сложилось так, что пожить надо еще хотя бы один годок, - говорил он.

Шесть лет назад на человека с могучей натурой и некогда завидной силой и здоровьем обрушилась тяжелая болезнь. Боли не проходили до последнего дня жизни. Последствия инфаркта и кровоизлияния в мозг были мучительно долгими. Воспалительный процесс лицевого нерва не прекращался.

- Боли лица и головы у меня постоянные с 1968 года. Представьте себе, как удаляют здоровый зуб без обезболивания. У меня боли сильнее, - поделился он.

. Зачем же вы перегружаете себя работой, и куда смотрят врачи?

- Все это правильно. Но когда работаешь, как-то отвлекаешься, а поддаешься болезням - считай, совсем пропал. Только плохо то, что после еще сильнее болеешь и выходишь из строя на несколько суток подряд. Натура-то у меня такая: за что взялся - не могу бросить, пока не кончу. Вот моя последняя глава второго издания "Воспоминаний и размышлений". Учел пожелания читателей по первому изданию и внес некоторые уточнения и практически закончил работу над вторым: осталось подобрать фотографии, схемы. Книга должна выйти в двух томах общим объемом, примерно, страниц 700-800.

- Товарищ Маршал Советского Союза, учитываете ли вы описанное А. Чаковским в книге "Блокада" ваше появление на заседании Военного Совета Ленинградского фронта и начало

деятельности в должности командующего? На вас была наведена тень всезнайства и ненормальности отношений с А. А. Ждановым.

- На заседании Военного Совета Чаковского не было. Как решались вопросы, он знать не мог. Было время, когда на Жукова можно было валить всякую небылицу. Этим воспользовался и Чаковский. Я об этом писал Центральному Комитету. Вот здесь, - указывал он на стул, - он сидел и извинялся.

Продолжая разговор, Георгий Константинович сделал некоторые пояснения.

Думается, будет уместным привести слова высказывания бывшего начальника Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии Д. В. Павлова, который находился в Ленинграде вместе с Г. К. Жуковым и хорошо знал момент вступления Георгия Константиновича в должность командующего фронтом.

Из написанной им книги "Стойкость" явствует, что приезд Г. К. Жукова в сентябре 1941 года в Ленинград, показанный в кинокартине "Блокада", истолкован необъективно. Вот, что он пишет: "Посмотрев их (кадры из фильма. - М. В.), я был удивлен и опечален. Постановщики картины, очевидно, желая наиболее выпукло показать полководческие качества нового командующего, на мой взгляд, переусердствовали.

...Я могу сказать, что Георгий Константинович Жуков умел прислушиваться к голосу людей, знавших свое дело. Мне приходилось неоднократно наблюдать уважительное отношение Г. К. Жукова к подчиненным в сложных ситуациях. А его отношение к А. А. Жданову и другим членам Военного Совета было безупречным. Приезд Жукова и прием им дел от Ворошилова проходил в иной обстановке, чем показано в кинокартине "Блокада".

Жуков пробыл в Ленинграде всего 27 дней, но и за этот короткий срок оставил о себе неизгладимую память"{86}.

- В 60-х годах, - продолжал рассказ Георгий Константинович, - вместе с Галиной мы побывали в Ленинграде. Хорошо отдохнули, развеялись. Хотелось быть незаметным. Посмотрели город и посетили некоторые памятные места. Если восстановленный из руин город вызывал гордость за наш народ, партию и правительство, то посещение Пискаревского кладбища было тяжелым зрелищем. Пережил я это по-особому. Передо мной вставали картины осажденного города: гибель людей, опустошенные улицы, разрушенные кварталы, отсутствие тепла и света, нехватка воды. На фоне всего этого - невиданный героизм ленинградцев, их беспредельная вера в Советскую власть и партию коммунистов, самоотверженность в защите своей Родины.

Я не мог спокойно слушать круглосуточно звучащие траурные мелодии, низко поклонился погребенным в огромных братских могилах и Матери-Родине, - закончил Георгий Константинович.

Зная его характер, необычное самообладание, душевную доброту, сердечность и обаяние, я старался не касаться семейного несчастья. Но особое его состояние бросалось в глаза. В звучании всегда уверенного голоса проскальзывали нотки непривычной исповедальности. Он много говорил, заботливо ухаживал за мной: "Михаил Федорович, выпейте рюмочку, вы с дороги. Вот лимоны - берите, не стесняйтесь. Как поживает ваша жена Елена Ивановна, привет ей и дочке передавайте от всех нас".

Георгий Константинович похудел, осунулся. Болезнь давала о себе знать. На лице, по-прежнему мужественном, под левым глазом - небольшие пятна следы иглотерапии. Встреча наша подходила к концу, а мы мало о чем поговорили. У входа появились врач и медицинская сестра. Они ждали, когда маршал освободится для процедур.

- Георгия Константиновича нельзя перегружать, ему нужен покой, как можно более длительный и глубокий, - говорил мне врач перед этой встречей.

Но Георгий Константинович не подавал никакого повода к окончанию нашей беседы. Он был внимателен и вежлив. А в мою душу почему-то все настойчивее стучались известные пушкинские слова из "Бориса Годунова": ... "Но близок день, лампада догорает - еще одно, последнее сказанье..."

Меня донимало тяжелое предчувствие.

Как говорят, все имеет свое начало и свой конец. Под упрекающими взглядами медиков мы распрощались, обнялись по-мужски, крепко. Я посмотрел ему вслед и вышел в прихожую, чтобы собраться в дорогу и поблагодарить Клавдию Евгеньевну. Но тут же услышал его голос:

- Михаил Федорович!

Я быстро обернулся и увидел его, идущего мне навстречу. Мы еще раз тепло распрощались, и он сказал:

- - Счастливого пути вам, Михаил Федорович, не проезжайте мимо.

Эти слова глубоко тронули меня. Как оказалось, они были последними, адресованными мне. Георгий Константинович повернулся молча и пошел к врачам. Они сразу же взяли его под руки и повели в процедурную. Я смотрел ему вслед, пока не закрылась за ним дверь. Не хотелось и думать, что для меня он уходил навсегда. Мне показалось, что этот могучий человек "сдал свои позиции" и больше не в силах сопротивляться болезни.

Так закончилась наша последняя встреча. Вокруг дачи,

окруженной хвойным и лиственным лесом, было удивительно свежо и тихо. Ели и сосны в зимнем наряде были печальны и торжественны. Густые ветви обвисли под тяжестью обильно выпавшего пушистого снега. На глубоком снегу перед парадным входом дачи - свежие следы птиц и какого-то зверька. На одной из сосен неумоимо, изредка посвистывая, шныряла по сучьям белка. Разметенные дорожки для прогулок и скамейки, на которых маршал отдыхает, также посыпаны нежной просвечивающейся порошей. По аллеям сегодня еще никто не ходил, хотя перевалило за двенадцать.

И как-то невольно подумалось, что этот лес в Подмоскovie по-своему сродни маршалу. При защите столицы он укрывал войска полководца и тем хранил тайну его замыслов. Говорил бы этот лес, он мог бы поведать много сокровенного о последних годах жизни полководца, о тропинках, милых его сердцу, по которым ходил, о цветах, им выращенных, о белке, которую подкармливал. Здесь он написал свой замечательный труд "Воспоминания и размышления", ряд статей, обличающих фальсификаторов истории Великой Отечественной войны. Здесь он принимал видных государственных и общественных деятелей, полководцев, писателей и журналистов, кино - и фотокорреспондентов, делегаций своих земляков из Калужской области. Он был в строю до последних дней, пока болезнь окончательно не лишила его трудоспособности.

Вместо послесловия

18 июня 1974 года, около 16 часов, мне позвонил адъютант маршала подполковник И. А. Прядухин и сообщил, что в этот день, в 14 часов 45 минут, Георгия Константиновича не стало. Вечерним рейсом Омск - Москва 19 июня я вылетел и в час ночи 20 июня прибыл во Внуково. В эту же ночь узнал, как пройти в Краснознаменный зал к телу покойного, чтобы влиться в число родных и близких.

Вот и площадь Коммуны. По всему периметру она опоясана людьми, идущими проститься с Маршалом и проводить его в последний путь. Стараюсь определить порядок движения людского потока, иду навстречу ему, вышел на улицу Достоевского. Тысячи москвичей и приезжих широкой лентой, молча, шли отдать дань любви и глубокого уважения народному Герою. На фронте Центрального Дома Советской Армии им. М. В. Фрунзе - в траурном обрамлении портрет Г. К. Жукова. На подступах к Краснознаменному залу, у входа и на лестничных клетках, - солдаты из Почетного караула. Они стройны, высоки, красивы, траурно торжественны. В зале, на высоком постаменте, среди живых цветов установлен гроб с телом покойного. В зал

вносятся все новые и новые венки, цветы. Страна трогательно прощалась с верным сыном ленинской партии.

В связи с неиссякаемостью потока людей было решено продлить время доступа к телу покойного на два часа.

В 18 часов - последнее прощание. К телу покойного подходят его дочери, близкие родственники и соратники. В 20 часов состоялась кремация.

21 июня. Последний день прощания. Доступ к урне с прахом открыт в 9 часов утра. Опять сажусь в третьем ряду, среди родственников. В Почетный караул становятся бывшие воины. Я узнаю их по боевым наградам. Их лица решительны и сосредоточенны. Они не боятся слез.

Под звуки траурного марша члены Правительственной комиссии выносят урну с прахом Г. К. Жукова из зала и устанавливают на катафалк. В глубоком скорбном молчании мы идем вслед. На площади садимся в машины. Меня приглашают в "Чайку". Здесь нас пять человек: кроме меня два зятя и две внучки маршала.

От площади Коммуны до Дома Союзов мы едем по пустой проезжей части дороги в живом коридоре. Справа и слева на тротуарах в полной тиши и печали выстроились сплошной стеной люди всех возрастов и рангов.

У Дома Союзов урну переносят на орудийный лафет. В сопровождении воинского эскорта траурная процессия движется на Красную площадь, где собрались тысячи представителей трудящихся столицы, выстроились воинские подразделения. У правительственной трибуны урну с прахом Г. К. Жукова устанавливают на постамент.

Похоронную процессию сопровождают телекамеры, множество фото-, телерепортеров и корреспондентов. Красная площадь выглядела необычайно: она реставрировалась. На площади башенные краны, леса и строительные материалы. В нашей стране, пожалуй, нет человека, который бы ступал на Красную площадь без волнения. Здесь мне посчастливилось участвовать во многих парадах войск, начиная с первых лет после окончания войны.

В моем представлении она как бы слилась с судьбой полководца. По поручению партии и правительства здесь он принимал парады войск, как командующий Западным фронтом организовывал оборону Москвы, обеспечивал безопасность парада войск Красной Армии и ополченцев 7 ноября 1941 года, когда фашистские полчища стояли на ближних подступах к столице. С Красной площади в состав своего фронта он принимал советских чудо-богатырей, шедших прямо с парада в бой. В одной из бесед

он сказал, что задача руководства фронта (Западного - М. В.) заключалась в том, чтобы искусно распорядиться силами и средствами, которые дала Родина, организовать дело так, чтобы не только остановить и обескровить фашистов, рвущихся к Москве, но и разбить всю его группировку и отстоять Москву. С этой задачей Г. К. Жуков справился успешно. Командный пункт Западного фронта в Перхушкове навсегда останется святым и памятным местом.

В 1945 году Маршал Советского Союза вновь появился на Красной площади в новом качестве. Ему было поручено принять парад Победы. Кто из современников не помнит его на коне чистой белой масти! Красавец конь арабской породы специально был куплен правительством за границей, чтобы придать особую торжественность победному ритуалу. Известный фотокорреспондент военных лет Е. А. Халдей заснял принимающего парад. Вот, что он рассказал нам после захоронения маршала:

- Этот снимок облетел весь мир и был опубликован во всех странах.

После добавил, что в беседе с ним, вспоминая этот эпизод, Георгий Константинович сказал: "...он меня нес, как конек-горбунок".

Артиллерийский салют обострил чувство понесенной утраты. Никак не хотелось верить тому, что свершилось. Последним я положил цветы перед вмурованной урной с прахом моего командующего у Кремлевской стены.

Последние годы жизни Георгия Константиновича были заполнены заботами о Родине, ее Вооруженных Силах, о ветеранах войны, перед героизмом которых он преклонялся. Обращаясь к советской молодежи в заключение уже известного читателю труда, он писал: "...новое, молодое поколение - вот надежда народа. Мое слово к вам, молодые люди: будьте всегда бдительны! День промедления в минувшей войне обошелся нам очень дорого. Теперь в случае кризиса счет может идти на секунды...

Советский солдат вынес тогда тяжкие испытания. А сегодня старая рана заговорила, здоровье шалит. Бывший фронтовик не станет вам жаловаться - не та закваска характера. Будьте сами предупредительны. Не оскорбляя гордости, относитесь к ним чутко и уважительно. Это очень малая плата за все, что они сделали для вас в 1941-м, 42-м, 43-м, 44-м, 45-м..."{87}

Выдающийся мастер слова, М. Шолохов позднее напишет: "Жуков был великим полководцем суворовской школы. Он понимал, что на плечи солдата легла самая нелегкая часть

ратного подвига. Думаю, поэтому его воспоминания и пользуются такой любовью". 20 июня 1974 года "Комсомольская правда" опубликовала статью известного журналиста В. Пескова "Народный Маршал". В заключительной ее части сказано: "...а память народная будет беречь имя Жукова в ряду имен Отечества. Суворов, Кутузов, Жуков... Мы скоро привыкнем к соседству этих имен. И это лучший памятник полководцу".

Но первый мемориальный памятник выдающемуся советскому полководцу был открыт в столице социалистической Монголии, где началась полководческая биография Г. К. Жукова. Это было 19 августа 1979 года, в канун славного 40-летия победы советско-монгольских войск над войсками японских милитаристов на Халхин-Голе. Здесь, в Улан-Баторе, на проспекте Жукова в этот день состоялась церемония открытия дома-музея Г. К. Жукова и закладка памятника ему.

На торжество по этому случаю был приглашен и я. И вот через 40 лет мне вновь посчастливилось побывать в доме, в котором жил Г. К. Жуков со своей семьей после приезда из района Халхин-Гола в Улан-Батор. В октябре 1939 года я первый переступил порог этого небольшого одноэтажного, скромного на вид особняка, чтобы проверить его готовность к заселению, пока командующий находился в штабе. Кажется, все было готово, но при проверке телефонной связи мы не могли дозвониться дежурному по штабу. Пришлось срочно вмешаться.

На церемонии открытия Дома-музея Г. К. Жукова с проникновенной речью выступил тогдашний Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР, председатель Совета обороны, маршал МНР Ю. Цеденбал. Он сказал:

"С великой благодарностью вспоминая сегодня о советских и монгольских героях Халхин-Гола, мы вправе называть первым имя выдающегося сына Коммунистической партии и советского народа, прославленного полководца Великой Отечественной войны Георгия Константиновича Жукова... Сегодня мы здесь собрались для того, чтобы в торжественной обстановке открыть музей Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в доме, в котором он жил и работал с октября 1939 года до мая 1940 года, будучи командующим 1-й армейской группой советских войск, временно находившихся в МНР по просьбе нашего правительства...

Великий военный деятель Г. К. Жуков жив среди нас своими героическими делами и воюет вместе с нами против фальсификаторов истории войны, против сил империализма, гегемонизма и экспансионизма. Его прославленное имя зовет нас к бдительности в отношении любителей бряцать оружием, сил

реакции и войны".

Переступив порог дома-музея, я почувствовал близость того времени и тесную причастность к нему. Все, что мне запомнилось, всплывало в мыслях и чувствах. Казалось, что и частица моего сердца заключена в этих стенах.

Небольшая проходная комната - как бы фойе музея - некогда служила рабочим кабинетом полковнца. У окна двухтумбовый стол светлого тона, на котором стояла обыкновенная чернильница, позднее замененная на чернильный прибор. Писал он ученическим пером № 86. Против стола у стены двустворчатый шкаф с книгами, в левом углу, при входе в столовую, находилась старая и громоздкая, в виде большой тумбы, радиолa коричневого цвета, покрытая лаком, с автоматическим снятием проигранных пластинок. Эта музыкальная машина часто выходила из строя, а звучание ее мало отличалось от потрепанного патефона.

В один из вечеров, когда мы были с ним вдвоем, он сел писать статью о победе на Халхин-Голе для газеты "Красная звезда". Я смотрел, как он работал. Временами прохаживаясь по комнатам, возился с радиолoй, интересовался ее устройством. Видимо, я мешал ему сосредоточиться и потому Георгий Константинович сказал мне:

- Возьмите-ка лучше в шкафу Лодзинскую операцию, прочитайте и разберитесь.

Стало ясно, на расслабление у меня нет ни права, ни возможностей. Книгу эту я нашел тут же. Автор - комбриг Левицкий. Мне хотелось спросить: не тот ли это Левицкий, который был у нас на Хамар-Дабe как представитель Академии Генерального штаба? Но я не спросил. Позже узнал, что это был именно он автор книги, с которой пришлось познакомиться при таких необычных обстоятельствах.

Экспозиции музея рассказывают о зарождении братского монголо-советского боевого содружества. О разгроме японских агрессоров объединенными войсками под командованием Г. К. Жукова в районе реки Халхин-Гол в 1939 году, о содружестве МНР и СССР в годы Великой Отечественной войны и совместных действиях советских и монгольских войск по разгрому Квантунской армии Японии на завершающем этапе второй мировой войны в августе 1945 года. Выставленные в зале музея фотографии и документы свидетельствуют об укреплении боевого единства МНР и СССР в послевоенные годы, о дружбе и совместной жизни монгольских и советских воинов. Здесь - овеянные славой боевые знамена армейских частей и другие экспонаты.

Наступил очередной волнующий момент. Ю. Цеденбал

показал место, где намечалось воздвигнуть памятник Г. К. Жукову. Советские товарищи с огромным удовлетворением восприняли этот благородный акт ЦК МНРП и правительства МНР. Мы понимали, что память о полководце, его слава на монгольской земле относятся в первую очередь к нашей партии, советскому народу и его Вооруженным Силам.

Во время поездки в Монголию мне удалось посетить и два краеведческих музея: один в городе Чойбалсане - центре Восточного аймака, другой - в Центральном аймаке, недалеко от столицы. В музеях на самом видном месте оборудованы специальные стенды, посвященные Халхин-Голу, дружбе между нашими странами. На переднем плане - герои-халхингольцы, и среди них центральное место занимают фотографии Г. К. Жукова периода 1939 года.

Вечером я написал в книге посетителей Дома-музея Жукова:

"Музей Г. К. Жукова произвел на меня огромное впечатление. Я благодарен за это ЦК МНРП и Монгольскому правительству. В этом доме Георгий Константинович жил с 23 октября 1939 года до второй половины мая 1940 года. Семья прибыла к нему на четыре дня позднее: жена - Александра Диевна, старшая дочка Эра - 11-12 лет, младшая дочка Элла. Вечерами он здесь много работал и по-детски радовался, играя со своими детьми. Здесь он продолжал изучать Западный театр военных действий. Для него была подготовлена карта масштабом 1:500000 по меридиану до линии города Калинин и западнее, с которой он работал. Имел небольшой книжный шкаф с литературой о войне и армии и по военному искусству прошедших войн. Книги были доставлены багажом. Семью привез порученец члена Военного Совета М. С. Никишева капитан Пушкин Т. И.

Пусть память о моем командующем, воспитанном великой партией, послужит делу дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества наших народов и армий и патриотическому воспитанию молодежи".

Примечания

{1} См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 232.

{2} Сегун - правитель японского феодального государства.

{3} Цит. по: Бушменов Н. С. Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае в 1931-1933 гг. М., 1940, с. 3.

{4} Японский милитаризм (военно-историческое исследование). М., 1972, с. 50.

{5} Богдо-Гэгэн - глава ламаистской церкви и государства автономной Внешней Монголии.

{6} История Монгольской Народной Республики. М., 1967. С. 273.

{7} Аньфу - клика китайских милитаристов прояпонской ориентации в Северном Китае.

{8} Чжили - клика китайских милитаристов проамериканской ориентации.

{9} Коммунистический интернационал, М., 1931, №33-34, с. 49. (Этот документ, врученный императору 15 июля 1927 г. премьер-министром генералом Г. Танакой, в советской литературе иногда называется "Меморандум Танаки". Г. П.).

{10} Правда, 1935, 27 января.

{11} См.: Внешняя политика СССР, т. IV. М., 1946, ст. 557-586: Документы внешней политики СССР, т. XIX. М., 1974.

{12} ЦГА СА. Коллекция, оп. 3, д. 756, л. 170.

{13} Правда, 1936, 23 февраля.

{14} Первая советская смешанная авиаэскадрилья прибыла на территорию МНР летом 1935 г. Позднее, в 1936 и 1937 гг., сюда из Забайкалья были переброшены и другие эскадрильи советской авиации, образовавшие авиационный гарнизон особого корпуса. - Г. П.

{15} "Внутренний" или "собственно Китай" - территории страны, лежащие к югу от Великой китайской стены.

{16} Правда, 1939, 1 июня.

{17} Цирик (монг.) - солдат, воин.

{18} Советско-Монгольские отношения. 1921-1974. Сборник документов. Т. 1. М., 1975, с. 413.

{19} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, т. 1. М., 1975, с. 163-192.

{20} Побратимы Халхин-Гола. М., 1979, с. 13.

{21} Шишкин С. Н. Боевые действия Красной Армии у реки Халхин-Гол в 1939 году. М., 1974, с. 12.

{22} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, т. 1. М., АПН, 1974, с. 165-166.

{23} Кузнецов И. И. Герои Халхин-Гола. Улан-Батор, 1981, ст. 89.

{24} Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968, с. 39-40.

{25} Кузнецов И. И. Герои Халхин-Гола. Улан-Батор, 1981, с. 17.

{26} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, т. 1. М., 1974, с. 167.

{27} Впоследствии Маршал войск связи.

{28} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, т. 1. М., АПН, 1974, с. 169.

{29} Т. е. самолетами.

{30} Кузнецов И. И. Герои Халхин-Гола. Улан-Батор, 1981, с. 27.

{31} Остается впечатление, что в книге при верстке пропущены некоторые предложения или абзацы. Откуда взялся косач - не описывается. - OCR.

{32} Кузнецов И. И. Герои Халхин-Гола. Улан-Батор, 1981, с. 122.

{33} Кузнецов И. И. Герои Халхин-Гола. Улан-Батор, 1981, с. 79.

{34} Федюнинский И. И. Красная Звезда. 1969, 19 августа.

{35} Боевое содружество. М., 1983, с. 94.

{36} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, т. 1. М., АПН, 1974, с. 172.

{37} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, т. 1. М., АПН, 1974, с. 172.

{38} Боевое содружество. М., 1983, с. 99.

{39} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, т. 1. М., АПН, 1974, с. 172.

{40} Военно-исторический журнал. 1979, № 8, с. 47-48.

{41} Военно-исторический журнал. 1979, № 8, с. 70.

{42} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, т. 1. М., АПН, 1974, с. 177.

{43} Красная звезда, 1958, 20 июля.

{44} История второй мировой войны 1939-1945 гг., т. 11. М., 1980, с. 168.

{45} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, т. 1, М., АПН, 1974, с. 59.

{46} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 3-е, т. 1. М., АПН, 1974, с. 152.

{47} Правда, 1939, 1 июня.

{48} Бои у Халхин-Гола. Партийно-политическая работа в боевой обстановке. М., 1940, с. 32.

{49} Бои у Халхин-Гола. М., 1940, с. 334.

{50} Бои у Халхин-Гола. М., 1940, с. 34.

{51} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 3-е, т. 1. М., 1974, с. 161.

{52} Героическая красноармейская, 1939, № 106.

{53} Бои у Халхин-Гола. М., 1940, с. 509.

{54} СССР - МНР. Страницы братской дружбы. Воспоминания. М., 1981, с. 135.

{55} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 3-е, т. 1. М., АПН, 1974, с. 185.

{56} Бои на Халхин-Голе. М., 1940, с. 435.

{57} Побратимы Халхин-Гола. М., 1979, с. 263.

{58} Боевое содружество. М., 1983, с. 38.

{59} Там же, с. 34.

- {60} Боевое содружество, М., 1983, с. 99.
- {61} Героическая красноармейская, 1939, 14 сентября.
- {62} Героическая красноармейская, 1939, 10 августа.
- {63} Героическая красноармейская, 1939, 24 августа.
- {64} Там же, 19 августа.
- {65} Унэн, 1945, 13 мая.
- {66} Унэн, 1945, 8 мая.
- {67} Советско-монгольские отношения 1921-1974. Документы и материалы. М., 1979, т. 2., ч. 1, с. 2.
- {68} Сухэбатырын Янжима (1893-1963) - видный партийный и государственный деятель МНР, соратник и жена Д. Сухэ-Батора, член МНРП с 1922 г., член Президиума (а с 1943 г. - Политбюро) ЦК МНРП с 1940 по 1947 гг. - секретарь ЦК МНРП, с 1951 г. - депутат Великого народного хурала МНР.
- {69} Советско-монгольские отношения 1921-1974. М., т. 2, ч. 2, с. 402.
- {70} Тугрик - денежная единица МНР. По курсу 1938-1950 гг. один тугрик равнялся 1 руб. 31,4 коп.
- {71} Советско-монгольские отношения 1921-1974, М., т. 2, ч. 1. С. 11-12.
- {72} Советско-монгольские отношения 1921-1974, М., т. 2, ч. 1, с. 30.
- {73} Правда, 1943, 14 января.
- {74} Книга братства, с. 347.
- {75} История Монгольской Народной Республики. М., 1967, с. 375; Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм. М., 1971, с. 248; Г. К. Плотников. Монгольская Народная армия. М., 1971, с. 60.
- {76} Правда, 1946, 20 февраля.
- {77} Плотников Г. К. Монгольская Народная армия, с. 61.
- {78} Братство по оружию. Военно-исторический журнал. 1971, № 3, с. 59
- {79} Унэн, 1945, 11 сентября.
- {80} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 232.
- {81} Жамбын Пурэв. Три узла. М., 1978, с. 12.
- {82} Боевое содружество, М., 1983, с. 4.
- {83} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, т. 1. АЛ., АПН, 1974, с. 441.
- {84} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, т. 1. М., АПН, 1974, с. 7, 8.
- {85} Яковлев А. Цель жизни. Изд. 2-е. М., 1968, с. 337.
- {86} Павлов В. Д. Стойкость. М., 1983, с. 62.
- {87} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 3-е. т. 2. М., АПН, 1974 г.